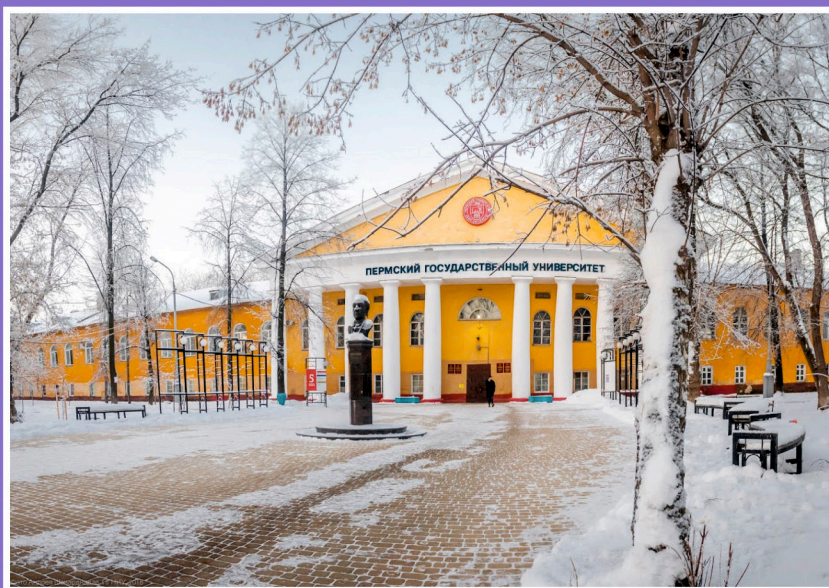

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

МОНОГРАФИЯ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Монография

Пермь 2019

УДК 314: 81'27
ББК 60.7+81.001.2
М 576

М576 Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Зубарева Е. О., Исаева Е. В., Иценко А. В., Костева В. М., Мошанская Е. Ю., Шустова С. В. / Научный редактор доктор филологических наук, профессор Т. И. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – 163 с.
ISBN 978-5-7944-3262-6

В монографии представлены результаты работы отечественных и зарубежных исследователей в области формирования и становления нового направления в парадигме гуманитарных наук – миграционной лингвистики.

Работа представляет интерес для преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов. Материалы могут быть использованы при разработке различных курсов, а также в научной и учебной работе с аспирантами, магистрантами и студентами.

УДК 314: 81'27
ББК 60.7+81.001.2

Рецензенты:

Зав. кафедрой романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики института языка и литературы Удмуртского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент

В. В. Вартанова;

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета

А. М. Аматов;

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и технического перевода Астраханского государственного университета

Г. В. Файзиева

*Издается по решению ученого совета
факультета современных иностранных языков и литератур
Пермского государственного национального
исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-3262-6

© ПГНИУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Пресс-служба ПГНИУ,
фото, 2019

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО:
Научным журналом «Евразийский гуманитарный журнал»
Центра педагогических инноваций
факультета современных иностранных языков и литератур
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Малым инновационным предприятием
ООО «Научно-методическое объединение «Иж-Логос»
при Удмуртском государственном университете

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В рамках международного проекта
«Многоязычие в образовательном пространстве»

РУКОВОДИТЕЛИ:
Т.И. Зеленина, доктор филологических наук, профессор, директор
ООО «Научно-методическое объединение «Иж-Логос» (УдГУ)
Е.Л. Кудрявцева, кандидат педагогических наук (Германия)
С.В. Шустова, доктор филологических наук, доцент, главный редактор
журнала «Евразийский гуманитарный журнал» (ПГНИУ)

УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА
под эгидой Международного методсовета по многоязычию
и межкультурной коммуникации (Германия)

Международные лаборатории с распределенным участием:

«Инновационные технологии в сфере поликультурного образования»
(Елабужский институт КФУ – головная лаборатория, г. Елабуга)

«Многоязычие и межкультурная коммуникация» (УдГУ, г. Ижевск)

«Диагностирование и психолого-педагогическое сопровождение
одаренности» (БашГУ, г. Уфа)

«Интернационализация образовательного пространства»
(Актюбинский университет им. С. Баишева, Казахстан, г. Актюбинск)

Научный журнал «Евразийский гуманитарный журнал» (ПГНИУ, г. Пермь)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миграционная лингвистика – объективное явление реальности. Принимая во внимание глобализационные процессы и связанные с ними процессы миграционные, необходимо сосредоточить усилия лингвистов на изучении и сохранении языкового многообразия. По словам В.А. Плунгяна, следствием глобализации стало то, что наш эмпирический материал съедается как шагреновая кожа. Англоцентризм современных теорий языка проявляется на всех уровнях. Исчезновение малых языков, воздействие, оказываемое на более крупные языки со стороны мировых языков – реалии нашего времени. Миграционные процессы обуславливают не только интерференцию, но и активные заимствования, кальки, перенос категорий из одного языка в другой, перенос особенностей формообразования и словоизменения. Изучение реально протекающих процессов в языке в синхроническом аспекте должно стать основной задачей не только миграционной лингвистики, но и лингвистики в целом. Случайное, вариативное, индивидуальное, обусловленные миграционными процессами, должны быть тщательно исследованы. Миграционные процессы связаны и сопровождаются взаимодействием языков и культур, в этом отношении интерес представляют анализ языковой компетенции в области родного и неродного языков, частота употребления того или иного языка в различных коммуникативных ситуациях, роль родного языка как фактора самоидентификации, особенности влияния вероисповеданий на язык и культуру.

В предлагаемой коллективной монографии авторы предпринимают попытку рефлексии отдельных аспектов лингвистической науки в проекции на миграционную лингвистику. В фокусе внимания авторов оказываются вопросы становления миграционной лингвистики, матричная структура миграционного и мигрантского дискурсов, феномен русского языка зарубежья, а также функциональная парадигма перевода в аспекте предлагаемой концепции *Мигрирующих теорий*. В монографии ставятся вопросы о терминологизации в рамках новых направлений, намечаются подходы к исследованию влияния миграционных процессов на языковую ситуацию в целом, на формирование образа социальных агентов. Мы открыты к обсуждению и дискуссии по проблемам миграционной лингвистики и приглашаем заинтересованных исследователей к сотрудничеству. Благодарим наших глубокоуважаемых научного редактора и рецензентов за ценные замечания и рекомендации. Предлагаемое исследование не было бы возможным без заинтересованности, увлеченности, стойкости и трудолюбия авторов.

С.В. Шустова, доктор филологических наук, доцент,
главный редактор научного журнала «Евразийский гуманитарный журнал»,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
lanaschust@mail.ru

Шустова С.В.

*Доктор филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Исаева Е.В.

*Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

В широком понимании «миграция» принадлежит к древним феноменам: *переселение народов, колонизация, вытеснение, переезд, миграция семьи, выезд, трудовая миграция, перемещение беженцев, ссылка, побег, приток, отток, переселенчество, внутренняя колонизация, депортация, утечка, репатриация.*

Миграция представляет собой перемещение людей по территории той или иной страны или за ее пределами. Причины миграции чаще всего экономические, могут быть и политические. Этническая миграция существенно влияет на этнический состав населения, на языковую ситуацию, в том или ином регионе [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 128].

Выделяются следующие типы миграции:

- маятниковая миграция – регулярные перемещения из одних населенных пунктов в другие и возврат к месту жительства, связанные с местом работы, учебы. Социолингвистические последствия такого вида миграции состоят в том, что происходит нивелирование территориальных и региональных языковых различий;
- сезонная миграция – передвижение сезонных рабочих и туристическая миграция;
- постоянная миграция – перемещение внутри страны и за ее пределами, результатом чего становится заметное изменение социального

и этнического состава населения в некоторых странах и регионах и возникновение в ряде случаев этносоциальных и этноязыковых конфликтов [там же].

Методологической базой исследования послужили гипотетико-индуктивный, гипотетико-дедуктивный методы, описательный. В качестве материала исследования выступают данные словарей, энциклопедий, корпуса Лейпцигского университета, Национального корпуса русского языка, онлайн-версий газет, форумов.

Тематика миграции становится наиболее актуальной в области лингвистических исследований особенно в последнее десятилетие. Для обозначения этой сферы все чаще исследователи прибегают к понятию «миграционная лингвистика» (*Migrationslinguistik*). Причиной становления миграционной лингвистики как самостоятельного направления в лингвистической науке стал факт массивных, многообразных миграционных движений, возникающих в мобильном и глобализирующемся мире. А на основе этих глобальных процессов особую значимость приобретает языковая динамика и ее релевантность для лингвистики в целом.

В фокусе внимания исследователей миграционных процессов находятся различные аспекты предлагаемой тематики: политические, экономические, социологические, правовые, культурологические, психологические. В связи с этим и подходы к определению понятия «миграция» варьируются. Проблема заключается не только и не столько в дефиниции, а в определении и выявлении ключевых концептов миграционной лингвистики, таких как интеграция, аккультурация, идентичность.

Отсутствие единой терминосистемы, а как следствие дивергентное использование концептов миграционной лингвистики в различных научных направлениях усложняют моделирование как миграционных процессов, так и их ключевых концептов. Объектом миграционной лингвистики становится не только модель динамических языковых процессов, не только модель миграционного дискурса, но и такие аспекты как мотивация, обстоятельства, факторы протекания миграции, последствия миграционных процессов. Каждый из названных аспектов может представлять самостоятельную сферу исследования. Например, мотивация как причина, как внутренние инстинктивные побуждения. Ведущая роль отводится социальному началу. Вопрос об осознанности мотивов представляется неоднозначным и рассматривается учеными по-разному.

Мотивация рассматривается как опосредованный процесс отражения субъективной детерминации поведения человека [Рубинштейн, 1969, с. 348–374].

Человек и его поведение рассматриваются не с абстрактных позиций, а как конкретный продукт конкретной общественно-исторической действительности. Мотивация представляет собой совокупность мотивов (сильные и устойчивые). Мотивация может включать и побуждения, как осознаваемые, так не осознаваемые, как биологические, так и социальные детерминанты [Мешков Н., Мешков Д., 2015, с. 39].

В аспекте анализа миграционных процессов релевантными становятся такие мотивационные факторы:

1) потребности и инстинкты как источники активности (нужда, необходимость, спрос, нехватка, требование, интерес, неволя, тяготение, аппетит, нуждаемость) (dic.academic.ru);

2) мотивы как детерминанты поведения (причина, основание, повод, довод, побуждение) (kartaslov.ru);

3) эмоции как регуляторы поведения (радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд).

Категориальная система миграции включает ряд аспектов:

- миграционная модель (эмиграция, иммиграция, трансмиграция, миграция с целью возвращения);

- географическая дистанция (ближняя vs дальняя миграция, внутренняя vs международная миграция);

- причины (экономические, политические причины, образование, заключение брака);

- срок пребывания (постоянная vs временная миграция);

- направленность (однонаправленная vs двунаправленная миграция);

- пространственная характеристика (прямая миграция vs поэтапная миграция);

- урбанистический и руральный аспекты (страна → страна, страна → город, город → город);

- вид организации (организованная vs неорганизованная миграция);

- вид союза (одинок, семья, группа мигрантов);

- вид решения (самостоятельное решение vs насильственное решение);

- вид отношений между мигрантами и населением принимающего региона (захват vs подчинение, выгодная vs невыгодная позиция мигрантов);

- цель (инновационная vs консервативная);
- характеристики мигрантов (пол, возраст, вероисповедание, профессиональная деятельность, язык, этническая принадлежность) [Gugenberger, 2018, S. 43–44].
- характер (внутренняя vs внешняя миграция).

Внешняя миграция, в свою очередь, подразделяется на иммиграцию и эмиграцию, последняя рассматривается как форма межконтинентальной миграции. Разновидностью внутренней миграции является принудительная миграция (раскулачивание, миграция в лагеря ГУЛАГа).

Р. Imbusch применительно к Латинской Америке выделяет на основе геополитического критерия следующие типы миграции: межконтинентальная (interkontinental), интрарегиональная, внутренняя миграция [Imbusch, 1993].

Феномен миграции изучается в рамках следующих направлений: психология миграции [Lüthke 1989, Хухлаев 2009], психоанализ миграции [Han 2010, Осадчий и др. 2018], этнология миграции [Bräunlein, Lanser 1995, Черниенко 2017], миграционная лингвистика [Krefeld 2004, Gugenberger 2018], история миграции (миграционная история) [Ключевский, 1995; Ионцев, 2014], миграциология [Алешковский, Ионцев, 2015], политическая миграциология [Ефимов 2005].

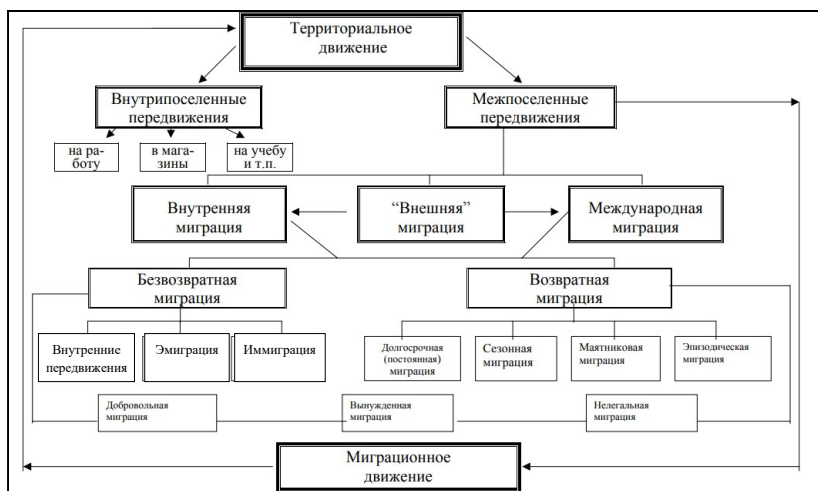

Схема 1. Общая классификация территориального движения населения (по Международная миграция населения: Россия и современный мир, 2000)

Миграциология представляет собой междисциплинарное направление. В рамках этого направления разработана миграционная система, состоящая из следующих компонентов:

- общая миграционная подвижность (миграционная активность);
- территориальное перераспределение населения;
- миграционное поведение населения как механизм воздействия

[Международная миграция населения, 2000].

Теория трех стадий миграционного процесса: формирование территориальной подвижности, миграция, приживаемость переселенцев на новом месте.

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ

В сфере миграционной лингвистики речь идет о вариативности языка / речи как способности языка создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внешних причин. Вариативность является одним из важных факторов развития языка и приложима как к языку в целом, так и к различным формам его существования. Это позволяет говорить об универсальном характере вариативности и варьирования. Если продолжать рассуждения относительно варьирования, то следует иметь в виду формальный (структурный), семантический и функциональный аспекты. Прежде всего, в силу того, что данные аспекты обусловлены знаковой природой языковых единиц, их формой, значением и функцией.

Важный вклад в развитие миграционной лингвистики внес Т. Крефельд [Krefeld, 2004]. Исследователь предложил системную концептуализацию миграционной лингвистики. Особое внимание сфокусировано на вариативной и пространственной лингвистике.

В современной лингвистике вариативность определяется как одно из фундаментальных свойств языковой системы. Вариативность характеризуется как общее свойство языковой системы получать реализацию в речи в виде множества вариантов. Вариант языка, или разновидность языка, рассматривается как форма существования языка, представляющая собой модификацию инварианта, в качестве которого выступает: 1) система и структура языка или 2) норма языка. В зависимости от причин, обусловивших появление вариантов языка, различают следующие типы:

- национальные варианты языка – появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориально-государственных образованиях (национальные варианты английского языка Англии, США, Канады, Австралии);
- этнические варианты языка (этнолекты) – возникают в зонах контактирования данного языка с другими языками и приобретения различий под воздействием постоянной системной интерференции;
- территориальные варианты языка (территориальные диалекты) – разновидности языка, появившиеся в результате территориального обособления части его населения;
- социальные варианты языка (социальные диалекты) – возникают в процессе функционирования языка в различных социальных слоях общества (профессиональные жаргоны, корпоративные жаргоны, просторечие) [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 35].

Е. Гугенбергер предлагает свой взгляд на решение вопроса о статусе миграционной лингвистики, а именно, особый фокус должен быть сконцентрирован не на попытке интеграции концептов других языковедческих дисциплин, а на разработке мультидисциплинарного подхода [Gugenberger, 2018, S. 18]. Мы разделяем позицию исследователя и считаем, что речь должна идти о формировании новой теоретико-методологической базы и о базе данных (например, корпусов). Миграционная лингвистика, как представляется, должна стать не только междисциплинарным, но и трансдисциплинарным направлением.

Теоретической задачей, которую мы ставим перед собой в предлагаемом исследовании – это определение объекта, предмета, цели и задач миграционной лингвистики.

Объектом миграционной лингвистики могут выступать язык мигрантов, моделирование динамических языковых процессов, обусловленных миграционными процессами и моделирование миграционного дискурса.

Предметом миграционной лингвистики могут быть определены модель миграционного дискурса; формирование базовых категорий миграционной лингвистики; формирование и развитие теоретико-методологической базы; разработка системы методов миграционной лингвистики.

Задачи миграционной лингвистики:

- 1) выявление пространственно специфических и контактных лингвистических аспектов взаимодействия языков различных этносов, проживающих на одной территории (пиджинизация, креолизация);
- 2) описание взаимодействия национальных, титульных языков и языковых анклавов; выявление критериев сопоставления;

- 3) разработка типологии языковых анклавов;
- 4) характеристика положительных и отрицательных сторон мобильности этносов в лингвистическом аспекте;
- 5) моделирование лингвокультурной полифонии языковой картины мигранта;
- 6) анализ причин языковой агрессии со стороны титульной нации и мигрантов;
- 7) сравнительный анализ нормативно-правовых актов стран в области языковой политики в аспекте выделения участников, их прав и обязанностей, включая организации;
- 8) разработка типологии языковых ситуаций, возникновение которых обусловлено миграционными процессами и желанием мигрантов сохранить свою идентичность;
- 9) определение роли политической лингвистики, контактной лингвистики, вариативной лингвистики, пространственной лингвистики и лингвоэкологии в формировании миграционной лингвистики;
- 10) анализ туристической миграции в лингвистическом аспекте;
- 11) разработка типологии коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью;
- 12) анализ динамических процессов в языке (на всех уровнях), обусловленных миграционными процессами;
- 13) введение понятия «мобильное многоязычие»;
- 14) моделирование процессов ослабления речевой конфликтогенности;
- 15) моделирование миграционных процессов в лингвистическом аспекте.

Е. Гугенбергер в своем исследовании рассматривает языковые контакты между Галисией и Испанией. По мнению ученого, благодаря интенсивному изучению галисийского языка в течение последнего года обнаружены важные количественные и качественные данные, касающиеся развития галисийского языка. Автор представляет солидную теоретическую базу в виде монографических трудов, в которых освещаются вопросы языковых контактов: галисийский и кастильский, галисийский и португальский языки, галисийский в Швейцарии, Германии, Франции, Англии [Gugenberger, 2018, S. 18–19].

В основе миграционной лингвистики находится дихотомия «локальное / глобальное», а также мир отдельно взятого языка и система, которая конструируется на основе тщательного изучения его развития. Е. Гугенбергер руководствуется принципом “follow the people” и анализирует язык галисийских мигрантов в детстве и юношестве в Арген-

тине до настоящего времени. Благодаря контрастивному сопоставлению коммуникационных пространств Галисии и Аргентины определяются социальные, культурные, языковые образцы речевого поведения [там же].

Возвращаясь к сформулированным задачам миграционной лингвистики, необходимо добавить изучение вопросов идентичности и аккультурации, роли социальных сетей и гибридизации.

Идентичность рассматривается как психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 72–73].

Важную роль при идентификации индивида играют лексические, орфоэпические, стилистические элементы языка. К характерным признакам относится симбиоз этнического самосознания и сознания языкового. В сфере идентичности выделяются: актуальная, возрастная, локальная, классовая, конфессиональная, культурная, национальная, родоплеменная, субэтническая, этатическая [там же, с. 73]. Практически все разновидности идентичности могут быть частным предметом исследования в миграционной лингвистике.

Аккультурация (культурная адаптация) представляет собой процесс и результат взаимовлияния национальных культур и языков, заключающийся в приспособлении индивида или культурного сообщества в целом к инокультурному окружению. В результате аккультурации у коллектива (или индивида-реципиента) происходит формирование двойного культурно-языкового сознания и развивается билингвизм [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 20].

В. фон Гумбольдт относит язык к числу тех явлений, которые отражают характер этноса, его психический склад, образ мыслей, искусство, науку, философию, то есть весь комплекс интеллектуальных ценностей, что определяет «дух народа», его мировоззрение, отражающееся в языке. Апеллируя к духовному началу языка, В. фон Гумбольдт, одновременно, рассматривает его как продукт динамичный, созидающий, активность которого проявляется в воздействии языка как социального явления на индивидуум и чем сознательнее индивидуум пользуется языком в соответствии со своими внутренними и внешними потребностями, тем сильнее воздействует язык на его мышление [Гумбольдт, 2000].

Гибридизация носит трансдисциплинарный характер и в целом означает продуктивное скрещивание, а, следовательно, возникновение объектов, в нашем случае языков, с качественно новыми свойствами, способных легче адаптироваться к контексту решения определенных задач [Ирисханова, 2010, с. 30–44].

Вопрос о роли социальных сетей в гибридизации языков можно ставить в аспекте важности их динамической составляющей в условиях глобализации. Развитие новых технических средств связи, каналов передачи информации, формирование глобальных информационных сетей, транснациональных мультимедийных образований способствует созданию общепланетарных коммуникативно-деятельностных систем [Сергеев, 2009, с. 117–123].

Таким образом, на основе двух культурных и языковых референциальных систем развивается гибридная этнолингвистическая идентичность, которая актуализируется на языковом уровне в виде процессов гибридизации. Это приводит к существованию вариативности в аспекте контактной ситуации. С этим вопросом связан и вопрос об аккультурации.

Все больше исследователей И. Пиллер [Piller, 2016], К. Силберайзен, П. Титцман [Silbereisen, Titzmann, 2016], К. Дишер [Discher, 2015] обращают внимание на тесную взаимосвязь миграционных процессов, влекущих неизбежные изменения титульного языка, и указывают на круг проблем, которые при этом возникают. Они считают, что миграция является неотъемлемой частью процесса межкультурной коммуникации. По словам Е.С. Ашнина, «увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы... наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» [Ашнин, 2012, с. 136].

П. Керсвилл отмечает, что миграция является основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнолингвистическое меньшинство, которое вносит новое и трансформирует титульный язык [Kerswill, 2006, p. 8].

Но при этом теория межкультурной коммуникации как наука не ставит перед собой задачу объяснить и решить проблемы, которые возникают в языке при больших миграционных потоках.

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА В НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

В области изучения динамических процессов в языке в миграционной лингвистике можно было бы сконцентрировать внимание на следующих аспектах, которые, в свою очередь, частично затрагиваются в других направлениях лингвистической науки.

- политическая лингвистика: образ мигранта, образ принимающей страны, образ лидера страны;
- лингвоэкология: нормативно-правовые акты в области языковой политики, борьба за чистоту языка титульной нации;
- теория коммуникации: типология коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью;
- когнитивная лингвистика: концепты «иммигрант», «эмигрант», «переселенец», «беженец», «лимитчик», «мигрант», «миграция»; переключение языковых кодов;
- переводоведение, контактная лингвистика: переключение языковых кодов;
- межкультурная коммуникация: туристическая миграция, образ принимающей стороны, образ мигранта, образ лидера страны, межэтнические конфликты, мобильность этносов, кросс-культурные контакты, языковая картина мира мигранта;
- паремиология: паремийные трансформанты;
- социо- и психолингвистика: языковая политика, языковые контакты, языковая ситуация, языковые анклавы, языковая экспансия, мобильное многоязычие, речевая конфликтогенность; развитие теории адстрата, суперстрата, субстрата;
- лексическая семантика, контактная лингвистика: заимствования, неологизация, метафоризация;
- лингвогеография, моделирование миграционных процессов в лингвистическом аспекте: количество этносов, количество говорящих на языке титульной нации и языке мигрантов, современный лингвистический ландшафт, языковые анклавы.
- метафорология: образ мигранта, образ принимающей страны, образ лидера страны, реалии принимающей стороны (лексико-семантические трансформации);
- вариативная лингвистика, вариотология: инвариантное и вариантное в языке;
- дискурсология: моделирование миграционного дискурса.

МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Миграция, беженцы, иммигранты входят в общий социокультурный и языковой контекст жизни общества. Это обуславливает необходимость теоретического обоснования семантических процессов, возникающих в результате возросших масштабов миграции населения и связанных с ней политических последствий, дополнительных способов языковой номинации и формирования некоторых акцентов на определенных фрагментах новой языковой реальности. Миграционный дискурс рассматривается как вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлеченные в социальные события.

Содержание дискурса в целом раскрывается не отдельными текстами, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов [Чернявская, 2012].

Ю.С. Степанов предлагает следующую дефиницию: «... дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует, прежде всего, и главным образом, в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир в полном смысле этого логико-философского термина»» [Степанов, 1995].

Дискурсивное пространство мыслится нами как среда сосуществования и функционирования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо принципу. <...> Дискурсивное пространство понимается не как вместилище, в которое помещены дискурсы, в котором они «расположены», оно понимается как сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов [Плотникова, 2018, с. 31 – 61].

Миграционный дискурс – коммуникативный процесс, участники которого стремятся:

Блок 1. Система ценностей:

- адаптироваться в принимающей стране;
- принять законодательство страны;
- оставаться в своей конфессии или изменить вероисповедание;
- освоить язык принимающей страны;
- определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории этой страны;
- принять решение о пребывании самостоятельно;

- адаптироваться к условиям проживания в одиночку, семьей, группой;

- решить экономические вопросы жизнеобеспечения;
- дать детям образование;
- обеспечить семью медицинским обслуживанием;
- принять культуру титульной нации.

Блок 2. Система ценностей:

- создать анклав (экономический, политический);
- создать языковой анклав;
- создавать условия для укрепления и расширения своего вероисповедания;
- не осваивать язык титульной нации;
- определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории принимающей страны;
- принять решение под давлением (из-за страха, из-за угроз);
- решать экономические вопросы жизнеобеспечения;
- дать детям образование;
- обеспечить семью медицинским обслуживанием;
- игнорировать культуру титульной нации (насаждать свою культуру).

Базовым компонентом миграционного дискурса является *миграция*, актуализирующаяся в миграционном дискурсе как *наука*, как *бизнес*, как *перемещение (переселение, передвижение)*. Миграция рассматривается как инструмент обогащения культуры труда и становится в один ряд с туризмом, как феномен современной жизни, с одной стороны, как проблема глобальных масштабов, с другой стороны. *Миграция* соотносится с такими объектами-отношениями: *беженцы, интеграция, убежище, рост населения, диаспора, глобализация, мобильность, криминал, терроризм, торговля людьми, идентичность*.

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОНТАКТНАЯ ЛИНГВИСТИКА

При рассмотрении подходов, связанных со становлением миграционной лингвистики, возникает вопрос о связи миграционной лингвистики и контактной лингвистики. Ж. Багана, Е.В. Хапилина в своей монографии «Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм» (2010) представили глубокую теоретическую базу разрабатываемого направления, а также предприняли попытку выявления отличий контактной лингвистики от социолингвистики [Баган, Хапилина, 2010].

Исследователи отмечают, что социолингвистика нацелена на описание взаимодействия языков и культур, становление контактной лингвистики обусловлено расширяющимися интеграционными процессами и обращением ученых к вопросу о языковых контактах¹. С точки зрения синхронии логично рассматривать соприкосновение сосуществующих языковых систем (владение несколькими языковыми кодами, несколькими языками, наличие нескольких государственных языков в один период времени). В диахроническом аспекте могут быть раскрыты основные способы сосуществования языков, механизмы их взаимодействия, изменения на языковых уровнях и т.д.

В ходе языковых контактов актуализируются такие процессы как конвергенция, заимствование, интерференция, контаминация. Исследователи Ю.В. Балакина, А.В. Соснин в сферу контактной лингвистики включают такие категории как языковой контакт, билингвизм, заимствование и интерференция, переключение кодов, пиджин и креольские языки [Балакина, Соснин, 2015, с. 5].

Языковой контакт актуализируется в результате взаимодействия двух или более языков или их разновидностей (диалектов, арго, профессиональной лексики). Языковая вариативность представляет собой объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы плана выражения и плана содержания, в синхронии и диахронии [Дубровина, 2015, с. 44].

В рамках контактной лингвистики, как и в рамках миграционной лингвистики могут находиться вопросы, связанные с лингвотолерантностью [см., например, Шемчук, 2013]. Лингвотолерантность (толерантность языка) проявляется в принятии иноязычных единиц в словарный состав языка. В качестве примера могут послужить многочисленные заимствования, используемые в молодежной субкультуре европейских стран.

Ключевым понятием лингвотолерантности является «словарный импорт».

Ключевым понятием контактной лингвистики – «заимствование».

¹ Считаем важным обратить внимание на ряд работ, которые являются основополагающими для становления контактной лингвистики: У. Вайнрайх «Языковые контакты: состояние и проблемы исследования» (1979), W. Ball «Le situations linguistiques. Contacts de langues» (1977), S.G. Thomason, T. Kaufman «Language contacts, Creolization, and Genetio Linguistics» (1988), S.G. Thomason «Contact languages: a wider perspective» (1997), R. Appel, P. Muyskon «Language contact and bilingualism» (1987). В отечественной лингвистике вопросы контактной лингвистики представлены в работах Ю.В. Балакиной, А.В. Соснина (2015), С.Ю. Максимовой (2014), Н.Ф. Михеевой (2010), О.А. Осипова (2011), З.И. Уздеевой (2014), Л.А. Ульяницкой (2016).

Лингвотолерантность следует отличать от эколингвистики, поскольку последняя ставит задачу сохранения своеобразия отдельных языков и диалектов. Эколингвистика предполагает деятельностный подход к поддержанию самобытности языка. Лингвотолерантность пассивна и ограничивается согласием со всеми языковыми изменениями. Причина возникновения эколингвистики – пуризм – движение за чистоту языка. Лингвотолерантность объединяет с контактной лингвистикой категория заимствования, в связи с этим лингвотолерантность необходимо включать в сферу контактной лингвистики [Багана, Хапилина, 2010, с. 95–98].

В конце XVIII начале XIX вв. изменилось положение в отношении языковых контактов. На протяжении XIX в. сравнительно-историческое языкознание становится основной лингвистической дисциплиной. В фокусе внимания исследователей находятся процессы языковой дивергенции. Конвергентные процессы, контактные процессы отошли на задний план. Так, Г. Пауль рассматривает семантические сдвиги в лексическом значении слов родного языка под влиянием слов другого языка, о структурном калькировании, о заимствовании суффиксов и флексий, а главное, указывает на роль двуязычия – индивидуального и коллективного – как главного фактора, делающего возможным влияние одного языка на другой [Пауль, 1960].

Важный вклад в развитие лингвистики внес Г.И. Асколи, который акцентировал роль языка автохтонного населения и считал этнический субстрат основной предпосылкой дифференциации латыни в процессе ее перехода в современные романские языки. Данная теория получила название этнологической (или теории субстрата). Субстрат рассматривается как влияние языка коренного населения на чужой язык, местная языковая традиция обрывается, народ переключается на традицию другого языка. В новом языке проявляются черты языка исчезнувшего (соотношение кельтского (галльского) с латинским, здесь кельтский – субстрат > французский, эбрийский – латинский > испанский).

Суперстрат – влияние языка пришлого населения на язык коренного в результате завоевания и / или культурного господства, которому не хватило критической массы для ассимиляции покоренного народа (язык племен саксов и ютов – латинский).

Адстрат – нейтральный тип языкового взаимодействия. Не происходит этническая ассимиляция и растворения одного языка в другом (латинский и греческий).

Австрийский языковед Г. Шухардт внес неоценимый вклад в изучение языковых контактов. Для ученого смешение языков было осно-

вополагающей чертой истории любого языка («Slawo-Deutsches und Slawo-Italienisches, 1884, 1926). Г. Шухардт впервые обратился к явлению, впоследствии получившему название языковой интерференции и высказал чрезвычайно интересные мысли о двуязычии.

Проблемы языковых контактов представлены в трудах Л.В. Щербы [Щерба, 1958, 2007].

Ж. Баган и Е.В. Хапилина выделяют слабые позиции рассматриваемого направления:

1) нечеткость названия лингвистической дисциплины (лингвистика языковых контактов, контактная лингвистика, лингвистическая контактология);

2) слабость понятийного аппарата, расплывчатость понятий «заимствование», «интерференция»;

3) неразработанная методологическая база; не ясно, что является объектом исследования и методы;

4) языковые контакты невозможны без контактов народов, контактов культур; существует мнение, что термин «языковые контакты» – метафора, распространенная в научной литературе; речь может идти в этом случае о контактах носителей языков в условиях межкультурной коммуникации;

5) достоверность полученных данных – особая проблема, на которую следует обратить внимание в связи с тем, что исследуемые явления не всегда можно квалифицировать как факты заимствующего языка [Багана, Хапилина, 2010, с. 13].

К задачам контактной лингвистики авторы относят: 1) уточнение круга исследований; 2) определение концептуальной базы; 3) разработка методологической базы; 4) достоверность материала [там же].

Ситуация языкового контакта не всегда может иметь отношение к миграционной лингвистике, с одной стороны, однако, с другой стороны, не все языковые явления, фиксируемые в условиях языковых контактов, могут быть объяснены с позиций миграционной лингвистики.

КОНЦЕПЦИИ Т. КРЕФЕЛЬДА И Е. ГУТЕНБЕРГЕР

В концепциях Т. Крефельда (2004) и Е. Гутенбергер (2018) языковое пространство рассматривается как одномерное, статическое, характеризуется одноязычием и оседлостью говорящих; не фиксируется аллохтонная вариативность и многоязычие. Т. Крефельд развивает динамическую многомерную концепцию коммуникативного пространства, которое может стать моделью для миграционных коммуникатив-

ных пространств во всем их многообразии [Krefeld, 2004, S. 19]. Говорящий конструирует свое собственное коммуникативное пространство, используя находящиеся а его распоряжении языковые средства. Модель коммуникативного пространства Т. Крефельда включает три измерения:

- 1) пространство говорения;
- 2) пространство говорящего;
- 3) ситуативное пространство говорения.

На основе этих трех измерений Т. Крефельд разрабатывает типологию, которая включает четыре позиции:

- активный диалектоноситель,
- представитель языкового меньшинства,
- территориальный (национальный) мигрант (не диалектофонный говорящий),
- экстратерриториальный мигрант.

В фокусе внимания Т. Крефельда находится четвертый тип – экстратерриториальный мигрант. Исследователь ставит перед собой цель на примере итальянских мигрантов продемонстрировать, как диагностируется возникновение языковой вариации в многомерном реконструированном коммуникативном пространстве.

Трем измерениям модели Т. Крефельда соответствуют три области исследования миграционной лингвистики:

- 1) язык в условиях экстратерриториальности;
- 2) притязания говорящего: структура репертуара и сетевого общения;
- 3) говорение в условиях изменения кода: смешение (mixing) и переключение (switching).

Что касается языка в условиях экстратерриториальности, то речь идет об определенных контактных феноменах (устойчивые заимствования), а также изоляционных феноменах, которые базируются на разграничении экстратерриториальных вариантов от области титульного языка. Ключевым понятием второй области является социальная сеть. Условия жизни и труда, проживания и мобильности определяют индивидуальное пространственное размещение каждого мигранта. А это, в свою очередь, ведет к расширению репертуара благодаря созданию двуязычной компетенции в области принимающего языка [Krefeld, 2004, S. 55].

Третья область исследований базируется на дискурсивном уровне. В данном случае речь идет о феноменах, которые находятся в условиях соответствующего пространственного окружения (относительная

прагматическая близость партнеров по коммуникации). Т. Крефельд выделяет функциональную (*switching*) и нефункциональную (*mixing*) смену кода [Krefeld, 2004, S. 90], то есть речь идет о ситуативной актуальности коммуникации (дискурсе). В концепции Т. Крефельда динамическое пространство конструируется говорящим как социальным действующим лицом (в нашей терминологии – социальный агент). В фокусе внимания миграционной лингвистики, таким образом, находятся группы говорящих со своими перцепциями и языковым сознанием. Понятие «языковое сознание» Т. Крефельд использует в относительно узком контексте.

Чрезвычайно интересной областью миграционной лингвистики может стать ситуация многоязычия у этнических меньшинств. В специальной литературе они называются по-разному: мигрантские меньшинства (*Migrationsminderheiten*) или аллохтоны (*allochtone Minderheiten*), меньшинства, противопоставляемые аутохтонным меньшинствам (*autochtone Minderheiten*) или говорящие на исторически региональном языке (*Sprecher historischer Regionalsprache*) [Gugenberger, 2018, S. 49].

Для Е. Гугенбергер объектом миграционной лингвистики являются психические процессы, протекающие в сознании, которые являются основополагающими для понимания восприятия, толкования и интерпретации знаков внешнего мира индивидуумом, в конкретном контексте исследования – мигрантом.

ВЕРЛАН¹

Объектом миграционной лингвистики могут стать языки, формирующиеся по модели языка *верлан* во Франции. В.М. Дебов [Дебов, 2006] рассматривает кодирование как формальный механизм лексической арготической модели, указывая на тот факт, существует множество процессов, которые позволяют людям общаться будучи не понятыми посторонним неудобным для общения собеседником. Исследователь обращается к анализу вербальных механизмов, которые являются рекуррентными в системе изменения французской лексики. Разновидности арго, которые существуют, демонстрируют изменения общего словарного запаса, которые фиксируют различные механизмы, затрагивающие означаемое. К ним относятся:

а) усечение или апокопа (*aperitif* > *аперо*, *буржуазный час*),

¹ Благодарим уважаемых коллег Екатерину Михайловну Плюснину и Екатерину Анатольевну Шалгину за помощь при работе с источниками на французском языке.

б) переднее усечение или афереза (афереза) (*captain* > *pitaine*),

в) псевдо-суффиксация (*Parisian* > *parigot*),

г) слоговое повторение (*jarret J (lja)* и, наконец,

д) лингвистическое кодирование (в оригинале – *Les argots qui tendent à modifier le vocabulaire commun, ont souvent parcouru à des manipulations diverses qui portent sur le signifiant. On peut appeler tout de suite quelques opérations essentielles parmi les plus fréquentes, Il s'agit de: a) troncation postérieure ou apocope (apéritif > apéro, bourgeois hourge), b) troncation antérieure ou aphérèse (capitaine > pitaine), c) pseudo-suffixation (parisien > parigot), d) redoublement syllabique (jarret J(lja) et, enfin, e) codage linguistique)*)

Термин «код», согласно П. Гиро, используется для обозначения каждого из способов создания лексической модели, целью которой является изменение лексических единиц языка в соответствии с четко определенной схемой, представляющей ключ для расшифровки. Наименование «код» имеет двойное преимущество:

1) оно целиком не относится к только одной из функций этих систем (в отличие от других обозначений, таких как «секретный язык» или «лингвистическая игра»),

2) оно позволяет выделить их "условную" сущность. Именно эта последняя характеристика свойственна для кодов в целом (в оригинале – *Le terme "code", selon P. Guiraud, sert à désigner chacun des procédés de création lexicale qui vise à altérer les unités lexicales d'une langue suivant un schéma bien déterminé qui en représente la clé. La denomination de "code" a un double avantage: 1) il ne réfère pas uniquement à l'une des fonctions de ces systèmes (à la différence d'autres désignations telles que "langage secret" ou "jeu linguistique"), 2) il permet de mettre en évidence leur essence "conventionnelle". C'est bien cette dernière caractéristique qui est spécifique aux codes en general.*)

Использование этих систем не влияет ни на семантический аспект – коды, имеющие эвфемистическую функцию, не могут изменить значение лексемы, но могут только смягчить его значение – ни на синтаксический. Модификации носят свободный и искусственный характер, в отличие от естественных изменений, возникающих в процессе функционирования языка: здесь стоит вспомнить о явлениях случайной метатезы или об ошибках, называемых «народной этимологией».

Наконец, если операция кодирования лексической единицы не стремится заполнить лексический пробел в исходном языке – поскольку она служит только для манипулирования единицами языковой сис-

темы – она остается не менее важным способом, который участвует в обогащении языка.

Действительно, если в теории код представляет собой не словарный запас, а систему, закодированное слово, тем не менее, может быть лексикализировано. Таким образом, некоторые лексические единицы проникли в повседневный язык, несмотря на то, что они не были зафиксированы или не были представлены в специализированных словарях различных видов сленгов или в общих словарях французского языка. Несмотря на свою продуктивность, которую можно охарактеризовать как довольно слабую, кодирование, несомненно, представляет собой совершенно особый способ создания лексики и заслуживает как таковой серьезного и тщательного изучения [Дебов, 2006, с. 3–4].

В качестве примера такого объекта для миграционной лингвистики может послужить молодежный сленг *verlan*, который существует в структуре французского языка. Верлан был распространен среди рабочих, иммигрантов, живущих на окраине Парижа. Был распространен на все слои общества. Язык создан на базе слов литературного языка, согласные звуки которых идут в обратном порядке, а гласные часто меняются на *eu* (*Arabe* → *beur* 'араб', *mec* → *keum* 'парень', *mère* → *reum* 'мать'). Иногда меняется расположение слогов (*prison* → *zonpri* 'тюрьма').

Название «верлан» происходит от французского наречия (*à l'envers* (наоборот). Первоначально верлан выполнял функцию тайного языка. Во второй половине XX в. образования верлана дополнили общий сленг и стали общеизвестной экспрессивной лексикой с элементами языковой игры.

Самые ранние упоминания о верлане встречаются в Средние века. В романе Беруля «О Тристане» (1190) имя Тристан меняется на *Tantrisc* (*Tristan* → *Tantris*). К концу XVI в. также появляются следы инверсионной игры слогов в устной речи. В то время Бурбоны стали называться Бонбурами (*Bourbons* → *Bonbours*). В XVIII в. французский писатель Вольтер, придумывая себе псевдоним, решил поменять местами слоги в названии своего родного города Эрво, что на французском дало ему Вольтер (*Airvault* → *vault-air* → *Voltaire*).

Верлан также встречается в романах конца XIX в., например, в романе «Lettre de la Hyène» (1842) имя Тулон (*Toulon*) трансформируется в Лонту (*Lontou*). В 1930-х гг. верлан используется преступниками в качестве шифра. Изначально в литературу верлан вошёл с буквой *e* (*verlen*). Огюст Ле Бретон использует его в своём романе «Мужская схватка» (фр. *Du Rififi chez les hommes*; 1953). Но начиная с 1963 г.,

верлан используется с буквой а (*verlan*). Это изменение внёс писатель Альфонс Будар, впервые используя слово верлан с а в своём романе «Вишня» (фр. *La Cerise*).

Переход от официального французского языка к верлану осуществляется в основном четырьмя способами:

1. Добавление или упразднение последней гласной буквы. По этому способу словообразования добавляется немой звук -е либо же убирается последняя гласная буква. Примеры добавления: *cher* → *chèreu*; *flic* → *flikeu*. Примеры упразднения: *défoncé* → *défontc'*; *rigoler* → *rigol'*; *énervé* → *nervé* (упразднение первой гласной буквы)

2. Разделение слова на слоги. Слово или выражение разбивается на две части. Выделяются три правила разделения слов на слоги:

- рзделение делается после первого слога, если в слове больше двух слогов;
- обе части слова делятся на приблизительно равные части;
- в слове, состоящем из двух слогов, разделение всегда делается между двумя слогами. Примеры: *ci-garett*, *va-zy*, *fa-meu*, *ç-a*, *ri-che*, *mor-ceau*, *chè-reu*, *dé-fonc'*, *blé-de*, *fli-keu*, *ri-gol'*, *ner-vé*.

3. Инверсия слогов. Нет официального правила, по которому производится инверсия слогов в верлане, поэтому она подчиняется личным предпочтениям. Одно и то же слово может иметь несколько эквивалентов. Слово делится на две части, и вторая часть меняется местами с первой. Примеры: *bizarre* → *bi-zar* → *zarbi*; *blouson* → *blou-zon* → *zonblou*; *bouton* → *bou-ton* → *tonbou*; *branché* → *bran-ché* → *chèbran*; *briquet* → *bri-ké* → *kébri*; *choper* → *cho-pé* → *pécho*; *cité* → *ci-té* → *téci*; *français* → *fran-sé* → *séfran*; *méchant* → *mé-chan* → *chanmé*; *métro* → *mé-tro* → *tromé*; *business* → *zness-bi*, *rase* → *zé-ra*, *survét* → *vêt-sur*, *rève* → *ve-ré*, *cavalier* → *val-ca*, *gentie* → *ti-gent*, *partir* → *ti-par*, *ter-sau* → *sauter*, *chanter* → *ter-chan*, *hotel* → *tel-ho*, *histoire* → *stoire-hi*; *marcher* → *ché-mar*; *cloper* → *pêclo*; *choper* → *pécho*; *chouette* → *ouetch*; *jouer* → *ouej*; *con* → *onc*; *bon* → *onb*; *toi* → *oit*; *quoi* → *oiqu*; *mot* → *om*; *brown* → *neubro*.

Если слово состоит из одного слога, то местами меняются буквы (*ça* → *ace*; *chaud* → *auche*; *bus* → *sub*).

4. Сокращение слова. Очень часто преобразование слова в верлан сопровождается элизией. Это может касаться одной буквы или группы букв, главным образом гласных. Примеры: *chère* → *reuché* → *reuch'*; *flic* → *keu-fli* → *keuf'*; *femme* → *meu-fa* → *meuf'* [wiki/Верлан].

FÉCA [feka] n m café. *Hep! Garçon, garçon! trios fêkas s'I' vous plait on est pressés là!*

Commentaire: verlan simple, régulier (sans modification phonétique) du substantive dissyllabique “café”. Graphie du mot: conservation de “c” en position finale.

Attestation: Andreini, 1985.

Fréquence: mot assez répandu [Дебов, 2006, с. 87].

Разговорная речь эмигрантов находится под воздействием культур стран Магриба и Черной Африки. Исследователем А.Д. Николаенко был проведен анализ фильма «Ненависть» Матьё Кассовица, в результате которого была выявлена 71 фраза, содержащая слова на верлане [Николаенко, 2010, с. 194]. Верланизации подвержены имена существительные – 16 слов на верлане из 30 образованы от существительных: *cailler – pacaille; keuf – flic – policier; reben – arabe; turevoi – voiture; meuf – femme; oinj – joint; roeus – soeur; cepla – place; ouf – fou; renoi – noire; genar – argent; tebê – bête*.

НЕМЕЦКО-РУССКИЙ РУССКИЙ

Следующим примером приложения сил специалистов, занимающихся проблемами миграционной лингвистики может стать немецко-русский русский язык в Германии. Массовая эмиграция из стран СНГ в Германию в 1990-е гг. привела к распространению среди некоторых эмигрантов волны особого подязыка и субкультуры. В силу своих морфосинтаксических и семантико-прагматических признаков, а также межрегиональной распространённости, этот социолингвистический феномен не укладывается в описание диалекта, жаргона, слэнга, арго или пиджина и в то же время является иллюстрацией ряда лингвистических понятий, таких как языковое упрощение, языковая интерференция или субстративность.

Схожими явлениями являются:

- аналогичный феномен в среде русскоязычных эмигрантов в США, Канаде и Израиле;
- смешение русского и родного языков, которое нередко наблюдается в речи жителей приграничных районов стран СНГ и России (например, в восточных областях Украины), а также в речи представителей малых народностей России.

Основной причиной возникновения описываемого подязыка является использование русского языка эмигрантами последней волны в условиях, когда вся бытовая и профессиональная сферы функционируют на немецком языке. Наибольшую распространённость такой язык получил в устной речи, а также в неформальной письменной (в личных

письмах, в электронной почте). Он также используется в качестве художественного приёма в музыке и кинофильмах, где действующими лицами являются эмигранты последней волны. В прессе это явление допускается исключительно в интервью на неформальные темы.

В отличие от простого смешения языков в процессе разговора, характерного для предыдущих волн эмиграции, когда использование того или иного языка четко разграничивалось уже на синтаксическом уровне (например, первая часть сложносочинённого предложения говорилась на стандартном русском, а вторая – на стандартном немецком языке), для новой формы языка характерна интерференция уже на фонетическом уровне, например произношение «Ляйпших» вместо «Лейпциг». Словообразование реализуется, как правило, по правилам русского языка с использованием корня, заимствованного из немецкого языка. Этому процессу подвержены не только существительные, но и глаголы, что является особенностью речи последней волны эмиграции. Кроме того, нередко полностью калькируются устойчивые словосочетания (коллокации). Склонение и спряжение новообразований происходит, как правило, в соответствии с правилами русской грамматики.

Например:

- *sich anmelden* – зарегистрироваться (документально): *замельдоваться? Как теперь в полицию это мельдовать? Страховку как мельдовать?* (22.12.2018)¹; *Друг вашего мужа должен мельдоваться в своей страховке* (19.12.2018); *... в августе прошлого года был уволен то мельдовался в арбайтсамте* (10.12.2018); *Получала кранкенгельд, после мельдовалась* (10.12.2018); *... фермитер не хотел меня мельдовать по причине возрастающих плат за коммунальные расходы* (22.07.2018); *... я позвонила в гебойдеферзирхерунг, мельдовала людей* (04.09.2018);

- *schwarz arbeiten* – работать «по-чёрному» (неофициально, не платя налоги) – шварцевать: *Если еще шварцевать, что делают 90 % наших социальщиков, то жить можно* (20.10.2018); *... подскажите, в каком направлении ему двигаться. он шварцевать не собирается* (01.10.2018); *... ходить по кабакам и содержать машину, придется шварцевать* (13.08.2018); *... по кундам ездила шварцевала и кто-то на нее наступал* (13.12.2017); *... после основной шварцовки идти шварцевать* (18.04.2017);

- *mieten (die Wohnung)* – снимать, арендовать квартиру – митовать, *die Miete* – аренда: *... девочки, как вам новые пересчеты по мите*

¹ Источник контекстов – foren.germany.ru. Пунктуация, орфография сохранены.

и свету за истекший год (25.12.2018); Только надо поделить миту и небенкостен (24.12.2018); ... квартиросдатчик не поднимет миту нет (24.12.2018); ... списывала часть миты на электричество (23.12.2018); Миту специально сделал поменьше, чтобы митеры... (18.12.2018);

- *Das Geld* – деньги – гельд: ... проблема в том, что я получала арбайтсгельд + социал и делала небенджоп (05.12.2018); 100 дней гельд-цурюк, если не понравится (13.12.2018); а) заберут гельд на алейн эрциенде, б) киндер Гельд и ... (17.09.2018); А вонунг гельд? (07.09.2018); Родился ребенок Все эти гельды делаются на основании свидетельства о рождении и документов родителей (20.07.2018); Ха-усфрау получает сколько-то гельдов))) (07.07.2018); ... киндер гельд на всю деревню (12.05.2018);

- *Das Angebot* – предложение – ангебот: ... на цены люди смотрят если ангеботы ... всякое бывает (11.02.2013); ... хорошие чистящие средства покупаю в Альди, в ангеботе (06.04.2012); А потом уже можно поискать хороший ангебот online (24.12.2018); А чем плох ангебот? (24.12.2018); Технический фен. Купим в Норме на ангеботе (23.12.2018); Ухватила на хенди один интересный анебот (17.12.2018); ... они в ангеботе по 6 е. (13.12.2018); ... а ему бери колбасу и свинину по ангеботам (23.12.2018); ... почему мои банят ангеботы у других нет (05.12.2018); Там хитрый ангебот (01.12.2018); По магазинам в поисках ангеботов (30.11.2018); ... купил по хорошему ангеботу (24.11.2018); ... хорошие ангеботы быстро разобрали (23.11.2018); ... тебе сразу же твоя страховка сделает лучший ангебот (23.11.2018);

- *Der Kauf* – покупка, *kaufen* – покупать, *verkaufen* – продавать: Подтвердите кауф и он сделает все как вы хотите (23.09.2017); Да мне не надо кауфен феркауфен (14.09.2017); ... про недвижку насчет мите одер кауфен (27.12.2016);

- *Der Antrag* – заявление, заявка, ходатайство, прошение, требование: ... номер мобильный. Десяточка оставалась на счету. Ни антраг, ни обращение найти не могу, чтобы ее забрать (29.01.19); ... обратитесь туда, вам помогут заполнить антраг (29.01.19); Бабушка и мама тоже подавали антраг в 1991 году, мама была вписана (29.01.19); ... потом идти опять просить ставить Антраг, показывать свой контоаусзуг (29.01.19); нужно предложение работодателя приложить к антрагу (29.01.19).

В связи с неофициальностью и не очень широкой распространённостью в письменной речи какие-либо правила написания отсутствуют. Мо-

гут встречаться различные написания со смешанным использованием кириллицы и латиницы, а также свободной постановкой апострофа на границе заимствованной немецкой и последующей русской части слова.

Например:

- 1) Я замельдовался и поставил антраги; Я *zateldovalsja* и поставил *Antragi*; Я замельдовался и поставил *Antrag*'и;
- 2) Ангебот, анегботы, агнеботы, (на) ангеботе, (в) агнеботе, (по) ангеботам, ангеботов, (по) ангеботу;
- 3) Мельдовать, мельдоваться, мельдовался, мельдовала;
- 4) Шварцевать, шварцевала;
- 5) (по) мите, миту, миты;
- 6) Гельд, киндергельд, вонунг гельд, гельды;
- 7) Монатскарте, (с) монатскартой, Монатскарте, монатскар-ты, монатскарту;
- 8) Социал, (на) социале, (от) социала, (на) социал;
- 9) Бевербунг, бевербунги;
- 10) Термины, термин;
- 11) Штихпункт, штихпункты;
- 12) Шпацирен, шпацируют, шпацировал;
- 13) Амт, (по) амтам; (в) амте;
- 14) Бератер, бератеры, бератерам, бератера, Бератер;
- 15) Фрайберуфлих, фрайберуфлихей, фрайберуфля;
- 16) Шпребхает, шпребхают, шпребхать, шпребхала;
- 17) абшлëпали, абшлëпают;
- 18) зухать, зухаете, зухала, зухает.

В то время как представители предыдущих волн эмиграции используют заимствования в случаях, когда затрудняются подобрать соответствующие русские слова или выражения, другие русскоязычные жители Германии применяют принцип языкового упрощения. Например, «монатскарте» (нем. *Monatskarte*) вместо «месячный проездной билет»: ... он может мне продать монатскарту (21.10.2018); частные детские сады в Дрездене монатскарта стоит 59 € (15.06.2017); поездим с монатскартой (02.04.2017); ... надо каждый месяц покупать Монатскарте на проезд (28.02.2017); Как мне в штоерэрклерунге абштойровать проездные монатскарты на трамвай... (17.05.2015); как раз тагескарту или монатскарту подделать выгоднее (29.08.2014); ... попросить монатскарту на бус и цуг (28.08.2011).

Другими аналогичными примерами являются выражение «абшлëпать машину» (нем. «*einen Wagen abschleppen*» – «эвакуировать (неисправный или неправильно припаркованный) автомобиль»: ... по-

везло, что машину не абишлепали (24.07.2018); Куда абишлепают, там и будет стоять (29.09.2016); ... руль тяжелее крутить, завтра ее на веркштад абишлепают и скажут точно, что и как (23.12.2014); ... в двух местах ее не могут abschleppen oder? Абишлепали в одном городе, и выгрузили в другом (30.03.2011) или глагол «хабилитироваться» (нем. «habilitieren» – защищать докторскую диссертацию).

Другая функция языка – стилистическая, иногда встречается переименование, игра слов с целью создания коннотаций, понятных только носителю русского языка, например слово «арбайтслёзы» («arbeitslos» – безработный), обозначающее пособие по безработице, указывает на небольшой размер этого пособия – такой, что «хоть плачь»: *Арбайтслезы какие-то платят переучебу оплачивать (25.10.2018); ... арбайтслезы давали всем разные – по профессии (09.02.2018); В Германии сейчас не работаю на арбайтслезах сижу (17.01.2018); Я прекрасно знаю как вы арбайтслезен живете! (17.01.2018); Меня лишили арбайтслез и перевели в социаламт (08.09.2017); ... поработать года 2–3, но вот не продлили ей контракт, на арбайтслезы села, потом в другие страны поехала (06.02.2017); ... с какого месяца вы уже арбайтслез? Наверное, вам арбайзамт выплачивает АЛГ (03.01.2017).*

Немецкий исследователь М. Раммельмейер современную ситуацию в Германии характеризует следующим образом: "Наличие большого количества иноязычной публики приводит, таким образом, к формированию многослойной системы общества в Германии, как и в других странах (например, в Америке). Эти слои – немецкий, турецкий, русский – образуют подсистемы, которые существуют обособленно, не пересекаясь друг с другом, что позволяет русскоязычному человеку в Германии существовать почти без знания немецкого языка: носители русского языка не испытывают необходимости в знании немецкого языка, так как все бытовые сферы функционируют на русском языке (или совсем без языка, как, например, транспорт, финансы и т.п.). В том, что невладение немецким языком ограничивает возможности социального подъема (карьеры), "одноязычники" себе не дают отчета или дают слишком поздно" [цит. по Шарлай, 2011, с. 21].

Смешение немецкой лексики с русской, перенос грамматических особенностей, а также другие формы интерференции – явления окказиональные и в ситуации контактирования языков и культур неизбежные. В последнее время отмечается системный характер в процессе смешения языков. Смешение немецкого и русского языков получило название «креативная квеля», данное явление названо именно так вслед за берлинским музыкантом-авангардистом Сашей Пушкиным. Он пародирует

манеру эмигрантов выражаться на смеси русского и немецкого [См., например, Шарлай, 2011, с. 21; Никитина, 2011, с. 45–46].

Приведем пример использования языковых заимствований и смешений в текстах эмигрантских песен. Например «Шпильхалле»:

Я сижу в *шпильхалле* (Spielhalle – зал игровых автоматов)

Гельдшайны тут я *векселяю* (Geldscheine – банкноты, wechseln – обменивать)

И *мюнцы* тут я засыпаю (Münzen – монеты и жетоны)

Во блестящий *Шпилёмат* (Spielomat – немецкий игровой автомат)

В другом примере встречаются слова общебытовой лексики из обиходной речи (из песни «В келлере термин»):

Откуда вы так *шпрехаετε* (sprechen – разговаривать)

А не томи мою ты *зелью* (Seele – душа)

Не сверли в ней *лох* (Loch – дыра)

А не души мою ты *квелью* (Quelle – источник, родник)

Ох как я *шпюраю* подвох (spüren – ощущать, чувствовать)

Дайте мне *Шпайзикарт* (Speisekarte – меню) [org].

В данном случае уместно говорить даже не о заимствовании, а об интерференции. В силу своих фонетических, морфосинтаксических и семантико-прагматических признаков так называемый немецко-русский русский иллюстрирует смешение языков, языковое упрощение, языковую интерференцию, субстративность или субстандартность. Субстандарт, возникающий в ситуации языкового контакта преломляет как национальную языковую картину мира, так и культурные реалии соответствующих членов контакта.

Словарь *квели* Саши Пушкина включает 135 слов, встречающихся в повседневной жизни, например: *бар* – *наличные* (*зачем картой? заплачу баром*); *шпуры* – *следы* (*он уже идет по шпурам*); *айнпрегать* – *впечатлять* (*ваша песня меня очень айнпрегала*); *клевенький* – *умненький* (*у вас очень клевенький сыночек*) [history.wikireading.ru].

шпуры – *следы* (*Он уже идёт по шпурам*)

троймиться – *сниться* (*И что тебе троймилось?*)

кукать – *смотреть* (*Я кукаю телевизор*)

кукнуть – *взглянуть* (*Кукни сюда*)

зийсдуге – *вот видите!* (*Зийсдуге! Я была права*)

мишунг – *смесь* (*Там много всего в этом мишунге*)

вунды – *раны* (*Это для открытых вунд!*)

штраус – *страус* (*Смотри, какой быстрый штрафус!*)

не гемёгельд – *не подделано* (*И не гемёгельт совсем*)

бруда – *брат* (*Вот какой у тебя бруда!*)

- коц – гадость (Это сплошной коц!)
- бетайлигунг – участие (Давай, давай. Только без моего бетайлигунга)
- ангебот – предложение (Совсем дешёвый ангебот)
- квалитет – качество (Иначе не будет квалитета)
- бебен – трястись (Они начинают бебен)
- месать – мерить (Щас мы это помесаем)
- штабилитет – стабильность (Штабилитет просто ирэ!)
- зееть – видеть (Я зеела вокруг)
- эритировать – вводить в заблуждение (Не эритируй меня!)
- фершиллуссельт – закодирован (Для посторонних фершиллуссельт)
- геиштель – основа (Этот геиштель в штабиль)
- дацу – к тому же (Ещё и дурак дацу)
- аусфлюг – вылазка (Давай сделаем аусфлюг)
- квелерай – мучение (С этим языком один квелерай!)
- итихпункты – основные моменты (В этом деле важны итихпункты)
- одезо – как будто, вроде бы (Он из Гамбурга одезо)
- безух – визит (Завтра к нам прийдёт безух)
- бар – наличные (Зачем картой? Заплати баром)
- акцептировать – принимать, признавать (Я такое никогда не акцептирую)
- швуль – голубой (Он швуль!)
- фризирсалон – парикмахерская (Сижу я во фризирсалоне...)
- фарер – водитель (Поеду вторым фарером)
- сиафать – добиться (Она это быстро сиафает)
- аусдрук – выражение (Кончай свои аусдруки)
- безетицунг – состав (Неплохой у них безетицунг)
- фильмать – снимать (Его снимали с разными безетицунгами)
- нихгут – не хорошо (Это гар нихгут)
- неунтерброхен – непрерывно (Эти самолёты летают неунтерброхен!)
- ундзо – и тому подобное (А этот – так вообще швуль ундзо)
- ластфарер – водитель грузовика (Спроси у ластфарера)
- их – я (их читаю)
- лауф – беги (лауф дрыхнуть)
- фербитать – запрещать (Он это всем фербитает)
- модельнать – работать моделью (Я модельнала)
- фотоаппаратчик – фотограф (Гутер фотоаппаратчик)
- берихт – сообщение (Они делали берихт)

- шлау – хитрый (государство тоже шлау)
квелеть – мучать (Не надо себя квелеть)
лебен – жизнь (Он изменил всю её leben)
квачнуть – наболтать (Квачни чегонибудь)
отцоленные – прошедшие таможеню (Продают неотцоленные сигареты)
бештрайтать – опровергать (А я и не бештрайтаю)
приборивать – присверливать (Как я их приборила!)
беционг – отношения (Они беционгом довольны)
фасцинировать – восхищать (Она меня так фасцинировала!)
аусреден – отговорки (Вечные аусреден)
амюзировать – развлекать (Он себя амюзирт)
ферлецать – ранить (Это меня ферлецает)
ферпассать(1) – вложить (Я те щас ферпасаю!)
ферпассать(2) – пропустить (Я ферпасаваю лекцию)
шмайснуть – бросить (Шмайсай сюда)
сшафать – успеть (Ты не сшафаешь)
хензельн – дразнить (Его будут хензельн)
юбертрайбать – преувеличивать (Он всегда юбертрайбаёт)
себя бенемен – себя вести (Я могу себя бенемен)
цузаммен райсать – брать себя в руки (Райсни себя цузаммен)
байбрингануть – научить (Может ты ему байбринганёшь?)
фершвиндать – исчезнуть (Мы фершвиндаем отсюда)
реновировать – ремонтировать (Пора уже отреновировать квартиру)
кохать – варить (А чё ты там кохаешь?)
абишлэпать – оттащить (И машину ещё абишлэпали)
реверснуть – отмотать (Реверсни кассету назад)
напуцать – начистить (Пойди, напуцай зубы)
мельдовать – регистрировать (А телефон уже замельдовали?)
брать термин – назначать встречу (У меня термин)
ферпецать – заложить (Я тебя не ферпецал)
пассать – подходить (И цвет мне пассаёт)
фресать – жрать (Всё фресаешь?)
юбалеговать – раздумывать (Я уже это юбалеговала)
зюндигать – грешить (Я часто зюндигаю)
опфа – жертва (Надо принести опфу)
тупиш – типично (Тупишь дойч)
аба – но (аба это просто)
блазый – бледный (Что то ты блазый какой то)

виндится – становится ветренным (Погода совсем завиндилась)
схолить – взять (Я схолил три адреса)
эгаты – супруги (Они друг другу эгаты)
наклебываться – наклеиваться (Они мне всё туда наклебываются)
шпюровать – чувствовать (Я же это шпюрую!)
шлимский – плохой (Самая шлимская работа)
душаться – принимать души (Утром душаться)
лезать – читать (Не мешай, я лезаю)
шлафать – спать (Пойдём пошлафаем)
фервёнать – баловать (Ты меня фервёнаешь)
кенаць – знать (Я это лучше тебя кенаю)
шенькать – дарить (Так можно расшенькать всё своё здоровье)
келлер – подвал (У меня в келлере термин)
беиштрайтать – отрицать, опровергать (а я и не беиштрайтаю)
продуцировать – производить (Пушкин продуцирует музыку)
костать – стоить (это мне костало целую меньгу)
кристальный – хрустальный (не тронь мой кристальный сервиз!)
тастатура – клавиатура (нажмите любую тасту на тастатуре)
кохать – варить (что вам покохать на ужин?)
руссен – русские (а они тоже руссен?)
анпассать – адаптироваться, подладится (ты должен здесь себя анпассать)
вертобух – словарь (кухни этот ворт в вертобухе)
зупа – круто (мой вчерашний кумпель v просто зупа!)
бефёрдерать – продвигать по службе (меня шеф берфёрдерает)
анграйфать – нападать, атаковать (анграйфали козлика серые вольфы)
кальтьенько – холодноато (на улице кальтьенько)
хальтать – держать (я своё слово хальтаю, я буду дихь ауф дем& лауфенден хальтен)
раухать – курить (раухать хоть и вредно, а мне эгаль)
тринкать – пить (ну, тринкнем по стаканчику)
шпилить – играть (Пушкин шпиляет на гитаре и зингт)
кюсать – целовать (он кюсал меня как аин тир!)
байсать – кусать (не байсай меня, ду хунд)
хары – волосы (у этой модели хюбишенькие хары)
оры – уши (и оры у неё красивой формы)
ауги – глаза (а ауги то какие гросые!)
фляша – бутылка (не пей из фляши, возми глянс)
фестенький – твёрденький (а брот уже не фриш, фестенький)

бёзый – злой (анграйфали козлика бёзые вольфы)
 гутый – хороший (сам гутый и машина у него гутная)
 клевенький – умненький (у вас очень клевенький сыночек)
 лахать – смеяться (эта квеля – облахочешся)
 айнкланг – созвучие (я с натурою в айнкланге)
 киндённыш – детённыш (какой зюсый киндённыш!)
 шпонтан – спонтанно (Пушкин ипровизирт шпонтан)
 меньга – множество (у него колен целая меньга)
 квачить – болтать (посидели мы, поквачали)
 виркать – действовать (на меня этот митель совсем не виркает)
 айнпрегать – впечатлять (ваша песня меня очень айнпрегала)
 [foren];

унбефристет – неограниченный (Мы работаем оба от ДЦ независим, живем 5 лет здесь, что можно сделать, что бы получить унбефристет? (27.12.2018);

фербиндоваться – соединяться (... с инет провайдером с которым раньше фербиндовались (07.07.2004).

Однако основной функцией и причиной распространения немецко-русского русского является номинация предметов и процессов, отсутствующих (или отсутствовавших на момент эмиграции) в русской языковой среде, либо имеющих иную специфическую прагматику. Например, понятие «социал» (нем. «*Sozialhilfe*» – финансовая помощь от государства, выплачиваемая не имеющим работы и права на пособие по безработице) не имеет аналога на территории стран СНГ: Жизнь одинокой мамы на социале (03.01.2015); ... есть свой срок, потом пересадят на социал если работу не найдет втечении определенного... (26.12.2018); ... все равно будут получать помощь от социала (25.12.2018); ... социал ей и так не дадут, раз квартира в Москве (22.12.2018); ... кассируют социал в 10–15 местах (22.12.2018); Мне тоже про пожизненный социал понравилось (21.12.2018); Мда, вот что социал «животворящий» делает (22.12.2018); Одних антрагов на социал... (21.12.2018).

Примерами понятий, отсутствовавших на момент эмиграции, являются наименования компонентов компьютера, поскольку большинство эмигрантов 1990-х гг. до эмиграции с компьютером не работали: «тасстатура» (нем. «*Tastatur*» – клавиатура), «фестплата» (нем. «*Festplatte*» – жесткий диск) и т. д.

Кроме того, заимствованию немецких слов способствует более широкое или более узкое значение их русского эквивалента. Так, например, немецкому «*Keller*» соответствует в русском языке несколько

слов: «подвал», «полуподвал», «полуподвальный этаж» и «погреб». В языке мигрантов эти понятия не различаются, объединяясь в *келлер*: *Мусор в келлер всегда выносит муж* (26.01.2019); ... *конструкция, которая легко переедет в подвал-келлер* (18.01.2019); *часто затапливает Келлер до 1 метра* (13.01.2019); *Одна семья предложила свой па-ти-келлер для совместного творчества* (10.01.2019).

Займствовано также слово *бевербунг*, отсылать *бевербунги* (*die Bewerbung* – лексема, не имеющая в русском языке однословного эквивалента, означающая: *заявление о приеме на работу, о назначении на должность или о зачислении в учебное заведение*): ... *особое внимание обратить на инициативные бевербунги* (25.12.2018); ... *креативные бевербунги с ударным вступлением «Вы ищете то и то-то?»* (23.12.2018); *фейковые бевербунги* (22.12.2018); ... *сперва посылается бевербунг в клинику аусбилунг* ... (14.12.2018).

Примерами процесса заимствования могут служить выражения типа «*взять лекарство*» вместо «*принять лекарство*» (*einnehmen*), «*сделать термін*», «*взять термін*», которое включает в себя прагматику русских выражений «*договориться о (деловой) встрече*», «*записаться на приём*» и «*согласовать день и время*», а на лексическом уровне представляет собой интерференцию выражения «*взять талончик (на приём)*» с немецким «*keinen Termin (aus)machen*» (*der Termin* – *деловая встреча, назначенная на определенное время*): ... *по электронке написали на какое число назначили термин и время* (26.12.2018); ... *получить новый термин можно только 27 декабря* (25.12.2018); *Термин онлайн тоже не получается взять – нету* (25.12.2018); *Когда подключать интернет? 2 января термин, нам отдают ключи от квартиры* (24.12.2018); *Моя немецкая свекровь отменила термин, т.к. свекр неправильно приправил гуся* (24.12.2018); *У нотариуса нужен термин, а в бюргерамт пришла и завершила* (23.12.2018); ... *у меня постсоветская травма. В общем, перед терминами к этому врачу у меня было что-то... наподобие панических приступов и я два термина саботировала и не пошла к нему. В итоге я нашла...* (22.12.2018); *Что делать с поступлением в гимназию при переезде в другой город? вы сделали по телефону термин с ректором?* (21.12.2018); ... *термины по времени важны к нотариусу* (21.12.2018); *У меня 8 января термин. Но посольство же работает 27 и 28 декабря* (19.12.2018).

Другими аналогичными примерами заимствований являются лексемы и выражения: *бератеры* – *консультанты* (*der Berater*); *бэтройша* – *куратор-женщина* (*die Betreuerin*): *По возрасту бабушка вполне подходит, чтоб вести от нее происхождение, но отсутствие репрес-*

сий может дать бератерам повод написать: «не разделила судьбу немецкого народа», «не пострадала от последствий войны» (25.12.2018); Бератер заявил, если не будет посещать маснамен... Я решила, что с ней пойду и к коачу и к бератеру, выведу на чистую воду (21.12.2018); ... еще спасибо надо сказать, что бераторы терпеливо проверяют антраг на правильность заполнения (10.12.2018); Вам нужно будет только бератера в джопцентре убедить в том, чего вы хотите... (27.11.2018); ... А тут Бератер сама посоветовала (15.11.2018);

штихпункты – основные моменты (*die Stichpunkte*): ... мне подробности не надо, штихпункты достаточно (13.10.2012); Так как в скриптах обычно упомянуты «штихпункты» – пока их расшифруешь ... пока как говорится (13.02.05); Вооот, уже что-то имеешь! Записала штихпунктами (19.06.2015);

меньга – множество, «куча денег» (*die Menge*): это мне костало целуюменьгу (17.07.2017);

ипацирить, ипацирнуть – гулять (*spazieren*): ... они пехом ипацируют, пару тройку евро заработать (22.03.2018); Без детей и ипацирен два-три – четыре километра в сутки (19.09.2017); ... – все как всегда – благопристойные обыватели ипацируют – гуляют вдоль киосков, каруселей, едят ... (20.05.2001); ... зачем я еду в германию (на ответ «ипацирен» пограничник долго хохотал) (10.01.2004);

фестенький – тверденький (*fest*): ... а брат уже не фриш и фестенький (18.05.2009);

блазный – бледный: блазный жаргон (18.01.2003);

илим – плохой: Самая илимская фигура (01.04.2009);

папирный – бумажный: Гражданам – тут уже наступает папирная чиновничья волокита (24.04.2001);

вихтижный – важный: ... могучий литератур и фольклор, который занимает вихтижный платц в шатцкамере мировой культур (26.06.2018);

шатцфолльный – богатый: К этой шатцфолльной шпрахе требуется бережное отношение (26.06.2018);

зухать – искать: Я зашпайхеровала на самсунг смартфон пдф в папку даунлоад и не могу ее найти, а где зухаете? (22.04.2015); 23 евры, в ней зухала – минимум за такие 120 (30.10.2010); Мне нечего там зухать, как Вы соизволили выразиться (07.02.2008); времена изменились и особенно никто никого не зухает. Большие катит блиндбевербунг (13.08.2004);

амт – учреждение: У них ведь куча соцработников, которые помогают собирать бумаги, ходить по амтам и т.д. (20.11.2015); ... в связи с переездом был в амте или бехёрде (точно не помню) (23.12.2013);

шпрехать – говорить: ...а) он старый, б) шпрехает по-тевтонски (27.11.2018); ... они за два года выучили язык и шпрехают как истинные арийцы (12.11.2018); ... в хайме с новыми русскоязычными подружками, бодро шпрехающими уже на немецком (03.11.2018); Дети конечно шпрехают будь здоров (27.06.2018); ... в кнайпах Арту, в амтах Берлина все шпрехают на чем попало (11.01.2018); ... на фараде катим по штрассам и шпрехаем исключительно на кубинском языке (12.11.2017); Как живется на новом месте?)) В Заксене:) Я шпрехаю. хох ээксиш ☺ (02.09.2017); И по-немецки она шпрехает у меня на уровне разговорного (22.10.2018); Я тут понял. Что шпрехать на некоторых работах даже не обязательно! (24.10.2018);

фрайберуфлих – «свободный художник», свободный от профессии: Добрый день и с наступающими... что нельзя считать фрайберуфлих и геверблихе занятия. Искусство это фрайберуфлих, тату это услуги ... мы это тоже проводим на гонорарной основе (21.12.2018); ... муж после проектов на стройках как фрайберуфля по всей стране (12.09.2018); Из учителей в фотогафы. Ну в общем, я уже 8 лет фрайберуфлих (12.09.2018); ... могу идти на актуальный проект фрайберуфлей под его начало (31.05.2018); Переводчик – это фрайберуфлих, т.е. опять полное отсутствие стабильности (03.10.2017); Мне на интеграционных курсах уже в качестве фрайберуфлих сложно (30.09.2017); был на одном проекте, там один фрайберуфля по 12 часов в день работы рисовал (17.04.2016);

шпюрать – чувствовать, ощущать (*spüren*): Я же это шпюрую! (21.02.2006).

Процесс заимствования, как видно из примеров, наблюдается и в сфере функционирования имен прилагательных, которые изменяются в соответствии с правилами русского языка: *блазый* (*bläss*) – бледный, *шлимский* (*schlimm*) – плохой, *папирный* (*aus Papier*) – бумажный, *вхтижый* (*wichtig*) – важный, *берюмтный* (*berühmt*) – известный, *шатцфолльной* (*schatzvoll*) – ценный.

Иноязычные вкрапления, пересыпание иностранными словами в разговоре на родном языке часто производят комический эффект, что используется в художественной литературе в качестве стилистического средства, характеризующего язык персонажей. Границы между вкраплениями и заимствованиями являются расплывчатыми. В русской речи мигрантов трудно определить степень узуализации немец-

ких элементов. Высокая частотность употребления некоторых лексем свидетельствует о том, что они уже не индивидуальны и вошли в лексическую систему русского идиома данной группы говорящих.

Интерес представляют немецкоязычные вкрапления в стихотворении И. Бродского «Два часа в резервуаре» (1965), которое занимает особое место в творчестве поэта. В данном случае смешение немецкого и русского языков служит исключительно пародийным целям. Стихотворение являет собой комически-грубоватый бурлеск, занимательную игру слов. И. Баумгертнер предлагает великолепную интерпретацию этого стихотворения, в котором немецкий язык выступает как средство создания «маски национального» [Баумгертнер, эл. р.].

Иосиф Бродский
Два часа в резервуаре (1965)

Мне скучно, бес...

А. С. Пушкин

I

Я есть антифашист и антифауст.

Их либе жизнь и обожаю хаос.

*Их бин хотеть, геноссе официрен,
дем цайт цум Фауст коротко ипацирен.*

II

*Но подчиняясь польской пропаганде,
он в Кракове грустил о фатерланде,
мечтал о философском диаманте
и сомневался в собственном таланте.
Он поднимал платочки женицин с пола.
Он горячился по вопросам пола.
Играл в команде факультета в поло.*

*Он изучал картежный катехизис
и познавал картезианства сладость.
Потом полез в артезианский кладезь
эгоцентризма. Боевая хитрость,
которой отличался Клаузевиц,
была ему, должно быть, незнакома,
поскольку фатер был краснодеревец.*

Цумбайшипиль, бушевала глаукома,
чума, холера унд туберкулезен.
Он защищался шварце папиросен.
Его влекли цыгане или мавры.
Потом он был помазан в бакалавры.
Потом снискал лиценциата лавры
и пел студентам: "Кембрий... динозавры..."

Немецкий человек. Немецкий ум.
Тем более, когито эрго сум.
Германия, конечно, юбер аллес.
(В ушах звучит знакомый венский вальс.)
Он с Краковом простился без надрыва
и покатил на дрожках торопливо
за кафедрой и честной кружкой пива.

III

Сверкает в тучах месяц-молодчина.
Огромный фолиант. Над ним – мужчина.
Чернеет меж густых бровей морщина.
В глазах – арабских кружес чертовщина.
В руке дрожит кордовский черный грифель,
в углу – его рассматривает в профиль
арабский представитель Меф-ибн-Стофель.

Пылают свечи. Мышь скребет под шкафом.
"Герр доктор, полночь". "Яволь, шлафен, шлафен".
Две черных пасти произносят: "мяу".
Неслышно с кухни входит идиш фрау.
В руках ее шипит омлет со шпеком.
Герр доктор чертит адрес на конверте:
"Готт штрафе Ингланд, Лондон, Франсис Бекон".

Приходят и уходят мысли, черти.
Приходят и уходят гости, годы...
Потом не вспомнить платья, слов, погоды.
Так проходили годы шито-крыто.
Он знал арабский, но не знал санскрита.
И с опозданием, гей, была открыта
им айне кляйне фройляйн Маргарита.

Тогда он написал в Каир депешу,
в которой отказал он черту душу.
Приехал Меф, и он переоделся.
Он в зеркало взглянул и убедился,
что навсегда теперь переродился.
Он взял букет и в будуар девицы
отправился. Унд вени, види, вици.

IV

Их либе ясность. Я. Их либе точность.
Их бин просить не видеть здесь порочность.
Ви намекайт, что он любил цветочниц.
Их понимайт, что даст ист ганце срочность.
Но эта сделка махт дер гроссе минус.
Ди тойчно шпрахе, махт дер гроссе синус:
душа и сердце найн гехапт на вынос.

От человека, аллес, ждать напрасно:
"Остановись, мгновенье, ты прекрасно".
Меж нами дьявол бродит ежесчасно
и поминутно этой фразы ждет.
Однако, человек, майн либе геррен,
настолько в сильных чувствах неуверен,
что поминутно лжет, как сивый мерин,
но, словно Гете, маху не дает.

Унд гроссер дихтер Гете дал описку,
чем весь сюжет подверг а ганце риску.
И Томас Манн сгубил свою подписку,
а шер Гуно смутил свою артистку.
Искусство есть искусство есть искусство...
Но лучше петь в раю, чем врать в концерте.
Ди Кунст гехапт потребность в правде чувства.

В конце концов, он мог бояться смерти.
Он точно знал, откуда взялись черти.
Он съел дер дог в Ибн-Сине и в Галене.
Он мог дас вассер осушить в колене.
И возраст мог он указать в полене.
Он знал, куда уходят звезд дороги.
Но доктор Фауст ниц не знал о Боге.

V

*Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье – слепота, а чаще – свинство.
Бог смотрит вниз. А люди смотрят вверх.
Однако, интерес у всех различен.
Бог органичен. Да. А человек?
А человек, должно быть, ограничен.*

*У человека есть свой потолок,
держась на нем вообще не слишком твердо.
Но в сердце льстец отыщет уголок,
и жизнь уже видна не дальше черта.
Таков был доктор Фауст. Таковы
Марло и Гете, Томас Манн и масса
певцов, интеллигентов унд, увы,
читателей в среде другого класса.*

*Один поток сметает их следы,
их колбы – доннерветтер! – мысли, узы...
И дай им Бог успеть спросить: "Куды?!" –
и услышать, что вслед им крикнут Музы.
А честный немец сам дер вез цурюк,
не станет ждать, когда его попросят.
Он вальтер достает из теплых брюк
и навсегда уходит в вальтер-клозет.*

VI

*Фройляйн, скажите: вас ист дас "инкубус"?
Инкубус дас ист айне кляйне глобус.
Нох гроссер дихтер Гете задал ребус.
Унд ивиковы злые журавли,
из веймарского выпорхнув тумана,
ключ выхватили прямо из кармана.
И не спасла нас зоркость Эккермана.
И мы теперь, матрозен, на мели.*

*Есть истинно духовные задачи.
А мистика есть признак неудачи
в попытке с ними справиться. Иначе,*

*их бин, не стоит это толковать.
 Цумбайшпиль, потолок – предверье крыши.
 Поэмой большие, человеком – нищие.
 Я вспоминаю Богоматерь в нише,
 обильный фриштик, поданный в кровать.*

*Опять зептембер. Скука. Полнолунье.
 В ногах мурлычет серая колдунья.
 А под подушку положил колун я...
 Сейчас бы шнапсу... это... апгемахт.
 Яволь. Зептембер. Портится характер.
 Буксует в поле тарахтящий трактор.
 Их либе жизнь и "Фелькиш Беобахтер".
 Гут нахт, майн либе геррен. Я. Гут нахт.
 [lyric]*

В сфере употребления лексики наблюдаются также случаи некорректного употребления интернационализмов, ошибочного употребления одного слова вместо другого [Архангельская, 2001] и др., например:

- Ошибочное употребление интернационализма из-за ложной аналогии:

Der Abiturient – учащийся выпускного класса школы, выпускник школы.

Der Studienbewerber – абитуриент, выпускник школы, подавший заявление о приеме в вуз; человек, поступающий в вуз.

- Ошибочное употребление интернационализма в результате несовпадения его значения в немецком и русском языках:

Der Akademiker – человек, имеющий законченное высшее образование, особенно университетское.

Das Akademiemitglied – академик, член академии.

- Ошибочное понимание и употребление тематически близких существительных из-за возможности их перевода на русский язык с помощью интернационализмов:

Der Akteur – актер, исполнитель роли в театральном представлении; действующее лицо, активный участник какой-либо ситуации.

Der Artist – артист цирка, артист варьете.

Der Künstler – творческий работник, деятель искусства и литературы.

Der Schauspieler – артист, актер.

- Ошибочное недифференцированное употребление обозначений кондитерских изделий, называемых в русском языке общим словом конфета:

Die Bonbons – конфеты, карамель.

Die Dragees – драже.

Das Konfekt – конфеты (всех сортов, кроме карамели и драже).

Die Pralinen – шоколадные конфеты.

- Ошибки в правописании и роде разных по значению слов из-за общности их происхождения:

Das Cafe – кафе, закусочная.

Der Kaffee – кофе.

- Ошибочное употребление интернационализмов из-за расхождения их значений в немецком и русском языках в области высшего образования:

Der Doktor – доктор (ученая степень в ФРГ, соответствует ученой степени кандидата наук в России).

Der Kandidat – кандидат, претендент (лицо, желающее занять какую-либо должность, какое-либо место).

- Ошибочное употребление одного слова вместо другого из-за возможности перевода их на русский язык одним и тем же словом:

Der Anzug – мужской костюм, костюм (в состав которого входят брюки, шорты).

Das Kostüm – дамский костюм; костюм мужской или женский той или иной эпохи, того или иного народа, того или иного сословия).

- Ошибочное употребление одного слова вместо другого из-за тематической близости и общей словообразовательной основы у русских соответствий ванна, ванная:

Das Bad – ванна (вода или какой-либо раствор, используемые для мытья тела или для лечебных целей).

Die Wanne – ванна (емкость для купания).

- Ошибочное употребление тематически близких существительных из-за частого недифференцированного употребления их соответствий в русском языке:

Der Bazar – восточный базар, торговый ряд, пассаж.

Der Markt – рынок, базар.

- Ошибочное употребление одного слова вместо другого из-за того, что они близки по форме между собой и с русским слова доза:

Die Dose – баночка (с крышкой), коробочка (с крышкой).

Die Dosis – доза лекарства; доза, доля, порция.

- Ошибочное употребление существительного из-за наличия интернационализма в русском языке:

Der Dramatiker – драматург (писатель, создающий драматическое произведение).

Der Dramaturg – заведующий литературной частью театра, заведующий репертуаром, сотрудник литературной части в театре (на телевидении, на радио).

- Ошибочное употребление одного существительного вместо другого из-за их тематической близости и совпадения в переводе словом срок:

Die Frist – срок, время (промежуток, отрезок времени).

Der Termin – срок, дата (поступления, исполнения чего-либо).

- Ошибочное употребление заимствованного существительного из-за расхождения значения интернационализма в немецком и русском языках, в том числе при обозначении воинского звания.

Der Hauptmann – капитан (звание, чин следующий за званием старшего лейтенанта и предшествующий званию майора, а также офицер в этом звании).

Der Kapitän – капитан (командир морского корабля).

- Ошибочное употребление заимствованного слова:

Der Klient – клиент (лицо, дело которого ведет адвокат).

Der Kunde – (постоянный, частый) покупатель, клиент, посетитель, заказчик.

- Ошибочное понимание и употребление слов, значение которых в немецком языке расходится со значением соответствующих интернационализмов в русском языке:

Das Parkett – паркет, паркетный пол, партер (в театре).

Das Parterre – первый этаж (здания).

- Ошибочное употребление существительного из-за незнания разницы между словами и неправильного образования соответствующего глагола по ложной аналогии с русским глаголам:

Der Redakteur – редактор (специалист отбирающий, обрабатывающий, а также составляющий собственные тексты для газеты, журнала, радио, телевидения).

Der Redaktor – издатель, составитель, ответственный редактор (сборников научных и литературных трудов).

Redigieren – редактировать (выправлять, перерабатывать, готовить к изданию).

Относительно грамматических заимствований или точнее грамматической ассимиляции заимствованной лексики отметим, что грамма-

тический строй, будучи наиболее устойчивой частью любой языковой системы, практически не подвергается воздействию со стороны иностранных языков. Даже после того, как система того или иного языка подверглась значительным воздействиям «извне» и заимствовала заметное число разнообразных элементов, она сохраняет грамматическое устройство, характерное для языковой семьи, к которой принадлежит данный язык, и тем самым показывает свою принадлежность к ней. Но даже и грамматический строй языка временами допускает заимствования.

В сфере имени существительного и прилагательного грамматические заимствования фиксируются путем использования немецкого корня, русских суффиксов и окончаний: *бератер* – *бератеры*, *бэтройша* – *бэтройши*, *кнайпа* – *кнайпочка*, *фестенький*, *ипацирить* – *ипацирнуть*, *агнеботина*, *кинденыш* и т.д.

Наиболее употребительной формой русского глагола в немецком языке является форма инфинитива. Глаголы на *-ать* более продуктивны, чем глаголы на *-ить*. Образование многочисленных глаголов на *-ать*, *-ить* служит свидетельством их отношения к русскому языку – отсутствие заботы о сохранении русского языка, нечувствительность к порче русского языка, к его нормам. Возможно, что действует и другая причина: расшатывание ограничений на производство глаголов на *-ить* и *-ать* от иноязычных основ в языке России. Ср. возникновение в русском языке конца XX в. глаголов *отксерить*, *пиарить*, *пропиарить*. В языке эмигрантов Германии производство глаголов на *-ать* обнаруживает активность: *инпрехать*, *побеишпрехать* (*sprechen, besprechen*), *ишрайбать* (*schreiben*), *ишпачать* (*sparen*).

Неверно было бы думать, однако, что мигранты совсем не производят глаголов на *-овать*. Большое количество широкоупотребительных глаголов на *-овать*, *-ировать*, *-изировать* не могут не влиять на речевую деятельность мигрантов. Вот некоторые иллюстрации.

Широко распространен глагол *парковать машину*, как в языке диаспоры, так и метрополии. В Германии используются многие глаголы на *-овать*:

- *хабилитировать(ся)* (*защищать докторскую диссертацию; sich habilitieren*): Недавно видел, как промовированный и хабилитированный здесь математик с адекватными статьями ... (28.09.2017); Еще один защищал кандидатскую там же, но хабилитировался уже здесь (16.08.2017); ... если ты проработал научным сотрудником 12 лет и не хабилитировался, то больше в этой специальности работать не можешь (17.04.2015);

- *бухштабировать* (читать, говорить по буквам; *buchstabieren*);
- *бламировать* (позорить; *blamieren*): ... бедная девочка, надеюсь у нее сильный характер и она забудет свой конфуз для меня лучше проиграть, чем бламироваться (06.02.2017); Вы сейчас его затоптаете, бламировать, глупый он покушака, на цену позарился (25.10.2010); ... нельзя положиться. Может и себя и меня бламировать (05.04.2008);
- *зендовать* (посылать; *senden*): ... вторая флешка форматировал я конечно и когда копируешь, он показывается, а вот когда зендовать его нет (25.02.2012); ... перед тем как что-то зендовать, нужно вначале ему бухштабе айнордновать (25.02.2012); Планета переезжает с 12 марта ищите ее тут... обещают зендовать с лучшим качеством (07.03.2003);
- *загать* (сказать; *sagen*): Предлагаю новую игру. Ну, раз никто не хочет, я еще раз загаю. проще не бывает. Отгадывается за 1 минуту. Никаких иностранных словечек (19.06.2016);
- *айнордновать* (упорядочивать; *einordnen*): ... мы поём только лайф ... Нужно всё айнордновать (13.09.2011);
- *лерновать* (учить; *lernen*): ... для себя подлерновал зачем тебе лерновать? это же твой родной язык (19.07.2010).

Функции глаголов менее исследованы, чем функции существительных. Подобно другим классам заимствований глаголы чаще всего используются в номинативной функции.

Наиболее очевидны мотивы порождения глаголов в тех случаях, когда они необходимы для наименования ситуации, отсутствующей в России и/или такой, для наименования которой нет русской однословной номинации. Так, например, многие эмигранты в Нью-Йорке и других больших городах США употребляют глаголы *товать*, *оттовать* или *оттовить* (из *to tow* – буксировать, тянуть на бичеве: *оттащить* сломанный автомобиль). Выражение *товать* (*оттовать*) машину обозначает целую специфическую ситуацию (*подвергаться административному наказанию, платить штраф*). Аналогичное обозначение ситуации передает и немецкое *абишлепать* (из *abschleppen* – *оттащить*), которое часто используется в Германии.

Глаголы используются как средство экспрессии, языковой игры. Например, шутливое употребление глаголов в речи эмигрантов Германии: *Пойду письмо нашрайбаю; Переишрайбай мне этот стишок!; ... что значит завалила ишрайбэн? Это значит что и лезен и хёрен и собсссно ишрайбэн, т.е. везде где надо чёто анкройцать или ишрайбать*

карандашом? (12.03.2018); *вы* наверное невнимательно лезали, я шрайбала, что анвальту мы гецайгали эти параметры (31.01.2016).

Ошибки, возникающие в результате переноса структур родного языка в изучаемый иностранный язык, обозначаются термином «негативный трансферт», то есть вывод по аналогии.

К. Бёттгер выделяет несколько разновидностей негативного трансферта: межязыковая ошибочная аналогия, калька и замена. В сфере негативного трансферта наблюдаются «гиперкорректировка» и «избегание» [Böttger, 2008, S. 76–77].

В сфере числа негативный трансферт фиксируется в области функционирования *Singularia tantum* и *Pluralia tantum*. В качестве примера русских *Singularia tantum* мы хотели бы привести: *картофель (Kartoffel(n))*, *горох (Erbse(n))*, *миндаль (Mandel(n))*, *лук (Zwiebel(n))*, *морковь (Möhre(n))*, *фасоль (Bohne(n))*, *малина (Himbeere(n))*, *брусника (die Peisebeere(n))*, *смородина (Johannisbeere(n))*, *клубника (Erdbeere(n))*, *ежевика (Brombeere(n))*, *Kratzbeere(n))*, *виноград (Weintraube(n))*, *черника (Blaubeere(n))*, *крыжовник (Stachelbeere(n))*.

В русском языке существует целый ряд *Pluralia tantum*, которые в немецком языке либо имеют оба числа, либо относятся к *Singularia tantum*:

- обозначения промежутков времени: *будни (der Alltag)*, *сумерки (die Dämmerung(en))*, *сутки (Tag und Nacht)*;
- праздники и семейные события: *именины (der Namenstag)*, *крестины (die Tauffeier)*, *похороны (das Begräbnis)*;
- продукты питания: *овощи (das Gemüse)*, *фрукты (das Obst)*, *дрожжи (die Hefe)*;
- обозначения материалов, веществ: *консервы (die Konserve)*, *духи (das Parfum)*, *дрова (Brennholz)*;
- обозначения парных предметов: *ножницы (die Schere(n))*, *клещи (die Zange(n))*, *кусачки (die Beißzange(n))*, *брюки, штаны (die Hose(n))*, *панталоны (Schlüpfer)*, *плавки (die Badenhose(n))*, *очки (die Brille)*, *ворота (das Tor)*, *усы (der Schnurbart)*;
- обозначения обуви: *боты (die Stiefel)*, *полусапожки (die Stiefeletten)*, *туфли (die Schuhe)*;
- обозначения предметов, состоящих из нескольких частей: *часы (die Uhr(en))*, *кандалы (die Kette(n))*, *оковы (die Fessel(n))*, *комы (Waben)*, *весы (Waage)*, *вилы (Heugabel)*, *отбросы (Abfall)* [Böttger, 2008, S. 77].

В русском языке слово «мебель» относится к *Singularium tantum*, в немецком языке это слово употребляется в ед. и мн. ч. *die/das Möbel*.

Слово «джунгли» в русском языке относится к Pluralium tantum, в немецком языке это Singularium tantum – *der Dschungel*.

Негативный трансфер проявляется в том, что носители русского языка калькируют Singularia tantum русского языка.

**Wir essen Speck mit Kartoffel.*

**Eis aus frische Erdbeere.*

Или наоборот:

**Gib mir bitte die Scheren.*

**Finde meine Brillen nicht.*

**Meine Uhren arbeiten nicht* [Böttger, 2008, S. 78].

При образовании безличных конструкций в русском языке с местоимениями в дательном падеже также наблюдается негативный трансфер.

**Ihm sind 20 Jahre.*

**Mir will trinken* [Böttger, 2008, S. 90].

Особая сфера ошибок приходится на употребление рекурсивных предикатов.

**Er hat ihm gestört.*

**Ich wundere dem ...*

**Er ruft dem Arzt an.*

В немецком языке существует большое количество глаголов, управление которых не совпадает с управлением в русском языке.

Ich begegne ihm – Я встречаю его

Er ähnelt seinem Freund – Он похож на своего друга

Erbarme dich unser (Gen) – Помилуй нас

Ich stimme dir zu – Я с тобой согласен

Die Firma kündigte ihm – Фирма его уволила

В немецком языке имена существительные в составе именного сказуемого употребляются в Nom., русскоговорящие используют Dat.

**Er wird dem Lehrer.*

** Sie nennen ihn einem Banditen* [Böttger, 2008, S. 90–93].

В этих контекстах глаголы *werden* и *nennen* выступают в качестве копулятивных (см., например, *heissen, sein*)

Классическая калька наблюдается при употреблении возвратных глаголов немецкого языка. Русские, изучающие немецкий язык, регулярно используют *sich*.

**Kaufst du sich Wasser?*

**...und wir haben gebaut sich selbst ein Haus*

Негативный трансфер выявляется также в сфере употребления отрицаний *nicht* и *kein*.

**Sie spricht fast nicht Deutsch.*

Часто русские используют ошибочно два отрицания, что также свидетельствует о негативном трансфере.

**Und wir keine Kleidung haben wir nicht gehabt.*

**Nichts haben wir nicht mehr gehabt.*

**Kein schul war nicht.*

**Wir nirgendwo nicht waren* [Böttger, 2008, S. 108].

Взаимодействие языков признается одним из важнейших факторов исторического развития языка и представляет собой сложный многоступенчатый процесс, обусловленный как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами. Данные факторы зависят от самой системы языка, от его фонетической, морфологической, семантической и синтаксической системы или подсистем. К экстралингвистическим факторам относятся социально-исторические, социально-психологические, социально-культурные факторы.

АСПЕКТЫ КОНВЕРГЕНЦИИ В МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Нам представляется актуальным выделение двух объектов миграционной лингвистики: моделирование динамических процессов в языке, обусловленных миграционными процессами [см., например, о динамических процессах в языке Плюснина, Шалгина, 2018], и моделирование миграционного дискурса. Миграционный дискурс рассматривается как социальная практика, как речевая деятельность, включающая лингвистические и экстралингвистические аспекты и как идеологический конструкт, с помощью которого формируется определенная позиция общества по отношению к миграционному процессу и разным аспектам, сопровождающих данный процесс [Зубарева, 2018].

Если выделяется новый объект исследования, то выделение всегда происходит в рамках той или иной системы. Считаем, что такой системой может послужить дискурсивное пространство.

Понятие дискурсивного пространства позволяет анализировать дискурс с точки зрения его существования среди других дискурсов, в аспекте их взаимодействия, и с точки зрения интерактивного дискурсивного процесса, в который вовлечены определенные участники. Участники дискурсивного процесса в аспекте миграционной лингвистики могут быть определены как социальные агенты. В рамках данного раздела предлагается фрагмент анализа взаимодействия миграционного дискурса с дискурсом рекламным. Поскольку речь пойдет о рекламе для мигрантов, предлагается ввести понятие *мигрантский дис-*

курс как разновидность *миграционного дискурса* [см, например, Пахомов, Недвига, Ломсадзе, 2018]. Наряду с мигрантским дискурсом существует понятие «антимигрантский дискурс» [там же]. Понятие «мигрантский дискурс» включает такие универсальные категории, как целостность и логичность (развернутость и последовательность), связность, завершенность, социологичность и др. [Фомина, 2018]. Базовым социальным агентом мигрантского дискурса является *мигрант*, который выделяется как новый вид потребителя в связи с увеличением количества мигрантов, что обусловлено активными миграционными процессами. Они становятся новой маркетинговой аудиторией для мобильных операторов, страховых фирм и банков.

МИГРАНТЫ КАК НОВАЯ ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ

Мигранты – новая целевая аудитория. Специалисты выделяют основные тренды в развитии рекламы через потребительскую призму. Мультиэкранный мир, конвергенция ТВ и Интернета, развитие мобильных технологий способствуют расширению целевой аудитории. Каждый третий пользователь потребляет видеоконтент с мобильных устройств, что приведет к развитию рекламы в мобильных приложениях. Конвергенция ТВ и Интернета приводит к популярности смартТВ. Развитие e-commerce обуславливает появление он-лайн магазинов, которые создают офф-лайновые точки, а офф-лайновые магазины активно взялись за продвижение своих товаров в сети Интернет. Обращает на себя внимание и тот факт, что резко увеличиваются предложения о работе для мигрантов именно в сфере Интернет-продаж. В этой связи наблюдается взаимодействие мигрантского дискурса с рекламным. В рекламе для мигрантов используются серии прагматических интенсификаторов, таких как: бесплатно, дешевле: *Бесплатные курсы русского языка для трудовых мигрантов. Программа правительства Санкт-Петербурга «Толерантность».* *Петербург объединяет людей; НОЧУ ДО «Школа иностранных языков» «АМВС».* *Экзамен по русскому языку для мигрантов. Дешевле. Быстрее всех; Бесплатные консультации для мигрантов; всего за 4 дня, за 1 день: Документы мигрантам. Все за 4 дня. Экзамен на сертификат, страховое и полис. ДМС, нотариальный перевод, медицинский осмотр, налог и прописка; на законных основаниях: Оперативно! Легально! Доступно! Юридическая помощь мигрантам. Бесплатные консультации. Предоставление общежитий. Защита в судах при закрытии въезда; всё, все. «Центр»:*

Центр помощи мигрантам. Консультации по всем миграционным вопросам; Центр поддержки трудовых мигрантов ЕВРО-АЗИЯ.

Реклама образовательных услуг занимает особое место в мигрантском дискурсе. В вузах создаются миграционные отделы, центры, службы для оказания помощи мигрантам при подготовке к экзаменам: *Миграционный центр при УГТУ. Экзамены по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Выдается сертификат государственного образца.* Анализ материала продемонстрировал наличие элементов скрытой рекламы вуза, где проходит подготовка к сдаче экзаменов. Цель такой рекламы в том числе – привлечение детей мигрантов для обучения в этом вузе. Прагматические интенсификаторы «отдел», «служба», «центр», «миграционный центр», «сертификат государственного образца» выполняют наряду с информативной манипулятивную функцию.

Мигрантский дискурс характеризуется алгоритмизированностью, последовательностью шагов, предпринимаемых действий:

Как мигранты из СНГ получают работу в Москве с января 2015 г.

- *Обращаются за рабочим патентом в Многофункциональный миграционный центр.*

Для этого

- *Сдают анализы на опасные заболевания, отпечатки пальцев.*
- *Экзамены на знание языка, истории и права России.*
- *Оплачивают полис ДМС, патент на работу (4 тыс. р./мес).*

Деятельностная составляющая мигрантского дискурса в рекламе включает: *обращаться (за рабочим патентом), сдавать (документы, анализы, экзамены, отпечатки пальцев), оплачивать (полис, патент на работу, услуги, экзамен, ксерокопии, бланки), упростить (получение патента, въезд), встать (на миграционный учет), прибыть, заполнить (бланки, уведомления), предоставить (временное убежище), написать (заявление), сохранить (ксерокопии документов), находиться (на территории), продлить (срок пребывания), оформлять, поддерживать, консультировать, информировать, сопровождать, адаптировать, выдать (визу), тренировать (для сдачи экзамена), регистрировать, прописать, разрешить (работать).*

В мигрантском дискурсе доминируют архетипы, актуализирующие уважительное, терпимое отношение к мигрантам: **ТОЛЕРАНТНОСТЬ:** *Программа Правительства Санкт-Петербурга «Толерантность»;* **ДОСТУПНОСТЬ:** *Доступно!;* **СОДЕЙСТВИЕ,** **ПОМОЩЬ,** **ПОДДЕРЖКА:** *Содействие в получении разрешения на работу; Помощь мигрантам. Тел....; Центр помощи мигрантам; Центр под-*

держки трудовых мигрантов; СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: Дом национальностей. Санкт-Петербург. Информационно-культурное мероприятие для мигрантов.

СОЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ «МИГРАНТ» В МИГРАНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Основным социальным агентом мигрантского дискурса является *мигрант*, портретирование которого может быть осуществлено на базе следующих критериев: *трудовой статус, профессиональные качества, юридический статус, временной статус, тип перемещения, тип миграционных обстоятельств, длительность пребывания, возрастной критерий, национальность, конфессиональный критерий, правовое состояние, моральные и юридически наказуемые поступки, критерий нравственного сознания, идеологический статус* и др.

Базовой стратегией в миграционном дискурсе является стратегия портретирования мигранта. Так, например, ключевой социальный участник мигрантского дискурса – это мигрант. В 1950–1960-е гг. в СССР социальный статус мигранта определяется как «лимитчик», «рабочий». В аспекте актуализации профессионального статуса и профессиональных качеств мигрант представлен следующим образом: *токарь, фрезеровщик, шлифовщик, квалифицированные сборщики на конвейерах, станочники, сварщики, слесари-сборщики на машиностроительных заводах, квалифицированные рабочие для литейных и металлургических цехов, квалифицированные рабочие на стройках и домостроительных комбинатах, девушки-сборщицы на сборочных линиях часовых заводов (sovross).*

В настоящее время профессиональный статус, профессиональные качества мигранта существенно модифицировались, а именно: *малоквалифицированная рабочая сила, безграмотная рабочая сила, способные работать только в сфере ЖКХ (мести улицы, убирать мусор, копать канавы), чернорабочие на стройке, «каменщики», «строители», чернорабочие, безграмотная рабочая сила, неквалифицированная рабочая сила, резервная армия труда, трудящийся-мигрант, трудовой мигрант, челночный мигрант (sovross).*

В современном представлении образ мигранта включает различные характеристики исторического, социального, идеологического, политического, экономического плана: *идеальная рабочая сила олигархического капитала, русофобски настроенные люди, потомки Тамерлана и Чингисхана, представители маргинальных слоев населения, гастар-*

байтеры, тусующиеся в России, создающие головную боль, бесправные (sovross).

Целью лимитчиков в 1950–1960-е гг. определялось: *остаться навсегда в принимающей стране, создать семью, воспитывать детей.* Современные мигранты ставят перед собой другие цели: *заработать и перевести заработанное семье*, то есть наблюдается импортирование капитала, направленное не на развитие экономики нашей страны, а на развитие экономик других стран.

Национальная принадлежность фиксируется в миграционном дискурсе в двух направлениях: лимитчики: *«товарищи» с Кавказа или из Средней Азии, выходцы из регионов Азии, лимитчики с окраин СССР, лимитчики с Кавказа и Средней Азии; коренные московские армяне, грузины, узбеки, казахи (sovross); мигранты: таджики, китайцы, рабочие с Украины, узбеки, грузины, азербайджанцы, киргизы, выходцы из закавказских и среднеазиатских республик, уроженцы Средней Азии, среднеазиатские студенты (sovross).*

В аспекте метафорического моделирования образа «мигрант» могут быть выделены следующие типы метафор:

милитаристская: *мигранты-оккупанты;*

криминальная: *этнические криминальные группировки, этнические преступные группировки;*

маркетинговая: *«Без мигрантов», «Без использования труда мигрантов»* – заимствование идеи старого советского знака качества;

математическая / морская: *поток трудовых мигрантов;*

природно-ландшафтная: *приток трудовых мигрантов;*

зооморфная: *стаи мигрантов;*

психологическая: *походка хозяина, походка властелина;*

социальная: *бродяги, «товарищи», «путешественники», «студент», иноплеменные гости, иностранцы из ближнего зарубежья, вынужденные переселенцы, переселенцы;*

архитектурная: *лагерь мигрантов;*

физическая / морская: *волна мигрантов;*

морская: *наплыв мигрантов, страна наводняется бросовой рабочей силой;*

театральная: *гастролеры: Взамен этих «лишних» людей республики получают стабильный денежный поток из переводимых «гастролерами» средств (АИФ);*

медицинская: *паразитировать: Лидеры дисапор рассказывают, что сложилась и функционирует система, при которой приехавшие в*

Россию много лет назад мигранты паразитируют: обирают и эксплуатируют собственных граждан... (АИФ);

охотничья: легкая добыча (LC, НКРЯ);

Поток трудовых мигрантов в Россию <...> будет только увеличиваться (LC); Значительно сократить поток мигрантов могли бы барьеры на въезд в страну (LC); Но в столице за последнее время с учетом наплыва мигрантов число преступлений растет (LC); Даже приток в страну мигрантов не может сейчас переломить эту ... тенденцию (LC); Почему несмотря на формальное ужесточение законов, количество иностранной рабочей силы не уменьшается? Как обуздать миграционные потоки? (АИФ).

Анализ корпусов продемонстрировал появление новой характеристики мигранта – «цифровой мигрант».

Сегодня мы наблюдаем ту же ситуацию – дети легко и непринужденно осваивают тонкости и новинки цифрового мира и берут на себя функции проводников для взрослых – цифровых мигрантов (LC).

В наше время появилось понятие «цифровая диаспора» («виртуальная диаспора», «e-диаспора»), которое представляет собой электронное сообщество мигрантов, взаимодействие и общение которых осуществляется при помощи информационно-коммуникационных технологий. Возможности, предоставляемые интернетом (социальные сети) позволяют диаспорам оставаться на связи на разных уровнях, обмениваться идеями, дискутировать, генерировать совместный контент, поддерживать друг друга, создавать дружественные отношения между незнакомыми людьми (АИФ).

Англоязычные и немецкие средства массовой информации используют морскую (математическую, физическую по происхождению) метафору, поскольку основные миграционные потоки из стран Ближнего Востока идут через морские пути: *flooded by the rising tide of refugees, number of refugees flooding into Europe, the influx of migrants* (LC), *Zustrom von Migranten (Flüchtlingen, Aussiedlern, Billigarbeitern, Einwanderern, Gastarbeitern, Immigranten, Zuwanderern, Wirtschaftsflüchtlingen, Übersiedlern, Asylanten, Asylbewerbern, Asylsuchenden, Geflüchteten), Ansturm der Flüchtlinge, Flut von Migranten* “*Migrantenwelle, Strom von Migranten* (dwds);

Gauteng was a highly urbanised province with a high influx of migrants (LC).

Die Mehrheit der Abgeordneten befürchtet einen unkontrollierten Zustrom von Migranten (dwds).

Frankreich will den anhaltenden Strom ausländischer Migranten von Calais nach England stoppen (dwds).

Der Zustrom von Asylbewerbern nach Deutschland ist derzeit so hoch wie seit mehr als zehn Jahre nicht mehr (dwds).

Zuletzt hatte das Bundesamt angekündigt, wegen des Zustroms von Asylbewerbern die Verfahren von Serben und Mazedoniern erheblich zu beschleunigen (dwds).

Der CDU-Politiker wandte sich gegen die Auffassung, der Zustrom der Aussiedler gefährde die Renten (dwds).

Морская метафора используется в данном случае для выражения непредвиденного, не поддающегося учету количества мигрантов. Немецкий миграционный дискурс включает, например, отрицательное субстантивное поле: *Flüchtlingsstrom*, *Flüchtlingszustrom*, *Flüchtlingsflut*, *Asylantenflut*, *Flüchtlingswelle*, *Migrationswelle*, *Migrationsstrom*. Использование таких метафор создает образ мигранта в виде потенциальной опасности, а миграционные процессы – как стихийные и неуправляемые [см., например, Нестерова, Бурова, 2016].

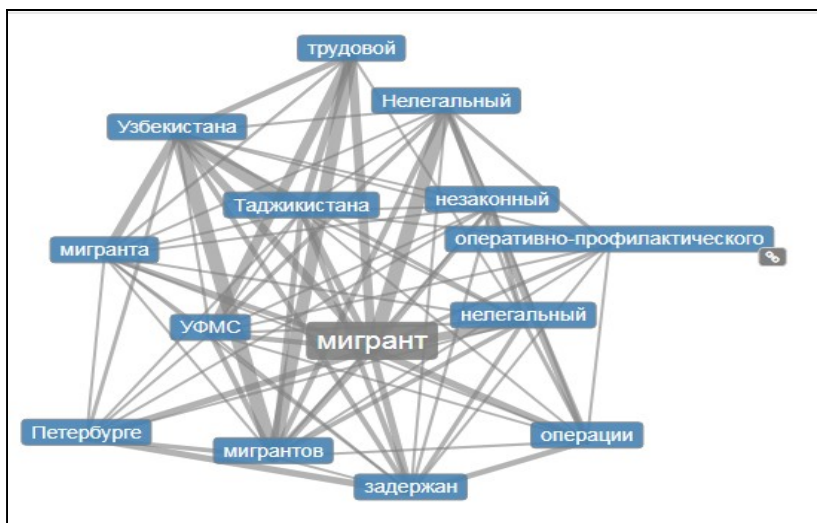

Схема 2. Микрополе «МИГРАНТ» (по данным LC)

Микрополе «МИГРАНТ» включает следующие микротемы: «СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС» (0,32 (коэффициент рекуррентности (КР)), «НАЦИОНАЛЬНОСТЬ» (0,20 КР), «ПРОФЕССИЯ» (0,20 КР), «ОПАСНОСТЬ» (0,10 КР), «ЧЕЛОВЕК» (0,10 КР).

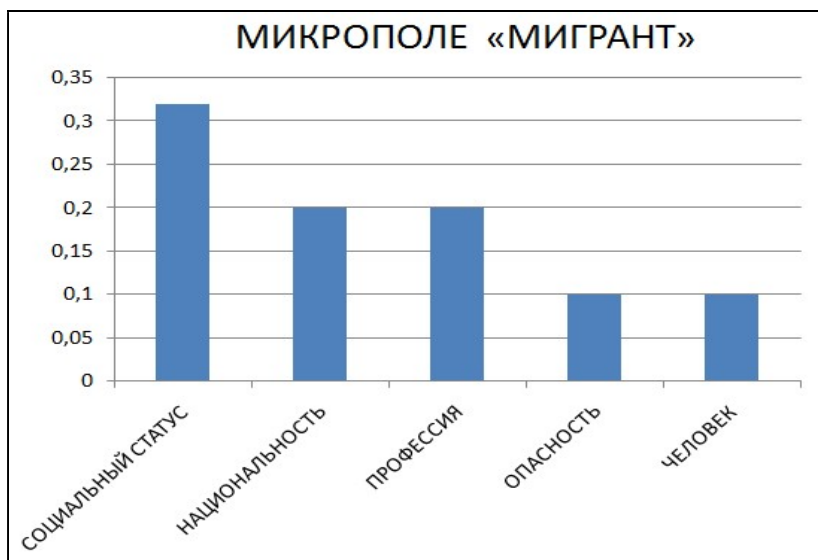

Схема 3. Микрополе «МИГРАНТ»

СОЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ «БЕЖЕНЕЦ» В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Одним из ключевых концептов миграционного дискурса является концепт «Беженец». Номинативное поле концепта «Беженец» включает следующие единицы: эмигранты, переселенцы, иммигранты, мигранты, выходяцы, боевики, заключенные, пенсионеры, повстанцы, офицеры, вооруженные, медики, паломники, иностранцы, военнослужащие, туристы, поселенцы, солдаты, правозащитники, миротворцы, силовики, бизнесмены, террористы и др. Понятие беженец включает следующие объекты-отношения: статус, удостоверение, виза, экстрадиция, образ жизни, поиск, категория, помощь, паспорт, убытки, пособие, социальный пакет, авиабилет, поддержка (LC).

Портретирование социального агента *беженец* может быть осуществлено на базе следующих критериев: возрастной критерий: *молодой, взрослый, несовершеннолетний, беженец с детдома*; социальный критерий: *знаменитый, потенциальный*; национальность: *сирийский, советский, молдавский, выживший в аварии на полпути в Испанию, аф-*

ганский, из Вьетнама, из Чечни, палестинский; финансовый критерий: налоговый: юридический статус: *принятый, политический*; физическое состояние: *слепой*; количественный критерий: *трижды беженец*; трудовой статус: *безработный*; конфессиональный критерий: *мусульманин*; нравственный: *скромный, проблемный*; другое: *колбасный*: *Про грамотность мне рассказывает колбасный беженец (LC)*.

Деятельностная составляющая ситуации с элементом *беженец* в русском языке включает следующие глаголы: *указывать (анкетные данные), разыскивать, угрожать, арестовать, иметь (льготы), родиться (за пределами страны), приобретать (статус), получать (разрешение), нести (ответственность), покинуть (государство)*: Другой беженец, из числа находящихся в убежище, уже однажды был депортирован (LC).

Анализ графа (LC) позволяет представить модель поля концепта «беженец». Полевой анализ рассматривается как семантическая классификация компонентов, то есть отнесение их к семантическим полям. Семантические поля можно представить как аналоги микротем, поскольку микротемы связаны с описанием и актуализацией одного или ряда фрагментов действительности.

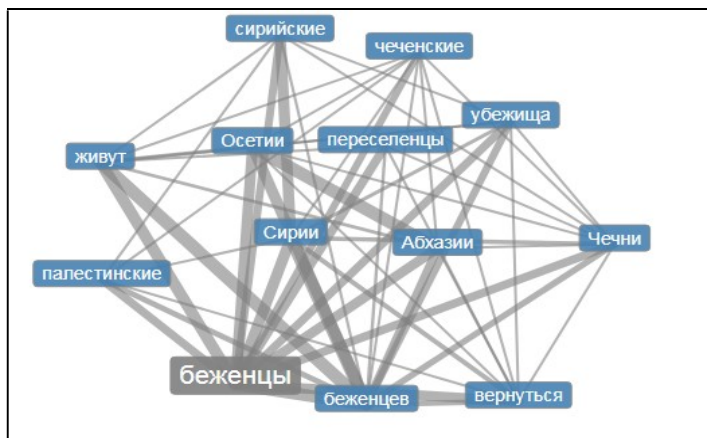

Схема 4. Микрополе «БЕЖЕНЕЦ» (по данным LC)

Микрополе «БЕЖЕНЕЦ» включает следующие микротемы: «ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС» (1,29 КР), «ВОЙНА» (0,9 КР), «НАЦИОНАЛЬНОСТЬ» (0,8 КР), «ЧЕЛОВЕК» (0,47 КР),

«КОНФЕССИЯ» (0,45 КР), «ПРОФЕССИЯ» (0,38 КР), «ТЕРРОРИЗМ» (0,37 КР), «СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС» (0,29 КР), «ИДЕОЛОГИЯ» (0,12 КР), «СЕМЬЯ» (0,11 КР).

Схема 5. Микрополе «БЕЖЕНЕЦ»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, объектом миграционной лингвистики могут стать динамические языковые процессы, обусловленные миграционными процессами, и моделирование миграционного дискурса. В качестве предмета миграционной лингвистики могут быть определены модель миграционного дискурса, формирование базовых категорий миграционной лингвистики, формирование и развитие теоретико-методологической базы, разработка системы методов миграционной лингвистики, разработка процедур снижения языковой конфронтации.

Языковая конфронтация, или языковое противостояние, рассматривается как противостояние групп людей, причиной которого являются языковые проблемы, обычно стремление демографически и/или социально доминирующего этноса ущемить языковые права других этнических групп или нежелание разных этнических групп изучать язык доминирующего этноса.

Такие понятия как *миграция, мигранты, беженцы, иммигранты, эмигранты, переселенцы, гастарбайтеры, принимающая страна, ти-*

тульская нация, семья мигрантов, группа мигрантов, волна мигрантов, поток мигрантов входят в общий социокультурный, экономический, политический и языковой контекст жизни общества.

Это обуславливает необходимость теоретического обоснования процессов, развивающихся в результате возросших масштабов миграции населения и связанных с ней политических последствий, дополнительных способов языковой номинации и формирования некоторых акцентов на определенных фрагментах новой языковой реальности [см., например, Матыцина, 2017].

Социальная структура как совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих внутреннее строение общества, обуславливает представление об обществе как социальной системе. Для миграционного дискурса релевантными становятся такие элементы социальной структуры как подсистемы социальной общности (*общинные и общественные*), социальных институтов (*институт семьи и брака, государство, производство, институт народного образования, институт религии*), социальные группы (*большие / малые, контактные / дистантные*), социальные организации (*формальные / неформальные, трудовые / производственные / общественные*).

В миграционном дискурсе выделяются социальные агенты, среди которых можно определить агентов первичной социализации – ближайшее окружение – семья, родители, друзья, родственники, учителя. К участникам вторичной социализации можно отнести людей, связанных формально-деловыми отношениями (руководители учреждений, официальные представители государства и его органов, иммиграционная служба, управление по вопросам миграции и др.).

Проблемы влияния миграционных процессов на языковую безопасность и языковую конфликтогенность изучаются фрагментарно. Исследователями частично затрагиваются вопросы профессионально-образовательной миграции, которая развивается в двух направлениях: образовательная эмиграция и образовательная иммиграция. Миграционные потоки, как и трудовая миграция, образуются стихийно. Профессионально-образовательная миграция (циркуляция умов, интеллектуальная миграция, утечка умов) предполагает миграцию научно-технических специалистов и творческой интеллигенции и миграционные потоки квалифицированных кадров [Воронина 2013, с. 12–14].

Миграция рассматривается как фактор, ведущий к изменению состояния языка. В первую очередь речь идет о мигрантах, язык которых оказывает влияние на изменение языка титульной нации. В прототипическом случае речь идет об утрате миграционными меньшинствами

своего языка, как правило, это происходит через поколение. Речь может идти об определенных фазах и скорости процессов языковых изменений в рамках отдельных групп мигрантов или отдельными индивидами внутри одной группы. При этом возникает вопрос о причинах широты вариативности. Несмотря на многочисленные работы в этой области остается открытым вопрос выявления связей «языковых обменов». Одной из причин является отсутствие связи научно обоснованных подходов, представленных в разных научных областях.

Дискуссии о роли и месте миграционных процессов в социально-экономической и политической жизни общества, их специфика, их влияние на формирование идентичности, на языковую ситуацию, на национальную безопасность ведутся на протяжении двух десятилетий, как в мире, так и в нашей стране. Проблемы, возникающие в области регулирования миграционных потоков, неоднократно становились предметом обсуждения политиков, социологов, историков. Обращение внимания к миграционным процессам со стороны лингвистов обусловлено не только необходимостью исследования влияния языка мигрантов на язык титульной нации, языка принимающей стороны, но и моделирования миграционного дискурса с целью определения аспектов, позволяющих снижать конфликтогенность. С миграционными процессами связаны определенные риски, которые необходимо минимизировать в пользу тех выгод и того положительного эффекта, которые неизбежно влечет миграция. В этом отношении миграционный дискурс взаимодействует с экономическим, демографическим, этническим, культурным, образовательным, религиозным, политическим дискурсами (см., например, Воронина, 2013; Гончарова, 2017; Зевелёва, 2014; Шавхелишвили, 2012 и др.). Определить позиции пересечения и выявить положительные и отрицательные факторы, связанные с миграционными процессами, – задача, которая может быть решена только при условии взаимодействия специалистов разных областей.

Список литературы

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015, № 1(15). С. 75–87.
2. Ашнин Е.С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследование молодых ученых. 2012. № 10. С. 136–138.
3. Багана Ж., Хапилина Е.В. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. М.: Флинта, Наука, 2010. 128 с.
4. Балакина Ю.В., Соснин А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики //

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015, № 2. С. 5–11.

5. Баумгертнер И. «Маска национального» у Иосифа Бродского (перевод с немецкого Н. Зоркой) // НЛЮ, 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/ba17.html> (дата обращения: 22.10.2018).

6. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / Перевод с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. Вст. ст. В.Н. Ярцевой. Киев: Вища школа, 1979. 260 с.

7. Верлан. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Верлан> (дата обращения: 22.10.2018).

8. Воронина Н.А. Дискурс национальной безопасности в миграционной политике России // Труды института государства и права Российской академии наук. 2013, № 1. С. 82–114.

9. Гончарова Н.П. «Миграционный» лексикон средств массовой информации и общественное отношение к мигрантам // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. С. 88–95.

10. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

11. Дубровина С.Н. Вариативность как универсальное свойство языка // Верхневолжский филологический вестник. 2015, № 3. С. 44–48.

12. Ефимова Ю.Г. Политическая миграциология. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2005. 160 с.

13. Зевелёва О.И. Миграционная политика и коллективная идентичность: опыт российских немцев в Германии // Polis. Political Studia. 2014, № 6. Р. 114–126.

14. Зубарева Е.О. Номинативное поле концепта «мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018, № 4(71). С. 420–422.

15. Ионцев В.А. Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе // Вопросы управления. 2014, № 1(26). С. 127–132.

16. Ирисханова О.К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 24(603). 2010. С. 30–44.

17. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга 1. М.: Мысль, 1995. 567 с.

18. Максимова С.Ю. К вопросу о теоретических основах языковых контактов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014, № 5(100). С. 226–229.

19. Матыцина М.С. Дискурс миграционного кризиса в материалах глобальных СМИ // Philologos, 2017, № 34(3). С. 69–76.

20. Мешков Н.И., Мешков Д.Н. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Integration of Education. Vol. 19. No. 1. 2015. Р. 37 – 43.

21. Михеева Н.Ф. Перспективы развития контактной лингвистики в Российской Федерации // Контактные языки и диалекты в аспекте межкультурной коммуникации. Материалы докладов и сообщений. Российский университет

дружбы народов. Всероссийская научная школа для молодежи. М.: Российский университет дружбы народов, 2010. С. 4–13.

22. Нестерова В.А., Бузова Е.А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америке // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 6. С. 565–572.

23. Никитина О.А. К вопросу о взаимодействии процессов словообразования и заимствования в современном немецком языке // «Вопросы филологии». Спецвыпуск. VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 22–25 сентября 2011 г. Тезисы докладов. М.: Московский институт иностранных языков, 2011. С. 45–46.

24. Николаенко А.Д. Верлан как вариант молодежного сленга на примере художественного фильма «Ненависть» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2010. № 1. С. 193–195.

25. Осадчий Г.В., Осадчая Г.И., Андреев Э.М., Юдина Т.Н. и др. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение. М.: Издательский дом БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с.

26. Осипова О.А. К вопросу о языковом контактировании в сфере русского и немецкого языков // «Вопросы филологии». Спецвыпуск. VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 22–25 сентября 2011 г. Тезисы докладов. М.: Московский институт иностранных языков, 2011. С. 48–49.

27. Пахомов А.В., Недвига Я.А., Ломсадзе Д.Г. Предвыборные речи Д. Трампа и Х. Клинтон: мигрантский дискурс // Власть в логике и риторике межнациональных и межконфессиональных отношений. Материалы всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (с международным участием). Под ред. Д.С. Будановой. Иваново: Ивановский филиал РАНХГС, 2017. С. 115–118.

28. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы. 1960. 501 с.

29. Плотникова С.Н. Дискурс и дискурсивное пространство // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. Отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 31–61.

30. Плюснина Е.М., Шалгина Е.А. Сценарий каузативной ситуации с глаголом *aimer* // Евразийский гуманитарный журнал. 2018, № 3. С. 21–25.

31. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Методы и теоретические проблемы психологии. 1969. С. 348–374.

32. Сергеев Е.Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 1. 2009. С. 117–123.

33. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. Сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. 432 с.

34. Уздеева З.И. Терминологическая область «заимствование» в контактной лингвистике // Фундаментальные исследования. 2014, № 11–2. С. 460–464.

35. Ульяницкая Л.А. Дихотомия основных понятий контактной лингвистики // Актуальные проблемы языкознания. 2016. Т. 1. С. 179–181.

36. Фомина М.А. Субъект в академическом дискурсе // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. Отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 199–210.

37. Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки московских страшеклассников в условиях совместного обучения с мигрантами // Психологическая наука и образование. 2009, № 1. С. 5–13.

38. Черниенко Д.А. Восточнославянские народы Удмуртии. Ижевск: Шелест, 2017. 223 с.

39. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, Наука, 2012. 128 с.

40. Шарлай М. «Креативная квеля» или новый субстандарт? Язык русских эмигрантов в Германии // «Вопросы филологии». Спецвыпуск. VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 22–25 сентября 2011 г. Тезисы докладов. М.: Московский институт иностранных языков, 2011. С. 21.

41. Шахвелишвили Б.А. Язык. Этнос. Мышление. Лингвистические исследования. Пермь: Прикамский социальный институт, 2012. 196 с.

42. Шемчук Ю.М. Лингвотолерантность в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013, № 1. С. 95–98.

43. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1958. 183 с.

44. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. 259 с.

45. Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. London, 1987. P. 46–71.

46. Bal W. Les situations linguistiques. Contacts de langues. Paris: CILF, 1977. 276 p.

47. Bräunlein P., Lauser A. Ethnologie der Migration. kea-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. Band 10, 1995. 325 S.

48. Böttger K. Die häufigsten Fehler russischer Deutschlerner. Ein Handbuch für Lehrende. Münster – New York – München – Berlin: WAXMANN, 2008. 227 S.

49. Discher C. Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumänien in Paris nach 1989. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2015. 272 p.

50. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 2018. 658 S.

51. Han P. Soziologie der Migration. Erklärungsmodelle, Fakte, politische Konsequenzen, Perspektiven. Verlagsgesellschaft mbH mit UVK Lucius, 2010. 408 S.

52. Imbusch P. Flucht und Migration in Lateinamerika // Gormsen / Thimm (eds.). 1993. S. 129–146.

53. Kerswill P. Migration and language // Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of

the science of language and society. 2nd edn. Vol 3. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.

54. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 2004. 173 S.

55. Lühke F. Psychologie der Auswanderung. Weinheim: Deutscher Studien Verlag. 1989. 351 S.

56. Piller I. Language and Migration. London: Routledge, 2016. 1600 p.

57. Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Hrsg von Th. Stehl. Universitätsverlag Potsdam, 2011 URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 03.05.2018).

58. Silbereisen K., Titzmann P.F. The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany. London: Routledge, 2016. 354 p.

59. Thomason S.G., Kaufman T. Language contact, Creolization and Genetio Linguistics. Berkeley, 1988. 447 p.

60. Thomason S.G. Contact languages: a wider perspective. John Benjamins Pub. Co. 1997. 506 p.

Словари

61. Архангельская К.В. Трудности немецкого языка. Немецко-русский учебный словарь / Под рук. докт. филол. н., проф. Д.О. Добровольского. М.: Русский язык, 2001.

62. Дебов В.М. Словарь верланализмов современного молодежного французского языка. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2006. 328 с.

63. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, Институт иностранных языков, 2006. 312 с.

Источники иллюстративного материала

64. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.06.2018).

65. «Советская Россия». URL: <http://www.sovross.ru/newspaper> (дата обращения: 14.06.2018).

66. «Российская газета» URL: http://onlinegazeta.info/rossiyskaya_gazeta_svezhiy_nomer_posledniy_vipusk_online.htm (дата обращения: 14.06.2018).

67. Dic.academic.ru (дата обращения: январь – февраль 2019).

68. Dws – Электронный словарь немецкого языка. URL: <http://www.dws.de> (дата обращения: июнь 2018 – февраль 2019).

69. Foren.germany.ru (дата обращения: сентябрь 2018 – февраль 2019).

70. La Haine (film) / Dir. M. Kassovitz; star.: Vincent Cassel, Hubert Kounde, Saïd Taghmaoui; Canal+, 1995.

71. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: август 2018).

72. Lyric – И. Бродский (дата обращения: 12 ноября 2018).

73. Wiki/Верлан (дата обращения: январь – февраль 2019).

Зубарева Е.О.

Соискатель,

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА МИГРАЦИЯ

В связи с процессами глобализации темы миграции [Samers, Collyer, 2016; Вартанян, 2017; Triandafyllidou, 2018; Абылкаликов, 2018] и социальной мобильности¹ [Барсегян, 2016; Lipset, 2018] становится актуальной для многих гуманитарных наук. В области лингвистических исследований тема миграции и влияние миграции на язык также находит отражение в ряде работ и вызывает повышенный интерес, что привело к формированию нового направления – миграционная лингвистика [Erfurt, Budach, Hofmann, 2003; Krefeld, 2004; Stehl, 2011; Tretow, 2017; Gugenberger, 2018].

Стремительные темпы и масштабы миграции, вызванные политической и экономической нестабильностью в мире, природными и экологическими катаклизмами, вооруженными столкновениями и другими причинами приводят к образованию большого количества этнокультурных анклавов² и увеличению международных и межнациональных контактов, что и обусловило становление миграционной лингвистики как самостоятельного направления, где особую значимость приобретает изучение динамических языковых процессов в аспекте влияния языка титульной нации на язык мигрантов и, наоборот. «Увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы, ... наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» [Ашнин, 2012, с. 136; см также Лебедько, Дударёнок, 2013; Geraghty, Conacher, 2014; Лапина, 2018]. Г.Г. Гамзатов, рассматривая актуальные проблемы особенно-

© Зубарева Е.О., 2019

¹ Социальная мобильность – любое перемещение в пространстве индивидуального или социального объекта [Сорокин, 2005, с. 17].

² Этнокультурный анклав – это урбанизированная территория с повышенной долей той или иной этнической, а также культурной или расовой группы в населении. В ряде случаев таким анклавом, районом города может быть и территория со специфическим названием доминирующей группой [Кельман, 2015, с 26].

стей изучения двуязычия, трехязычия и многоязычия, подчеркивает, что «проблема языковой действительности и миграционных процессов нуждается во всестороннем комплексном и более глубоком изучении, осмыслении и обосновании» [Гамзатов, 2005, с. 3; см. также Extra, Verhoeven, 2011].

Миграционная лингвистика, как самостоятельное направление, включает в спектр задач описание динамических языковых процессов, вызванных миграционными потоками, причем как в принимающем обществе, так и в языковой среде мигрантов; разработку общих методов и методик анализа языковых трансформаций; решение вопросов регулирования национальной языковой безопасности; разработку концепции оптимальной языковой адаптации мигрантов и подготовку общества к принятию большого количества мигрантов, моделируя те или иные коммуникативные ситуации.

Динамические языковые процессы актуализируются в виде упрощения грамматического строя, расширения семантического потенциала языковых единиц, метафорического переосмысления, ошибок, переходящих в норму, появление новых лексических единиц. Миграция является основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнокультурный анклав, который вносит новое и трансформирует титульный язык [Kerswill, 2006, p. 2277].

Объектом миграционной лингвистики является миграционный дискурс. Существует несколько подходов к выделению определенного типа дискурса, например, объектный и субъектный подходы. При объектном подходе основанием для выделения особого типа дискурса является тема, имеющая неоспоримую актуальность для общества, при субъектном подходе основанием для выделения типа дискурса являются его непосредственные участники [Карасик, 2015, с. 73]. Существует неограниченное множество типов дискурса, так как тип дискурса оформляется в зависимости от сфер человеческой деятельности или любого значимого для человека и общества фактора [Кибрик, 2003]. Обе концепции позволяют выделить миграционный дискурс как самостоятельный тип дискурса, учитывая возросший интерес к теме мигра-

ции, ее влияние на все сферы деятельности общества и большое количество задействованных участников.

Актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается работами отечественных и зарубежных исследователей [Мукомель, 2005; Нестерова, Бурова, 2006; Хохлова, 2014; Яфарова, 2016; Dijk, 2018]. Миграционный дискурс находится на стыке с политическим дискурсом и обладает всеми присущими ему признаками и особенностями; внутри миграционного дискурса отдельно выделяются чиновничий дискурс и дискурс публичных политиков [Мукомель, 2005, с. 50–52]. Миграционный дискурс, как часть политического дискурса, изучается в аспекте метафорического анализа через его базовые концепты «угроза/опасность» и «Европа». Концепт «угроза / опасность» представлен в основном метафорами «Вода» и «Война», концепт «Европа» – метафорами в сфере «Дом» [Хохлова, 2004].

По результатам метафорического анализа миграционного дискурса Германии, Австрии, Англии и Америки на базе медийного дискурса выделяются четыре основные группы метафор, формирующие миграционный дискурс: военные, товарно-вещевые, театральные и метафоры, олицетворяющие природные катастрофы и стихийные бедствия [Нестерова, Бурова, 2006]. Немецкий миграционный дискурс содержит большое количество эвфемизмов, проведенный анализ примеров высказываний политиков, свидетельствует о том, что эвфемизмы представляют собой эффективное языковое средство для реализации конкретных политических стратегий, чаще всего с целью маскировки, нейтрализации или смягчения явлений, которые могли бы вызвать негативную реакцию [Яфарова, 2016].

Отдельно заслуживает внимания модель миграционного дискурса, предложенная Т. ван Дейком. Исследователь определяет миграционный дискурс как сложную структуру, включающую лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты, представленные разными жанрами [Dijk, 2018, p. 230]. Мы уточнили и расширили жанровую структуру миграционного дискурса и построили его жанровую модель.

Миграционный дискурс может включать такие модули¹ как причины миграции, интеграция, ксенофобия, дискриминация, расизм, миграционная политика [Dijk, 2018, p.230, в терминологии Т. ван Дейка «темы»]. Данные модули можно описать как семантические макро-

¹ Модуль – относительно самостоятельная часть какой-нибудь системы, организации [Ожегов, 2015].

Схема 2. Модули миграционного дискурса

Миграция является социальным и политическим феноменом, поэтому, в общем, мы понимаем миграционный дискурс как социальную практику, общение между агентами и социальными институтами, «это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [Карасик, 2016, с. 22]. В связи с таким пониманием миграционный дискурс рассматривается как институциональный, то есть общение в рамках сложившихся в обществе институтов как взаимодействие, порождаемое самой деятельностью того или иного социального института [Dijk, 2008] или «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с. 292]. Институциональный дискурс представлен парами участников коммуникации. В роли главных агентов миграционного дискурса выступают мигранты и титульная нация, агенты, выполняющие разные социальные роли, например, полицейские, педагоги, врачи, социальные работники, журналисты, политики и т.д. Миграционный дискурс также рассматривается как идеологиче-

ский конструкт, который выражает определенную позицию общества и формирует отношение к миграции и мигрантам.

Таким образом, актуальность изучения миграционного дискурса неоспорима, так как миграция затрагивает практически все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную. Миграция является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер, что приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии, «язык, как и религия «не способны привести сами себя к простому компромиссу» [Laropce, 1992, p. 599].

Статистические данные также подтверждают возрастающую роль миграции в современном мире, что, в свою очередь, означает увеличение языковых трансформаций как в принимающем обществе, так и в языке мигрантов, а также обострения проблем, связанных с восприятием и адаптацией мигрантов в новой стране. К 2018 г. численность международных мигрантов выросла на 49 %, превысив показатель роста мирового населения, который составил 23 %. В результате этого количество мигрантов увеличилось с 2,8 % до 3,4 % от величины мирового населения. Вероятно, демографические тенденции в сочетании с экономическими, социальными, политическими, экологическими аспектами, будут способствовать дальнейшему росту миграции [Мир в цифрах].

По данным центрального государственного информационного агентства ИТАР-ТАСС в 2018 г. всего в мире насчитывается 232 млн. мигрантов, представлены 10 стран, в которых зафиксирована наибольшая миграционная активность: США, Россия, Германия, Саудовская Аравия, Великобритания, Эмираты, Франция, Канада, Испания, Австралия [ИТАР-ТАСС]. Этот факт, также объясняет, что миграционная лингвистика развивается в первую очередь в Германии, США, и России. По данным Федеральной службы государственной статистики в Россию в 2017 г. прибыло 589033 мигрантов, в то время как в 2010 г. число мигрантов составляло всего лишь 191656 [Федеральная служба государственной статистики].

Выделив миграционный дискурс как самостоятельный тип дискурса и как объект миграционной лингвистики, мы исследуем его концептуальное содержание в рамках когнитивного подхода, который позволяет представить современную картину мира.

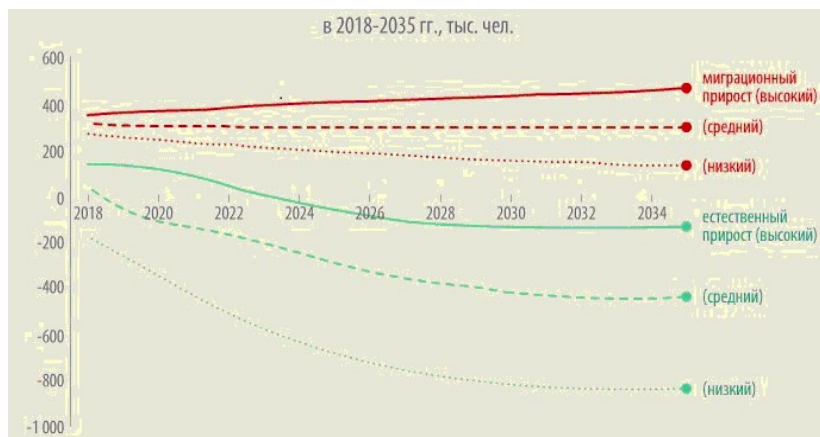

Рис 1. Прогноз миграционного прироста

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

При когнитивном подходе дискурс выступает как единство языковых и когнитивных структур. «По самой своей сути дискурс – явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова, 2000, с. 12]. Раскрыть сущность и содержание миграционного дискурса помогут его ключевые концепты, так называемые "топики" дискурса [Демьянков, 2003, с. 130], именно базовые концепты выступают в качестве главного инструмента анализа дискурса. В когнитивистике дискурс может рассматриваться одновременно как совокупность апелляций к концептам и как концепт, существующий в сознании носителей языка [Слышкин, 2000, с. 38–39]. Мы разделяем позицию Е.И. Шейгал относительно того, что концепты эксплицитно вербализуются в дискурсе и составляют содержательно-тематическое ядро коммуникации, определяя его характер и принципы организации [Шейгал, 2006, с. 26]. В данном исследовании миграционный дискурс изучается в рамках когнитивного подхода на основе анализа одного из его ключевых концептов «миграция» на материале свободного ассоциативного эксперимента. Главной целью такого подхода является актуализация содержания концепта «миграция» в языковом сознании

носителей русского языка, который отражает фрагмент языковой картины мира.

Когнитивный подход предполагает изучение всех языковых репрезентантов в языковом сознании носителей языка, которыми представлен концепт. Языковые репрезентанты концепта актуализируют наиболее значимую информацию, отражающую определенные знания и опыт общества по отношению к определенному общественному явлению. Приведем несколько определений термина «концепт», в которых содержатся наиболее важные характеристики для нашего исследования:

– «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007а, с. 34];

– «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц-репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [Пименова, 2004, с. 10];

– «ментальная репрезентация, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категорируются, что позволяет группировать объекты, имеющие сходства в соответствующие классы» [Бабушкин, 1996, с. 56];

– «конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не равный ему», «парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую» [Чернейко, 1997, с. 314];

– «совокупность семантических сфер, реализуемых в ассоциативно-вербальной сети речевого общения носителей данного языка, образует семантическое пространство» [Прохоров, 2005, с. 78].

Из вышеперечисленных дефиниций, отметим наиболее существенные характеристики концепта, в рамках нашего исследования и представим в виде схемы.

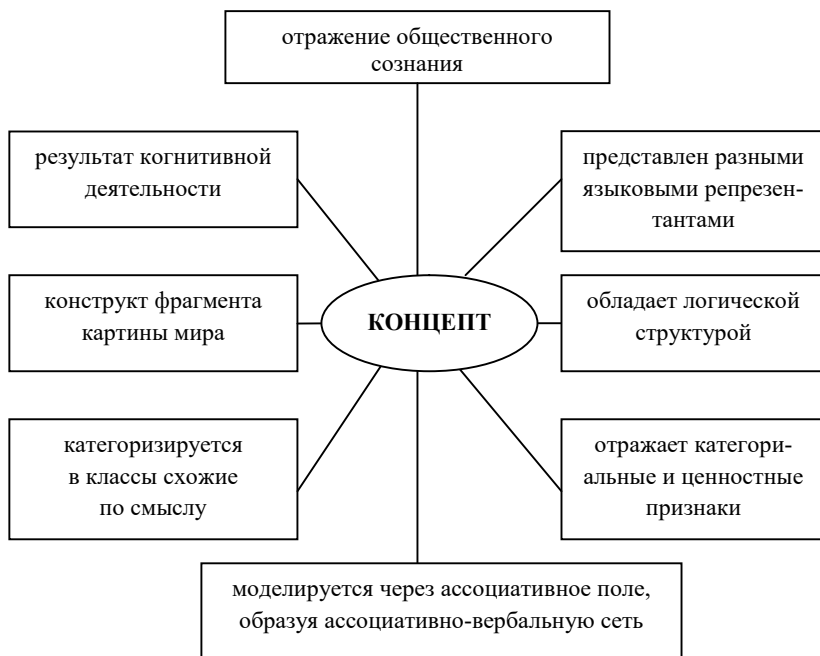

Схема 3. Характеристики концептов миграционного дискурса

Таким образом, концепт рассматривается нами как базовая категория языкового сознания носителя конкретного языка; конструкт фрагмента мира, языковой картины мира; модель, вербализованная разными языковыми средствами, обладающая логической структурой, которая формируется через семантические классы и может быть представлена в виде ассоциативного поля. При когнитивном подходе концептами могут считаться любые лингвистические единицы, в значении которых просматривается способ семантического представления.

В связи с данным понимаем концепта, последующим определением объекта и предмета исследования и разработкой методики исследования, необходимо уточнить такие понятия, как «языковое сознание» и «языковая картина мира».

Языковое сознание рассматривается как «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека; оно формируется у человека в процес-

се усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков» [Стернин, 2002, с. 89]. Такое понимание отражает связь изучения концепта «миграция» в языковом сознании носителей русского языка с когнитивным подходом к миграционному дискурсу в целом, который мы рассматриваем как когнитивный процесс, обеспечивающий хранение и передачу знания, связанного с миграционными процессами.

Языковое сознание «позволяет уточнить представления об образах сознания, ассоциированных с телами языковых знаков и обычно называемых в лингвистике лексическими значениями, расширить наши знания о динамике развития значений слов в онтогенезе, сформировать более адекватное понимание процесса языкового общения» [Уфимцева, 2011, с. 4]. Языковое сознание также определяется как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей» [Тарасов, 2000, с. 3]. Языковое сознание напрямую связано с реконструкцией фрагмента действительности, в нашем исследовании изучение языкового сознания носителей русского языка позволяет отразить актуальную языковую картину мира, формируемую процессами миграции. Под картиной мира понимается «система интуитивных представлений о реальности» [Руднев, 1997, с. 127] или «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2007а, с. 51]. Учитывая выбранный метод исследования, нами изучается языковая картина мира как «отраженное в языке и выраженное с помощью языка упорядоченное представление об устройстве окружающей реальности» [Караулов, Филиппович, 2009, с. 161]. Концепт мы рассматриваем как элемент языковой картины мира.

КОМПОНЕНТНАЯ И ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА

Структура концепта изменчива, это объясняется его активной динамической ролью в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных аспектах, взаимодействует с другими концептами, семантическое наполнение концепта может расширяться или сужаться в зависимости от экстралингвистических факторов. Концепт является сложной структурой, с одной стороны, к ней принадле-

жит «все то, что принадлежит строению понятия», а с другой стороны, в структуру концепта входит «все то, что делает его фактом культуры», а именно этимология, история, современные ассоциации, оценки и другое [Степанов, 2004, с. 43]. Такой подход подтверждает, что структуру концепта можно разработать на основе материала, полученного в результате проведения ассоциативного эксперимента.

Структура концепта представляется в виде нескольких «слоев»: активный слой, то есть концепт существует для всех носителей языка, включается в структуру общения и мыслительные процессы; дополнительный слой, который актуализируется только в определенных социальных группах; слой внутренней формы [там же, с. 48]. В концепте выделяется понятийный компонент, включающий основные признаки и словарные дефиниции, образный компонент, состоящий из когнитивных метафор и значимостный компонент, включающий этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в языке [Воркачев, 2004]. Метод ассоциативного эксперимента позволяет изучать активный слой или значимостный компонент концепта. В нашей работе мы придерживаемся взгляда на структуру концепта, предложенного З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, которые выделяют следующие компоненты:

1) образный компонент, в который входят перцептивный образ и когнитивный или метафорический образ, то есть образные характеристики концептуализируемого предмета или явления;

2) информационный компонент, включающий минимум когнитивных признаков, определяющих наиболее существенные черты концепта. К информационному компоненту относится содержание словарных дефиниций, из которых исключаются случайные, необязательные и оценочные;

3) интерпретационное поле концепта, состоящее из множества когнитивных признаков, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, некоторое выводное или оценивающее знание [Попова, Стернин, 2007б, с. 77–78]. Таким образом, нами моделируется интерпретационное поле концепта «мигранция» на базе ассоциативного поля.

Обращение к теории поля представляется весьма эффективным, так как в понятии «поле» воплощается идея о лексической системности в языке, а системность или упорядочение знаний является неотъемлемой частью организации мира. Термин «поле» определяется как «совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное

сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов, 1990, с. 380] или как «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами» [Щур, 1967, с. 68].

Выделяются несколько основных подходов к исследованию полей:

1. Универсально-лингвистический, в рамках которого поле приравнивается к любому системному лексическому образованию.

2. Универсально-междисциплинарный, когда поле в языке совпадает с полем в культуре или ассоциативным полем.

3. Специально-лингвистический, в котором поле понимается как особая единица семантического и/или лексического яруса языка [Тарланов, 1995].

Наше исследование объединяет универсально-междисциплинарный подход, так как выбран метод ассоциативного эксперимента изучения интерпретационного поля концепта «миграция» и специально-лингвистический подход как изучение актуального семантического наполнения концепта «миграция».

Языковые единицы могут группироваться в поле по трём принципам:

1. Семантический принцип – объединение языковых единиц на основе общности выражаемого ими значения.

2. Функциональный принцип – группировка единиц языка на основе общности выполняемых ими функций.

3. Функционально-семантический принцип объединения языковых единиц осуществляется на базе сочетаний двух указанных принципов [Щур, 1974, с. 24–25].

Исходя из выбранных нами подходов, все выявленные языковые репрезентанты, составляющие интерпретационное поле концепта «миграция», группируются по семантическому принципу.

Интерпретационное поле формируется на базе ассоциативного поля, которое представляет собой «фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженное в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок, и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева, 1996, с. 140]. Термин «ассоциативное поле» впервые ввел Ш. Балли, так как считал, что каждое слово представляет собой центр одного ассоциативного поля, вокруг этого слова объединяются группы слов-ассоциатов, которые имеют значительную степень общности [Балли, 1955].

Следует уточнить, что нами моделируется ассоциативно-вербальное поле «миграция» – совокупность вербальных ассоциаций

на слово-стимул. Ассоциативно-вербальное поле – «это язык в несколько непривычной форме, новый способ репрезентации языка, в котором содержится определенная информация, даются все значения полисемантического слова, его синонимические, антонимические, омонимические ряды, синтаксическая сочетаемость, словообразовательная, словоизменительная варьированность» [Крыга, 2009, с. 152]. Выбор моделирования именно ассоциативно-вербального поля обусловлен еще и тем фактом, что на его основе формируется ассоциативно-вербальная сеть, которая представляет собой «научную модель знания языка, основанная на массовом ассоциативном эксперименте, и представляющая собой сложное пересечение прежде всего парадигматических и синтагматических отношений слов» [Жеребило, 2010, с. 44]. Ассоциативно-вербальная сеть «фиксирует лишь знания, имеющие вербальную форму выражения, но они-то и составляют большую часть наших знаний о мире» [Караулов, 2002, с. 755].

В структуре любого поля, в том числе интерпретационного, выделяется ядро и периферия [Воробьев, 2006, с. 58]. Ядро представляет собой наиболее частотные реакции, как правило, выражает более общее значение или представление предмета в человеческом сознании. В нем располагаются слова наиболее близкие по смыслу. Наименее частотные или единичные реакции относятся к периферии [Якимов, 2011, с. 598]. При этом все структурные компоненты поля, как ядерные, так и периферийные, важны при восприятии и понимании специфики языка и сознания человека.

МИГРАЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Одним из базовых концептов миграционного дискурса является «миграция». Миграция представляет собой сложный феномен, до сих пор не существует четкого определения термина «миграция». Проводя исследование по данной теме, В.А. Ионцев и Ю.А. Прохорова насчитали в общей сложности свыше 36 различных определений «миграция» и это только в отечественной литературе. Авторы отмечают, что 17 научных дисциплин изучает феномен миграции с разных сторон. [Ионцев, Прохорова, 2014, с. 84]¹.

¹ Л.Е. Веснина в своей работе представляет около 40 определений термина «миграция». Автор связывает актуальность данного исследования с ростом миграционных процессов, которые становятся одной из ведущих тем средств массовой информации, что является интересным полем для лингвистического изучения [Веснина, 2010, с. 38].

В целом можно выделить две группы толкования термина «миграция».

1. Миграция рассматривается как социальное явление:

– любое перемещение между общностями и группами, даже без изменения географического места [Щепаньский, 1969, с. 16];

– смена не только территориального места жительства, но и соответствующего социума, социального и политико-правового окружения [Пискун, 1998, с. 40];

– все виды движения населения, имеющие общественную значимость: движение кадров, переход из одной образовательной или профессиональной группы в другую [Курман, 1976, с. 34–35].

2. Миграция рассматривается как изменение географического места проживания, например, как перемещение по разным причинам людей через границу тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного места жительства [Тоцкий, 1999, с. 12; Переведенцев, 1975, с. 9]. Подобный подход нашел свое отражение в различных толковых словарях [Толковый словарь русского языка начала XXI века, 2006, с. 215; Ожегов, 1999, с. 371].

Проблема миграции привлекает внимание многих исследователей в области географии, экономики, истории, политики, социологии, но в современной научной парадигме антропоцентризма, учитывая массовый и международный характер, миграция и миграционные процессы вызывают большой интерес с точки зрения изучения влияния данного феномена на язык и языковую структуру общества. Так Д. Бойл попытался дать лингвистическое определение термина «миграция», выделив четыре основных признака, которые необходимо учитывать, говоря о степени влияния на титульный язык: пространство, время, мотивация, социально-культурные факторы [Boyle, Halfacree, Robinson, 2014, p. 34–38].

Таким образом, миграцию в лингвистике можно рассматривать как постоянный или временный процесс трансформации языка, как титульной нации, так и языка мигрантов, который напрямую зависит от категории пространства, времени, мотивации и социокультурных факторов и который отражает идеологическую и прагматическую составляющую в конкретный период времени, что позволяет моделировать разные коммуникативные ситуации для эффективного межкультурного взаимодействия.

МЕТОД И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА «МИГРАЦИЯ»

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен без количественного ограничения, двумя способами для получения наиболее объективные данные. Информанты были разделены на две группы, первой группе предлагался метод визуализации, то есть готовая карточка с написанным словом–стимулом «миграция», второй группе предлагается слуховое восприятие. В эксперименте приняли участие 205 граждан Российской Федерации, студенты, обучающиеся в вузах города Перми. От каждого информанта в среднем были получены от 3 до 10 реакций, общее количество ассоциаций составило 1222. Выбор респондентов, а именно молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет обусловлен тем, что именно эта возрастная аудитория является «социально перспективной», молодое поколение в ближайшем будущем будет определять базовые социальные тенденции [Ерофеева, Белоусов, 2015, с. 85]. Именно в этот период происходит «становление языковой личности и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента. Относительная стабильность языковой способности носителей языка может служить основой для характеристики массового сознания в российском обществе на ближайшие 20–30 лет, то есть на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества» [Караулов, 2002, с.192].

Метод ассоциативного эксперимента предложил К.Г. Юнг в начале XX в. [Большой психологический словарь, 2004, с. 37]. Данный метод является одним из перспективных для изучения структуры концепта, так как позволяет изучать функционирование языка в реальной коммуникации. Ассоциативный эксперимент – «эксперимент, во время которого от испытуемого требуется назвать первое пришедшее в голову слово или выражение в ответ на предъявляемую лексическую единицу» [Щукин, 2007, с. 36], «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его “семантические обертоны”, – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [Леонтьев, 1977, с. 14].

Как уже отмечалось, ассоциативный эксперимент дает доступ к пониманию языкового сознания и возможность репрезентировать фрагмент действительности. В ассоциациях всегда проявляются огромные,

неограниченные пласты редких, забытых, не «лежащих на поверхности» смыслов, которые всякий раз оживают в обновленном виде, у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [Бахтин, 1979, с. 373].

В современной отечественной лингвистике сформировалось новое направление – лингвистический ассоцианизм. Данное направление представлено в работах В.А. Долинского [Долинский, 2011, 2012, 2014]. Одним из результатов его научной деятельности в области лингвистического ассоцианизма стал подготовленный им словарь «Вербальные ассоциации московских студентов» (200 стимулов, 1010 испытуемых), снабжённый справочным и аналитическим аппаратом.

Для синхронного описания концепта необходимо исследование совокупности его репрезентатов, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов. Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных признаков концепта, что подтверждает необходимость проведения ассоциативных экспериментов с целью изучения семантического наполнения концептов [Крючкова, 2005].

Можно выделить три вида ассоциативного эксперимента:

- 1) свободный ассоциативный эксперимент, при котором отсутствуют ограничения по количеству ассоциаций [Леонтьев, 1977, с. 5];
- 2) направленный или контролируемый ассоциативный эксперимент, при котором обычно задаются условия, например, назвать ассоциации определенного грамматического класса [там же];
- 3) цепочечный или множественный ассоциативный эксперимент является разновидностью свободного ассоциативного эксперимента [Городецкая, 2002, с. 34].

Нами выбран свободный ассоциативный эксперимент, без ограничений, с целью выявления разных типов отношений ассоциаций со словом-стимулом.

Следует обратить внимание на принципиальное отличие использования ассоциативного эксперимента в психолингвистических и когнитивных исследованиях, направленных на анализ языкового сознания. В психолингвистике изучается первая реакция, так как именно она отражает психологический компонент сознания носителей языка, в когнитивистике важен весь ряд ассоциаций, полученных от одного респондента, именно их комплекс позволяет обнаружить не только явные, но имплицитные когнитивные характеристики изучаемого явления [Попова, Стернин, 2007а, с. 186].

Итак, ассоциативный эксперимент позволяет проанализировать содержание концепта в синхронии, тем самым представить фрагмент языковой картины мира в сознании носителей конкретного языка.

Ассоциации связаны со словом-стимулом ассоциативными отношениями. Существует множество классификаций типов отношений в структуре ассоциативно-вербального поля. Ассоциативные отношения определяются как «образуемые на основе мыслительной ассоциации группы, не ограничивающиеся сближением членов отношения, представляющих нечто общее; ум схватывает характер связывающих их в каждом случае отношении и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений» [Соссюр, 1977, с. 125]. Все члены языковой системы находятся между собой в двух видах отношений: синтагматических и ассоциативных. Слова, сочетаясь друг с другом в речи, вступают между собой в синтагматические отношения, то есть выстраиваются одно слово за другим в линейную последовательность [там же, с. 155]. Синтагматическим, или горизонтальным, отношениям стали противопоставлять парадигматические, или вертикальные отношения, которые Ф. де Соссюр называл ассоциативными.

Например, выделяются непосредственные и посредственные ассоциации, которые, в свою очередь, делятся на два вида:

1) Ассоциации по сходству (парадигматические): «...Всякое слово связано с другими словами узами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое, или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое <...> всякое слово способно, вследствие особого психологического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами» [Крушевский, 1883, с. 65].

2) Ассоциации по смежности (синтагматические): «Если, вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды» [там же].

Анализируя данные ассоциативного эксперимента, многие отечественные и зарубежные исследователи [Клименко, 1974; Тойм, 1977; Залевская, 2007; Уфимцева, 1983; Мартинович, 1990; Соколова, 1999; Овчинникова, 2001; Белянин, 2004; Шустова, 2016; Eddington, 2009; Singleton, Regan, 2013] затрагивают вопрос о выделении синтагматических и парадигматических типов отношений и нередко относят их к одному из важных классификационных параметров анализа ассоциаций. Дополнительно выделяются и другие типы отношений внутри ассоциативно-вербального поля:

– фонетические, в которых налицо созвучие между стимулом и реакцией, но не выражено (или очень слабо выражено) семантическое обоснование ассоциации;

– словообразовательные, основанные на единстве корня стимула и реакции, но не отражающие четких и однообразных для разных слов семантических отношений между стимулами и реакцией;

– цитатные;

– грамматические [Клименко, 1974];

– тематические [Шустова, Платонова, 2016, Овчинникова, 2001];

– родо-видовые, клишированные, личные [Белянин, 2004].

Наиболее значимыми типами отношений внутри ассоциативно-вербального поля оказываются синтагматические, парадигматические и тематические, именно эти типы ассоциативных отношений анализируются в данном исследовании. Под синтагматическим типом отношений мы понимаем линейную сочетаемость слова-стимула с ассоциациями, под парадигматическим – ассоциации близкие по значению к стимулу и принадлежащих тому же грамматическому классу. Мы дополняем метод анализа и выделяем синтагматико-парадигматический тип отношений, куда входят ассоциации не вошедшие в первые два типа, а также внутри каждого типа отношений рассматриваем синонимические и антонимические ряды.

Тематическая обработка данных ассоциативного эксперимента может реализована по-разному. Например, схожие по смыслу ассоциации могут образовывать кластер, под которым понимается объединение языковых элементов, обладающих несколькими общими признаками, сегмент информационного пространства, вычлененный на основании семантически связанных между собой слов, репрезентирующих тот или иной фрагмент картины мира [Хроленко, 2000, с. 34]. Кластерный принцип описания предполагает анализ всех входящих в кластер лексем с одновременной установкой важнейших логических, парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей слова с другими, представляющими фрагмент картины мира. При анализе тематического типа отношений ассоциативно-вербального поля мы используем метод когнитивной интерпретации, при котором близкие по смыслу ассоциации формируют когнитивный признак концепта с целью его когнитивно-семантического моделирования [Попова, Стернин, 2007б]. Когнитивный дифференциальный признак или когнитивный признак – это отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания. Когнитивные признаки могут быть объеди-

нены в когнитивный классификационный признак [там же, с. 90]. Важно отметить, что в процессе когнитивной интерпретации в качестве когнитивных признаков концепта интерпретируются все полученные ассоциаты, включая единичные. Как правило, для номинации когнитивного признака выбирается наиболее общая ассоциация, отражающая основные семантические характеристики данной группы.

Когнитивные признаки, выраженные по степени яркости, образуют когнитивно-семантическую модель концепта. Под моделью концепта понимается:

– любое описание концепта – одна из его возможных моделей, под которой понимается «глобальная ментальная (мыслительная) единица в ее национальном своеобразии» [Попова, Стернин, 2007а, с. 78];

– «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [Карасик, 2015, с. 76].

Когнитивно-семантическая модель строится на логике упорядочения, хранения и использования когнитивных знаний, репрезентируемых разными языковыми средствами [Johnson-Laird, 1983; Langacker, 1999].

Мы определяем когнитивно-семантическую модель как иерархическую структуру когнитивных признаков, представляющих основные семантические компоненты концепта. Выявление максимально возможных языковых репрезентантов концепта и их последующая когнитивная интерпретация позволяет разработать его когнитивно-семантическую модель. Моделирование концепта может включать следующие этапы: когнитивная интерпретация лингвистического материала; выявление когнитивных признаков; разработка когнитивно-семантической модели, представленной в виде иерархии когнитивных признаков; описание модели; графическое представление когнитивно-семантической модели.

Материал ассоциативного эксперимента позволяет сформировать словарную статью, которая совпадает с ассоциативно-вербальным полем. Ассоциативные словари, новый тип справочных изданий, которые в настоящее время приобретают широкое распространение, так как ассоциативный метод является эффективным инструментом когнитивных исследований, позволяющим дополнять сведения об языковой картине мира. Словарь даёт картину сочетаемости слов в живой речи носителей языка, в нём можно найти наиболее типичные и самые частотные словосочетания, грамматические конструкции, все типы слово-

изменения и словообразования. Использование материалов ассоциативного словаря позволяет наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и поведения, а также в изучении семантических законов в языке в целом [Уфимцева, 2014]. Каждая словарная статья в ассоциативном словаре объединяет все слова-реакции на слово-стимул в порядке убывания частоты. Таким образом, ассоциативно-вербальное поле – это фрагмент вербальной памяти человека, фрагмент семантических и грамматических отношений и фрагмент образа мира. Следует отметить, что в существующих ассоциативных словарях отсутствует словарная статья на слово-стимул «миграция» [Караулов, 2002; Словарь ассоциативных норм русского языка, 1977; Манликова, 1989; Михейкина, 2008; Русский ассоциативный словарь, 2011].

Итак, на основе представленных концепций изучения миграционного дискурса на основе концепта МИГРАЦИЯ в рамках когнитивного подхода, а также с учетом использования метода свободного ассоциативного эксперимента, нами разработана следующая методика исследования, состоящая из нескольких этапов:

Первый этап:

1. Количественная обработка полученного материала с указанием частотности в порядке убывания (по типу ассоциативной словарной статьи).

2. Качественная обработка результатов, включающая построение модели ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ: процентное соотношение ядерных и периферийных зон.

3. Уровневый анализ ассоциативно-вербального поля концепта МИГРАЦИЯ:

3.1. Описание лексико-синтаксического уровня: синтагматический, парадигматический, синтагматико-парадигматический типы отношений, с указанием синонимических и антонимических рядов.

3.2. Описание морфологического уровня: словообразовательные отношения.

3.3 Описание когнитивного уровня: антропонимы, топонимы, этнонимы, перифразы, метафорическое представление.

3.4 Описание прагматического уровня по методу, предложенному Ю.Н. Карауловым, включающий обработку полученных ассоциатов по следующему принципу:

- 1) кто (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом);
- 2) что (предмет, ассоциируемый со словом-стимулом);
- 3) какой (включает интегральные признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя);

- 4) каков (оценочные характеристики «хороший – плохой»);
 - 5) это (квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связи);
 - 6) делать (действие, ассоциируемое со словом-стимулом);
 - 7) где (место, ассоциируемое со словом-стимулом);
 - 8) когда (временной период, ассоциируемый со словом-стимулом)
- [Караулов, 2000, с. 191–206]. В нашем исследовании пункт 3 и 4 были объединены в один и назван «какая».

Второй этап:

1. Когнитивно-семантическая модель концепта МИГРАЦИЯ:

1.1. Когнитивная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента;

1.2. Выявление классификационных и дифференциальных когнитивных признаков интерпретационного поля концепта МИГРАЦИЯ;

1.3 Моделирование интерпретационного поля концепта МИГРАЦИЯ: выявление иерархии структуры когнитивных признаков;

1.4 Построение когнитивно-семантической модели концепта МИГРАЦИЯ как отражение языковой картины мира носителей русского языка.

Таким образом, в качестве объекта исследования выступает ассоциативно-вербальное поле МИГРАЦИЯ и концепт МИГРАЦИЯ как базовый концепт миграционного дискурса. Предметом исследования является уровневая структура ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ и когнитивно-семантическая модель концепта МИГРАЦИЯ. Цель работы – разработка модели ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ как отражение языкового сознания носителей русского языка и когнитивно-семантической модели концепта МИГРАЦИЯ, отражающая фрагмент языковой картины мира российского общества, обе модели представляют содержание миграционного дискурса.

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ «МИГРАЦИЯ»

Ассоциативно-вербальное поле МИГРАЦИЯ представлено следующим образом: *переезд (65) / переселение (42) / беженец (30) / страна (26) / перемещение (25) / иностранец (24) / птицы (23) / животные (20) / люди (18) / мигрант, движение (15) / граница, передвижение (14) / население (13) / утечка мозгов, работа, проблемы (12) / война (11) / ислам (10) / гастарбайтер, эмиграция, смена места жительства, США, путешествие, политика (9) / паспорт, Евро-*

на, рыбы, побег, новое знакомство (8) / эмигрант, перелетные птицы, улучшение жизни, адаптация, знакомство (7) / новая жизнь, любовь, другая культура, документы, федеральная миграционная служба, иммиграция, чемодан, отъезд, еда (6) / поиск, изменение, необходимость, заработок, миграционная служба, служба размещения мигрантов, человек, самолет, город, низкий уровень жизни, Россия, нелегал, перелет, климат, новые люди, смена постоянного места жительства (5) / поиск лучшей жизни, мечта, перемены, выживание, деньги, новый язык, виза, уезжать, переход, транспорт, государство, география, новая территория, социальная мобильность, Ближний Восток, поездка, путь, численность, стая (4) / новый образ жизни, насильственное выдворение, вынужденность, безработица, за любимым, культурный шок, культура, миграционная карта, закон, иммигрант, чужие, новое место, поезд, новое место жительства, новый дом, континент, изменение генов, Украина, Сирия, таджики, ислам, отдых, образование, наука, чернорабочие, дорога, политическое убежище, существительное, слоны, белки, популяция, перенаселение, сезон, теплые края, изменение локации, бедная страна, кризис, заболевание, другая страна, биология, массы, затраты, журналист (3) / начало, новое, обновление, свобода, лучшая жизнь, надежда на лучшую жизнь, улучшение условий, бегство, новые возможности, репрессия, сложности, трудности, неопределенность, взаимодействие, загранпаспорт, гринкарта, таможня, народ, нерусский, плановый переезд, въезд, пересечение, дом, за граница, другой город, приrost, сеть, упадок экономики, экономический кризис, СССР, Германия, татары, армяне, азербайджанцы, туризм, учеба, студент, исследователь, нужда, бедность, нищета, условия труда, терроризм, недовольство, миграционная политика, убежище, государственное регулирование, живые организмы, насекомые, олень, стадо, наводнение, море, трава, экология, время, время года, временная, тепло, теплая страна, эмоции, семья, смена местоположения, высокий уровень жизни, приспособление, новая культура, язык, другой язык, болезнь, полет, смена страны, отток населения, новая работа, незаконно, миграция животных, массовость, природа, обитание, незаконная (2) / перепоселение, возможность начать новую жизнь, открытия, старт, опыт, цель, смена окружения, изменение жизни, изменение жизненных условий, надежда на лучшую жизнь, перспективы, возможности, улучшение условий жизни, надежда, стремление к лучшему, улучшение, бег, бежать, принуждение, бедствие, катастрофа, проблемы в стране, обстоятельства, зарабатывание

денег, желание заработать деньги, поиск счастья, счастье, скрыться от проблем, жизненные трудности, качество жизни, комфорт, нестабильность, неудобства, благополучие, финансовые обстоятельства, культурный барьер, мультикультуризм, культурное обогащение, незнание порядков, английский язык, языковой барьер, бюрократия, проблемы с документами, трудовая виза, билеты, разрешение на временное проживание, вид на жительство, легализация, паспортная служба, кто-то, гражданин другой страны, коренной житель, общество, понаехавшие, чурки, рабы, коллектив, больница, переезд на постоянное место жительства, убытие, уход, приезд, транспортировка, переправа, жилье, приобретение нового жилья, атлас, ареал, новый регион, другой материк, новое место расположения, столица, Земной шар, экспорт, импорт, нехватка ресурсов, Израиль, Ирак, Детройт, Африка, Средняя Азия, Восток, Мексика, Азия, африканцы, негры, люди восточных стран, арабы, национальность, национализм, нация, вещи, турист, пляж, вокзал, образование в медицинской сфере, зачет, ученик, ума ученых, упадок, обеспеченность, бездомные, трудоустройство, поиск работы, смена работы, командировка, мало рабочих мест, рынок труда, далеко, рост преступности, преступность, конфликт, беспорядок, разнoglасия, опасность, недовольство местных граждан, политики, политическая программа, плохое правительство, Трамп, революция, политическая нестабильность, понятие, медузы, антилопы, крокодилы, зебры, киты, бизоны, лемминги, морская черепаха, большое количество людей, коллектив, колонизация, толпа, скопление, река, грязная вода, год, осенняя, весенняя, постоянная, маятниковая, цифровая, трудовая, массовая, сезон дождей, солнце, лед, усилия, нервы, тревога, стресс, страх, заботы, потери, потерянность, переживания, раздумье, боязнь, боль, спокойствие, расставание, разрыв связей, тоска, расстояние между родственниками, покидание, оставление, цвет, синий, корни, покинуть дом, новая страна, расовое смешение, смешивание, смешивание национальностей, необходимость обеспечивать семью, навязывание, долг, социология, провокация, обстановка, неизвестность, суматоха, прорыв, русские писатели 20 века, исчезновение, борьба, спор, воссоединение, новости, выход, развитая страна, социальный кризис, смена локации, автостоп, лететь, коллаборация, отток, выезд из страны, новое место работы, нарушение закона, военные действия, массовый процесс, мощь, одиночество (1).

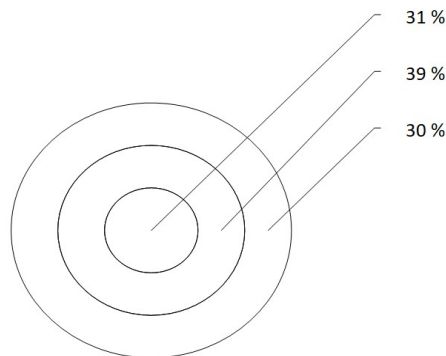

Схема 4. Модель ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ

К ядру ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ относятся реакции в диапазоне частоты от 65 до 10, к ближней периферии – от 9 до 3 реакций, к дальней периферии – от 2 до единичных реакций. Предложенная модель демонстрирует достаточно равномерное распределение по зонам. Интересно отметить, что исходя из ядерных признаков, миграция представлена как переезд в другую страну в поисках лучшей жизни, избавление от существующих проблем, бегство от войны. Основными участниками миграции являются беженцы, это означает, что миграция воспринимается как некое вынужденное действие для людей, также отмечены такие участники как иностранцы и мигранты. В ядре ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ представлены два основных типа миграции трудовая (*работа*) и интеллектуальная (*утечка мозгов*), также к ядру относится не только миграция людей, но и миграция птиц и животных.

Ассоциативно-вербальное поле концепта МИГРАЦИЯ раскрывает содержание и структуру миграционного дискурса. Например, выделяются следующие участники: *беженцы, мигранты, иммигранты, эмигранты, иностранцы, гастарбайтеры, люди, население, чужие, студент, ученик, исследователь, гражданин другой страны, коренной житель, общество, турист, политики, страна, население, журналист, народ, понаехавшие, государство, животные и птицы, рыбы, а также социальные институты, такие как федеральная миграционная служба, служба размещения мигрантов, паспортная служба, таможня*. Также четко прослеживаются разные типы миграции: трудовая (*желание заработать, поиск работы*), образовательная (*учеба, ученик, студент*), туристическая (*турист, путешествие, отдых*), ин-

теллектуальная (*утечка мозгов, наука, исследователь*), вынужденная (*насильственное выдворение, катастрофа, бедствие, репрессия*), плановая (*плановый переезд*), добровольная (*за любимым, поиск счастья, мечта*), биологическая (*животные, перелетные птицы, насекомые*), легальная (*законно*), нелегальная (*незаконно, нелегал*), осенняя, весенняя, маятниковая, постоянная, цифровая, массовая.

УРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОГО ПОЛЯ «МИГРАЦИЯ»

Лексико-синтаксический уровень структуры ассоциативно-вербального поля концепта МИГРАЦИЯ представлен следующим образом.

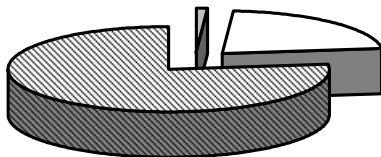
Ассоциаты, актуализирующие синтагматический тип отношений: *временная, незаконная (2) / осенняя, весенняя, постоянная, маятниковая, цифровая, трудовая, массовая (1).*

Ассоциаты, актуализирующие парадигматический тип отношений: *переезд (65) / переселение (42) / беженец (30) / страна (26) / перемещение (25) / иностранец (24) / птицы (23) / животные (20) / люди (18) / мигрант, движение (15) / граница, передвижение (14) / население (13) / работа, проблемы (12) / ислам (10) / война (11) / гастарбайтер, эмиграция, США, путешествие, политика (9) / паспорт, Европа, рыбы, побег, (8) / эмигрант, адаптация, знакомство (7) / любовь, документы, иммиграция, чемодан, отъезд, еда (6) / поиск, изменение, необходимость, заработок, человек, самолет, город, Россия, нелегал, перелет, климат, (5) / мечта, перемены, выживание, деньги, виза, переход, транспорт, государство, география, поездка, путь, численность, стая (4) / вынужденность, безработица, культура, закон, иммигрант, чужие, поезд, континент, Украина, Сирия, таджики, ислам, отдых, образование, наука, чернорабочие, дорога, существительное, слоны, белки, популяция, перенаселение, сезон, кризис, заболевание, биология, массы, затраты, журналист (3) / начало, новое, обновление, свобода, бегство, репрессия, сложности, трудности, неопределенность, взаимодействие, загранпаспорт, гринкарта, таможня, народ, нерусский, въезд, пересечение, дом, заграница, прирост, сеть, СССР, Германия, татары, армяне, азербайджанцы, туризм, учеба, студент, исследователь, нужда, бедность, нищета, терроризм, недовольство, убежище, насекомые, олень, стадо, наводнение, море, трава, экология, время, эмоции, семья, приспособление, язык, болезнь, полет, масовость, природа, обитание (2) / перепоселение, открытия, старт,*

опыт, цель, перспективы, возможности, надежда, улучшение, бег, принуждение, бедствие, катастрофа, обстоятельства, счастье, комфорт, нестабильность, неудобства, благополучие, мультикультуризм, бюрократия, билеты, легализация, общество, чурки, рабы, коллектив, больница, убытие, уход, приезд, транспортировка, переправа, жилье, атлас, ареал, столица, экспорт, импорт, Израиль, Ирак, Детройт, Африка, Восток, Мексика, Азия, африканцы, негры, арабы, национальность, национализм, нация, вещи, турист, пляж, вокзал, зачет, ученик, упадок, обеспеченность, бездомные, трудоустройство, командировка, преступность, конфликт, беспорядок, разногласия, опасность, политики, Трамп, революция, понятие, медузы, антилопы, крокодилы, зебры, киты, бизоны, лемминги, коллектив, колонизация, толпа, скопление, река, год, солнце, лед, усилия, нервы, тревога, стресс, страх, заботы, потери, потерянности, переживания, раздумье, боязнь, боль, спокойствие, расставание, тоска, покидание, оставление, цвет, синий, корни, смешивание, навязывание, долг, социология, провокация, обстановка, неизвестность, суматоха, прорыв, исчезновение, борьба, спор, воссоединение, новости, выход, автостоп, коллаборация, отток, помощь, одиночество (1).

Ассоциаты, актуализирующие синтагматико-парадигматический тип отношений: утечка мозгов (12) / смена места жительства (9) / новое знакомство (8) / перелетные птицы, улучшение жизни, (7) / новая жизнь, другая культура, федеральная миграционная служба (6) / миграционная служба, служба размещения мигрантов, низкий уровень жизни, новые люди, смена постоянного места жительства (5) / поиск лучшей жизни, новый язык, уезжать, новая территория, социальная мобильность, Ближний Восток (4) / новый образ жизни, насильственное выдворение, за любимым, культурный шок, миграционная карта, новое место, новое место жительства, новый дом, изменение генов, политическое убежище, теплые края, изменение локации, бедная страна, другая страна, (3) / лучшая жизнь, надежда на лучшую жизнь, улучшение условий, новые возможности, плановый переезд, другой город, упадок экономики, экономический кризис, условия труда, миграционная политика, государственное регулирование, живые организмы, время года, тепло, теплая страна, смена местоположения, высокий уровень жизни, новая культура, другой язык, смена страны, отток населения, новая работа, незаконно, миграция животных (2) / понаехавшие, возможность начать новую жизнь, смена окружения, изменение жизни, изменение жизненных условий, надежда на лучшую жизнь, улучшение условий жизни, стремление к лучшему, бежать, проблемы в стране, зарабатывание денег, желание

заработать деньги, поиск счастья, скрыться от проблем, жизненные трудности, качество жизни, финансовые обстоятельства, культурный барьер, культурное обогащение, незнание порядков, английский язык, языковой барьер, проблемы с документами, трудовая виза, разрешение на временное проживание, вид на жительство, паспортная служба, кто-то, гражданин другой страны, коренной житель, переезд на постоянное место жительства, приобретение нового жилья, новый регион, другой материк, новое место расположения, Земной шар, нехватка ресурсов, Средняя Азия, люди восточных стран, образование в медицинской сфере, ума ученых, поиск работы, смена работы, мало рабочих мест, рынок труда, далеко, рост преступности, недовольство местных граждан, политическая программа, плохое правительство, политическая нестабильность, морская черепаха, большое количество людей, грязная вода, сезон дождей, разрыв связей, расстояние между родственниками, покинуть дом, новая страна, расовое смешение, смешивание национальностей, необходимость обеспечивать семью, благие намерения, русские писатели 20 века, развитая страна, социальный кризис, смена локации, лететь, выезд из страны, новое место работы, нарушение закона, военные действия, массовый процесс (1).

- синтагматический тип
- синтагматико-парадигматический тип
- ▣ парадигматический тип

Схема 5. Структура типов отношений
ассоциативно-вербального поля «миграция»

Внутри парадигматических, синтагматических и синтагматико-парадигматических типов отношений можно дополнительно выделить:

синтагматический тип отношений, актуализирующий синонимические отношения: *временная* (2) – *маятниковая*;

парадигматический тип отношений, актуализирующий синонимические отношения: *старт* – *начало* (2), *возможности* – *перспективы* – *развитие*, *бег* – *бегство* (2) – *бежать* – *побег* (8), *необ-*

ходимость (5) – вынужденность (3), проблемы (12) – сложности (2) – трудности (2), нестабильность – неопределенность (2), заработок (5) – деньги (4), адаптация (7) – приспособление (2), загранпаспорт (2) – паспорт (8), легализация – закон (3), иммигрант (3) – эмигрант (7) – иностранец (24) – мигрант (15) – чужие (3) – понаехавшие, население (13) – люди (18) – народ (2), болезнь (2) – заболевание (3), переезд (65) – переселение (41) – перепоселение, движение (15) – передвижение (14) – перемещение (25), эмиграция (9) – иммиграция (6), отъезд (2) – выезд (6), покидание – убытие – оставление, учеба (2) – образование (3), бедность (2) – нищета (2) – нужда (2), путь (4) – дорога (3), полет (2) – перелет (5), толпа – массы (3) – массовость (2), тревога – стресс – переживания, боязнь – страх, разногласия – конфликт.

синтагматико-парадигматический тип отношений, актуализирующий синонимические отношения: возможность начать новую жизнь (6) – новая жизнь, улучшение жизни (7) – поиск лучшей жизни (4) – лучшая жизнь (2) – улучшение условий жизни – улучшение условий (3) – стремление к лучшему, надежда на лучшую жизнь – надежда на лучшее (3), зарабатывание денег – желание заработать деньги, новая культура (2) – другая культура (6), новый язык (4) – другой язык (2), разрешение на временное проживание – вид на жительство, смена местоположения (2) – изменение локации (3) – смена локаций – новое место расположения – новое место (3), смена места жительства (9) – смена постоянного места жительства (5), новое место жительства (3) – новый дом (3), новая страна – другая страна (3) – смена страны (2), расовое смешение – смешивание национальностей, новая работа (2) – новое место работы – поиск работы – смена работы, большое количество людей – массовый процесс, теплые края (3) – теплая страна (2), новое знакомство (8) – новые люди (5);

синтагматический тип отношений, актуализирующий антонимические отношения: временная (2) – постоянная;

парадигматический тип отношений, актуализирующий антонимические отношения: начало (2) – конец, отъезд (2) – въезд (2), выезд (6) – приезд, экспорт – импорт, комфорт – неудобство, отток – приток (2), обеспеченность – нищета (2) – бедность (2), спокойствие – тревога, ограничение (2) – свобода;

синтагматико-парадигматический тип отношений, актуализирующий антонимические отношения: коренной житель – гражданин другой страны, высокий уровень жизни (2) – низкий уровень жизни (5), бедная страна (3) – развитая страна;

Морфологический уровень демонстрирует словообразовательный тип отношений, который включает следующие ассоциации: эмиграция (9) – иммиграция (6) – эмигрант (7) – мигрант (15) – иммигрант (3), новое (2) – обновление (2), бег – бегство (2) – побег (8) – бежать, работа – безработица, переселение (42) – перепоселение, движение (15) – передвижение (14), отъезд (2) – выезд (6) – въезд (2) – приезд, транспорт (4) – транспортировка, граница (14) – заграница (2), экспорт – импорт, нация – национальность – национализм, турист – туризм (2), незаконная (2) – незаконно (2), полет (2) – перелет (5), массы (3) – массовость (2), население – перенаселение, потери – потеряность, боль – болезнь – заболевание.

На когнитивном уровне нами выделены следующие группы:

топонимы: США (9), Европа (8), Россия (5), Ближний восток (4), Украина (3), Сирия (3), СССР (2), Германия (2), Израиль, Ирак, Детройт, Африка, Средняя Азия, Восток, Мексика, Азия;

антропонимы: Трамп;

этнонимы: таджики (3), татары (2), армяне (2), азербайджанцы (2), африканцы, негры, люди восточных стран, арабы;

перифраз: переезд (65), переселение (42), перемещение (25), смена места жительства (9), отъезд (6), смена постоянного места жительства (5), социальная мобильность (4), новое место жительства (3), изменение локации (3), плановый переезд (2), смена местоположения (2), изменение жизненных условий (2), изменение жизни (2), смена страны (2), покинуть дом, перепоселение, изменение жизни, новая страна, смена локации, выезд из страны;

метафора: движение (15), передвижение (14), поиск лучшей жизни (13), утечка мозгов (12), новая жизнь (6), выживание (4), чернорабочие (3), чужие (3), массы (3), обновление (3), бегство (3), сеть (2), полет (2), начало (2), новое (2), старт, бег, бежать, понаехавшие, рабы, чурки, транспортировка, осенняя, весенняя, цифровая, синий, прорыв, борьба, массовый процесс.

Прагматический уровень включает:

кто? беженец (30), иностранец (24), птицы (23,) животные (20), люди (18), мигрант (15), население (13), гастарбайтер (9), рыбы (8), эмигрант, перелетные птицы (7), новые люди, нелегал, человек (5), стая (4), иммигрант, таджики, журналист чернорабочие, чужие, слоны, белки (3), татары, армяне, азербайджанцы, студент, исследователь, живые организмы, насекомые, олень, стадо, народ, нерусский (2), кто-то, гражданин другой страны, коренной житель, общество, понаехавшие, чурки, рабы, коллектив, африканцы, негры, люди вос-

точных стран, арабы, турист, ученик, бездомные, политики, Трамп, медузы, антилопы, крокодилы, зебры, киты, бизоны, лемминги, морская черепаха, большое количество людей, коллектив, толпа, русские писатели 20 века (1);

что? паспорт (8), чемодан, документы (6), самолет (5), транспорт, виза, деньги (4), поезд, миграционная карта (3), дом, трава, загранпаспорт, гринкарта (2), трудовая виза, билеты, разрешение на временное проживание, вид на жительство, атлас, вещи (1);

где? страна (26), граница (14), США (9), Европа (8), Россия, город (5), новая территория, Ближний Восток, государство (4), континент, Украина, Сирия, теплые края, бедная страна, другая страна, новое место (3), СССР, Германия, заграница, теплая страна, другой город (2), ареал, новый регион, другой материк, столица, Земной шар, Израиль, Ирак, Детройт, Африка, Средняя Азия, Восток, Мексика, Азия, вокзал, пляж, море, новая страна, развитая страна (1);

когда? тепло, время года (2), сезон дождей (1);

какая? незаконная временная (2), осенняя, весенняя, постоянная, маятниковая, цифровая, трудовая, массовая (1);

это? переезд (65), переселение (42), перемещение (25), движение (15), передвижение (14), утечка мозгов, проблемы (12), война (11), эмиграция, смена места жительства, путешествие, политика (9), побег, новое знакомство (8), улучшение жизни (7), новая жизнь, иммиграция, отъезд (6), поиск, изменение, необходимость, перелет, смена постоянного места жительства (5), поиск лучшей жизни, перемены, переход, социальная мобильность, поездка, выживание (4), новый образ жизни, насильственное выдворение, новое место жительства, изменение генов, отдых, образование, наука, существительное, изменение локации, кризис, вынужденность (3), свобода, лучшая жизнь, улучшение условий, бегство, взаимодействие, новые возможности, плановый переезд, въезд, прирост, сеть, туризм, учеба, терроризм, полет, смена страны, отток населения, смена местоположения (2), перепоселение, возможность начать новую жизнь, открытия, смена окружения, изменение жизни, изменение жизненных условий, надежда на лучшую жизнь, перспективы, возможности, улучшение условий жизни, стремление к лучшему, бег, поиск счастья, переезд на постоянное место жительства, убытие, экспорт, импорт, командировка, понятие, расставание, покидание, оставление, расовое смешение, смешивание, смешивание национальностей, неизвестность, смена локации, массовый процесс, борьба, выход, отток, выезд из страны (1);

что делать уезжать (4), бежать, скрыться от проблем, покинуть дом.

Анализ уровневой структуры типов отношений ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ представлен в виде таблицы 1.

Таблица 1. Уровневая структура ассоциативно-вербального поля МИГРАЦИЯ

<i>Лексико-синтаксический уровень</i>	
Парадигматический тип отношений	77 %
Синтагматико-парадигматический тип отношений	22 %
Синтагматический тип отношений	1 %
Парадигматический тип отношений, актуализирующий синонимический тип отношений	32 %
Синтагматико-парадигматический тип отношений, актуализирующий синонимический тип отношений	9,5 %
Парадигматический тип отношений, актуализирующий антонимический тип отношений	2,5 %
Синтагматико-парадигматический тип отношений, актуализирующий антонимический тип отношений	1 %
Синтагматический тип отношений, актуализирующий синонимический тип отношений	0,25 %
Синтагматический тип отношений, актуализирующий антонимический тип отношений	0,25 %
<i>Морфологический уровень</i>	
Словообразовательные отношения	16 %
<i>Когнитивный уровень</i>	
Перефраз	14,5 %
Метафора	8 %
Топонимы	3,6 %
Этнонимы	1 %
Антропонимы	0,08 %
<i>Прагматический уровень</i>	
Это?	34 %
Кто?	22 %
Где?	10 %
Что?	5 %
Когда?	5 %
Какая?	0,9 %
Что делать?	0,6 %

Следующий этап анализа включает когнитивную интерпретацию ассоциатов, с целью выявления основных когнитивных признаков концепта МИГРАЦИЯ. Обобщение полученных результатов строится следующим образом: близкие по семантике ассоциаты, по-разному называющие фактически один и тот же семантический компонент, объединяются в интегральный когнитивный признак, а их частотность суммируется. Для наименования когнитивного признака были выбраны наиболее частотные или стилистически нейтральные реакции. Более крупные группы были подразделены на подгруппы.

1. Классификационный когнитивный признак «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ» (201):

1.1. Дифференциальный когнитивный признак «Переезд» (68): *переезд (65), плановый переезд (2), переезд на постоянное место жительства (1)*;

1.2. Дифференциальный когнитивный признак «Передвижение» (65): *движение (15), передвижение (14), переход (4), пересечение, въезд (2), приезд, транспортировка, переправа (1)*;

1.3. Дифференциальный когнитивный признак «Переселение» (59): *переселение (42), эмиграция (9), иммиграция (6), перепоселение, колонизация (1)*;

1.4. Дифференциальный когнитивный признак «Изменение локации» (10): *новое место, изменение локации (3), смена местоположения (2), смена локации, новое место расположение (1)*;

2. Классификационный когнитивный признак «ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ» (181):

2.1. Классификационный когнитивный признак «ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ» (35):

2.1.1. Дифференциальный когнитивный признак «Уровень и качество жизни» (26): *низкий уровень жизни (5), кризис, бедная страна (3), неопределенность, высокий уровень жизни (2), качество жизни, неудобство, комфорт, благополучие, проблемы в стране, нестабильность, развитая страна, социальный кризис, нехватка ресурсов, обстоятельства, неизвестность (1)*;

2.1.2. Дифференциальный когнитивный признак «Экономика» (9): *безработица (3), упадок экономики, экономический кризис (2), финансовые обстоятельства, мало рабочих мест (1)*;

2.2. Классификационный когнитивный признак «ЛИЧНЫЕ МОТИВЫ» (29):

2.2.1. Дифференциальный когнитивный признак «Трудности» (18): *проблемы (12), сложности, трудности (2), скрыться от проблем, жизненные трудности (1);*

2.2.2. Дифференциальный когнитивный признак «Любовь» (11): *любовь (6), за любимым (3), поиск счастья, счастье (1);*

2.3. Классификационный когнитивный признак «ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЗНИ»

2.3.1. Дифференциальный когнитивный признак «Улучшение жизни» (25): *улучшение жизни (7), поиск лучшей жизни (4), улучшение условий, надежда на лучшее (3), лучшая жизнь (2), изменение жизненных условий, надежда на лучшую жизнь, улучшение условий жизни, стремление к лучшему, улучшение, надежды (1);*

2.3.2. Дифференциальный когнитивный признак «Новая жизнь» (19): *новая жизнь (6), новый образ жизни (3), обновление, свобода, начало, новое (2), возможность начать новую жизнь, старт (1);*

2.3.3. Дифференциальный когнитивный признак «Изменение жизни» (11): *изменение (5), перемены (4), смена окружения, изменение жизни (1);*

2.4. Классификационный когнитивный признак «РАЗВИТИЕ И ЦЕЛИ» (17):

2.4.1. Дифференциальный когнитивный признак «Развитие» (12): *поиск (5), новые возможности (3), открытия, опыт, возможности, перспективы (1);*

2.4.2. Дифференциальный когнитивный признак «Достижение цели» (5): *мечта (4), цель (1);*

2.5. Дифференциальный когнитивный признак «Выживание» (15): *необходимость (5), выживание (4), вынужденность (3), бедствие, катастрофа, обстоятельства (1);*

2.6. Дифференциальный когнитивный признак «Бегство» (13): *побег (8), бегство (2), бег, бежать, выход (1);*

2.7. Дифференциальный когнитивный признак «Заработок» (11): *заработок (5), деньги (4), зарабатывание денег, желание заработать деньги;*

2.8. Дифференциальный когнитивный признак «Принуждение» (7): *насиловственное выдворение (3), репрессия (2), принуждение, долг (1);*

3. Классификационный когнитивный признак «УЧАСТНИКИ МИГРАЦИИ» (160):

3.1. Классификационный когнитивный признак «СОЦИАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ» (141):

3.1.1. Дифференциальный когнитивный признак «Индивид» (105): *беженец (30), иностранец (24), мигрант (15), гастарбайтер (9), эмигрант (7), человек (5), чужие, иммигрант (3), нерусский (2), кто-то, гражданин другой страны, коренной житель, чурки, рабы, русские писатели 20 века (1);*

3.1.2. Дифференциальный когнитивный признак «Коллектив» (36): *люди (18), население (13), народ (2), коллектив, общество, понаехавшие (1);*

3.1.3. Дифференциальный когнитивный признак «Социальные институты» (19): *федеральная миграционная служба (6), служба размещения мигрантов, миграционная служба (5), таможня (2), паспортная служба (1);*

4. Классификационный когнитивный признак «ТЕРРИТОРИЯ» (114):

4.1. Дифференциальный когнитивный признак «Страны» (80): *страна (26), США (9), Европа (8), Россия (5), Ближний Восток, государство (4), Сирия, Украина, другая страна (3), СССР, Германия, смена страны (2), новая страна, Израиль, Ирак, Детройт, Африка, Средняя Азия, Восток, Мексика, Азия (1);*

4.2. Дифференциальный когнитивный признак «Граница» (16): *граница (14), заграница (2);*

4.3. Дифференциальный когнитивный признак «Территория» (10): *новая территория (4), континент (3), ареал, другой материк, новый регион (1);*

4.4. Дифференциальный когнитивный признак «Город и столица» (8): *город (5), другой город (2), столица (1);*

5. Классификационный когнитивный признак «БИОЛОГИЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ» (89):

5.1. Дифференциальный когнитивный признак «Миграция животных» (50): *животные (20), рыбы (8), белки, слоны (3), насекомые, миграция животных, олень, живые организмы (2), медузы, антилопы, крокодилы, зебры, киты, лемминги, бизоны, морская черепаха (1);*

5.2. Дифференциальный когнитивный признак «Миграция птиц» (30): *птицы (23), перелетные птицы (7);*

5.3. Дифференциальный когнитивный признак «Биологические группы» (9): *стая (4), популяция (3), стадо (2);*

6. Классификационный когнитивный признак «КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ» (39):

6.1. Дифференциальный когнитивный признак «Культура» (17): *другая культура (6), культурный шок, культура (3), новая культура*

(2), культурный барьер, мультикультуризм, культурное обогащение (1);

6.2. Дифференциальный когнитивный признак «Адаптация» (12): адаптация (7), взаимодействие, приспособление (2), незнание порядков;

6.3. Дифференциальный когнитивный признак «Язык» (10): новый язык (4), другой язык, язык (2), английский язык, языковой барьер (1);

7. Классификационный когнитивный признак «ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА» (34):

7.1. Дифференциальный когнитивный признак «Климат» (15): климат (5), теплые края (3), теплая страна, тепло (2), сезон дождей, солнце, лед (1);

7.2. Дифференциальный когнитивный признак «Природа» (11): обитание, природа (3), трава, море (2), река (1);

7.3. Дифференциальный когнитивный признак «Время года» (5): сезон (3), время года (2);

7.4. Когнитивный признак «Экология» (3): экология (2), грязная вода (1);

8. Дифференциальный когнитивный признак «УТРАТА» (33): утечка мозгов (12), отъезд (8), уезжать (4), отток населения (2), отток, упадок, уход, убытие, выезд из страны, исчезновение, потери (1);

9. Классификационный когнитивный признак «НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РЕЛИГИЯ» (32):

9.1. Дифференциальный когнитивный признак «Национальность» (16): таджики (3), азербайджанцы армяне, татары (2), африканцы, люди восточных стран, негры, арабы, национальность, национализм, нация (1);

9.2. Дифференциальный когнитивный признак «Религия» (10): ислам (10);

9.3. Дифференциальный когнитивный признак «Расовое смешение» (6): изменение генов (3), расовое смешение, смешивание, смешивание национальностей (1);

10. Дифференциальный когнитивный признак «ДОКУМЕНТЫ» (30): паспорт (8), документы (6), виза (4), миграционная карта (3), гринкарта, загранпаспорт (2), проблемы с документами, трудовая виза, билеты, разрешение на временное проживание, вид на жительство (1);

11. Дифференциальный когнитивный признак «ПУТЕШЕСТВИЕ» (28): путешествие (9), чемодан (6), поездка (4), отдых (3), туризм (2), вещи, турист, пляж, вокзал (1);

12. Классификационный когнитивный признак «ЖИЛЬЕ» (27):

12.1. Дифференциальный когнитивный признак «Смена места жительства» (18): *смена места жительства (9), смена постоянного места жительства (5), новое место жительства (3), жилье (1);*

12.2. Дифференциальный когнитивный признак «Новый дом» (4): *новый дом (3), приобретение нового жилья (1);*

12.3. Дифференциальный когнитивный признак «Родной дом» (4): *дом (2), корни, покинуть дом (1);*

12.4. Дифференциальный когнитивный признак «Бездомные» (1): *бездомные (1);*

13. Дифференциальный когнитивный признак «РАБОТА» (25): *работа (12), чернорабочие (3), условия труда, новая работа (2), новое место работы, трудоустройство, поиск работы, смена работы, командировка, рынок труда (1);*

14. Дифференциальный когнитивный признак «ПОЛИТИКА» (25): *политика (9), политическое убежище (3), убежище, государственное регулирование, миграционная политика (2), политики, политическая программа, Трамп, революция, бюрократия, плохое правительство, политическая нестабильность (1);*

15. Классификационный когнитивный признак «НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ» (24):

15.1. Дифференциальный когнитивный признак «Наука» (15): *география (4), биология, наука (3), исследователь (2), ума ученых, коллаборация, социология (1);*

15.2. Дифференциальный когнитивный признак «Образование» (9): *образование (3), студент, учеба (2), образование в медицинской сфере, зачет, ученик, атлас (1);*

16. Классификационный когнитивный признак «ВОЙНА И КОНФЛИКТ» (21):

16.1. Дифференциальный когнитивный признак «Война» (12): *война (11), военные действия (1);*

16.2. Дифференциальный когнитивный признак «Конфликт» (7): *конфликт, разногласия, беспорядок, опасность, провокация, борьба, спор (1);*

16.3. Дифференциальный когнитивный признак «Терроризм» (2): *терроризм (2);*

17. Дифференциальный когнитивный признак «ЗНАКОМСТВО» (20): *новое знакомство (8), знакомство (7), новые люди (5);*

18. Дифференциальный когнитивный признак «МАСШТАБЫ» (19): *численность (4), перенаселение массы (3), наводнение, массо-*

вость (2), большое количество людей, массовый процесс, коллектив, толпа, скопление (1);

19. Классификационный когнитивный признак «ЗАКОН» (14):

19.1. Дифференциальный когнитивный признак «Нарушение закона» (8): *нелегал (5), незаконно (2), нарушение закона (1)*;

19.2. Дифференциальный когнитивный признак «Закон» (4): *закон (3), легализация (1)*;

19.3. Дифференциальный когнитивный признак «Рост преступности» (2): *рост преступности, преступность (1)*;

20. Дифференциальный когнитивный признак «ЧУВСТВО И ЭМОЦИИ» (13): *эмоции (2), нервы, тревога, стресс, страх, потеряность, переживания, раздумье, боязнь, боль, спокойствие, тоска (1)*;

21. Дифференциальный когнитивный признак «ТРАНСПОРТ» (13): *транспорт (4), поезд (3), самолет (5), автостоп (1)*;

22. Дифференциальный когнитивный признак «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» (12): *социальная мобильность (4), прирост (2), Земной шар, экспорт, импорт, сеть, прорыв (1)*;

23. Дифференциальный когнитивный признак «ТИП МИГРАЦИИ» (11): *временная (2), постоянная, маятниковая, цифровая, осенняя, весенняя, трудовая массовая, незаконная (1)*;

24. Дифференциальный когнитивный признак «РАССТОЯНИЕ И ВРЕМЯ» (11): *путь (4), дорога (3), время (2), далеко, год (1)*;

25. Дифференциальный когнитивный признак «ПОЛЕТ» (8): *полет (2), перелет (5), лететь (1)*;

26. Дифференциальный когнитивный признак «МАТЕРИАЛЬНЫЙ СТАТУС» (7): *нужда, бедность, нищета (2), обеспеченность (1)*;

27. Дифференциальный когнитивный признак «РАССТАВАНИЕ» (6): *расставание, разрыв связей, одиночество, расстояние между родственниками, покидание, оставление (1)*;

28. Дифференциальный когнитивный признак «БОЛЕЗНЬ» (6): *заболевание (3), болезнь (2), больница (1)*;

29. Дифференциальный когнитивный признак «УСИЛИЯ И ЗАТРАТЫ» (6): *затраты (3), усилия, заботы, суматоха (1)*;

30. Дифференциальный когнитивный признак «ЕДА» (6): *еда (6)*;

31. Дифференциальный когнитивный признак «ОТНОШЕНИЕ» (5): *недовольство (2), недовольство местных граждан, навязывание, помощь (1)*;

32. Дифференциальный когнитивный признак «ЧАСТЬ РЕЧИ» (4): *существительное (3), понятие (1)*;

33. Дифференциальный когнитивный признак «СЕМЬЯ» (4): *семья* (2), *необходимость обеспечивать семью, воссоединение* (1);

34. Дифференциальный когнитивный признак «СМИ» (4): *журнал* (3), *новости* (1);

35. Дифференциальный когнитивный признак «ЦВЕТ» (2): *цвет, синий* (1).

Нами выделено 35 классификационных когнитивных признаков, которые, в свою очередь, были детализированы, в сумме выявлено 72 когнитивных признака, образующих интерпретационное поле концепта МИГРАЦИЯ, которое можно представить следующим образом.

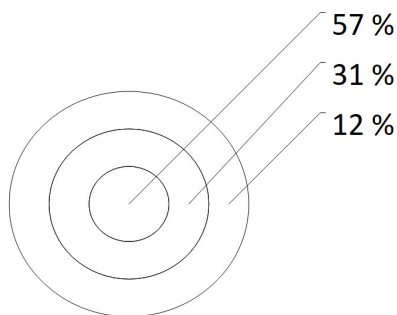

Схема 5. Интерпретационное поле концепта
МИГРАЦИЯ

В интерпретационном поле концепта МИГРАЦИЯ выделены ядро (когнитивные признаки, насчитывающие от 105 до 20 ассоциатов), ближняя периферия (когнитивные признаки, насчитывающие от 19 до 10 ассоциатов) и дальняя периферия (когнитивные признаки, насчитывающие от 9 до 1 ассоциатов). Ядро интерпретационного поля концепта МИГРАЦИЯ составляют следующие когнитивные признаки: индивид (105), страны (80), переезд (68), передвижение (65), переселение (59), миграция животных (50), коллектив (36), утрата (33), документы, миграция птиц (30), путешествие (28), уровень и качество жизни (26), работа, политика, улучшение жизни (25), знакомство (20). Ближняя периферия представлена такими когнитивными признаками, как социальные институты, новая жизнь, масштабы (19), смена места жительства, трудности (18), культура (17), национальность, граница (16), наука, климат, выживание (15), бегство, чувство и эмоции, транспорт (13), глобализация, война, адаптация, развитие (12), тип миграции, расстоя-

ние и время, природа, заработок, изменение жизни, любовь (11), религия, язык, территория, изменение локации (10). Дальнюю периферию составили: образование, биологические группы, экономика (9), город и столица, нарушение закона, полет (8), материальный статус, принуждение, конфликт (7), расовое смешение, расставание, болезнь, усилия и затраты, еда (6), достижение цели, время года, отношение (5), закон, часть речи, семья, СМИ, новый дом, родной дом (4), экология (3), цвет, терроризм, рост преступности (2), бездомные (1).

На основе проведенной категоризации разработана когнитивно-семантическая модель концепта МИГРАЦИЯ, отражающая языковую картину мира носителей русского языка.

Исходя из проведенного анализа можно сформировать фрагмент языковой российской картины мира, репрезентируемой ассоциативно-вербальным полем МИГРАЦИЯ и когнитивно-семантической моделью концепта МИГРАЦИЯ.

В первую очередь, миграция представлена как процесс перемещения и передвижения из страны в страну, что демонстрируют выявленные когнитивные признаки «Перемещение» «Территория», следует отметить, что миграция связывается с такими странами как США, Россия, Сирия, Германия, что подтверждает актуальность развития миграционной лингвистики именно в этих странах.

Когнитивный признак «Национальность» также связывает миграцию с Таджикистаном, Азербайджаном, Арменией, Африкой и Восточными странами.

Когнитивный признак «Причины миграции» говорит о том, что для российского общества миграция действительно представляется сложным процессом и наше общество пытается понять и разобраться, что заставляет мигрантов покидать родную страну, заранее зная, что они столкнутся с определенными проблемами на новом месте, включая проблемы с оформлением документов, с арендой жилья, непростой процесс культурной и языковой адаптации.

Взгляды русских на возможные причины миграции очень разнообразны, что показывают когнитивные признаки, отражающие как положительные так и негативные мотивы «Знакомство», «Наука и образование», «Путешествие», «Работа», «Любовь», «Выживание», «Принуждение».

Интересно отметить, что группа «Причины миграции» и группа «Участники миграции», согласно которой главным социальным агентом миграционного дискурса выступает беженец, говорит о том, что миграция рассматривается не только как рациональный неизбежный

процесс в условиях глобализации, но и демонстрирует человеческое отношение к данному феномену, русские способны сопереживать и сочувствовать людям, вынужденным покинуть родной дом, данная группа представлена нейтральными номинациями возможных участников. Миграционный дискурс рассматривается также как идеологический конструкт, что нашло отражение в когнитивных признаках «Политика», «Война и конфликт», «Положение в стране». Интересно, что миграция у русских связывается не только с человеком, но и переселением животных, перелетными птицами, рыбами, например, зафиксировано 11 видов животных, с которыми связывают биологическую форму миграции.

Рассматривая миграцию как ключевой концепт и инструмент анализа миграционного дискурса, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, миграционный дискурс рассматривается как социальная практика, основными участниками дискурса выступают его агенты, социальные институты и титульная нация.

Во-вторых, миграционный дискурс выступает как идеологический конструкт, с помощью которого формируется определенное отношение общества к миграционным процессам.

В-третьих, миграционный дискурс представляет собой сложный ментальный конструкт, так как каждый когнитивный признак концепта МИГРАЦИЯ может быть отдельным объектом изучения миграционного дискурса.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Использование метода свободного ассоциативного эксперимента позволяет разработать ассоциативно-вербальное поле МИГРАЦИЯ и когнитивно-семантическую модель концепта МИГРАЦИЯ, что позволяет представить актуализированную языковую картину мира.

Разработанная методика, включающая комплексный анализ типов отношений между словом-стимулом и ассоциациями (синтагматический, парадигматический, синтагматико-парадигматический), а также охват сразу несколько языковых уровней (лексико-синтаксический, морфологический и собственно когнитивный и прагматический) позволил продемонстрировать все особенности и многоплановость структуры и содержания концепта МИГРАЦИЯ, а также построить когнитивно-семантическую модель изучаемого концепта, выделив его множественные когнитивные признаки (Схема 6).

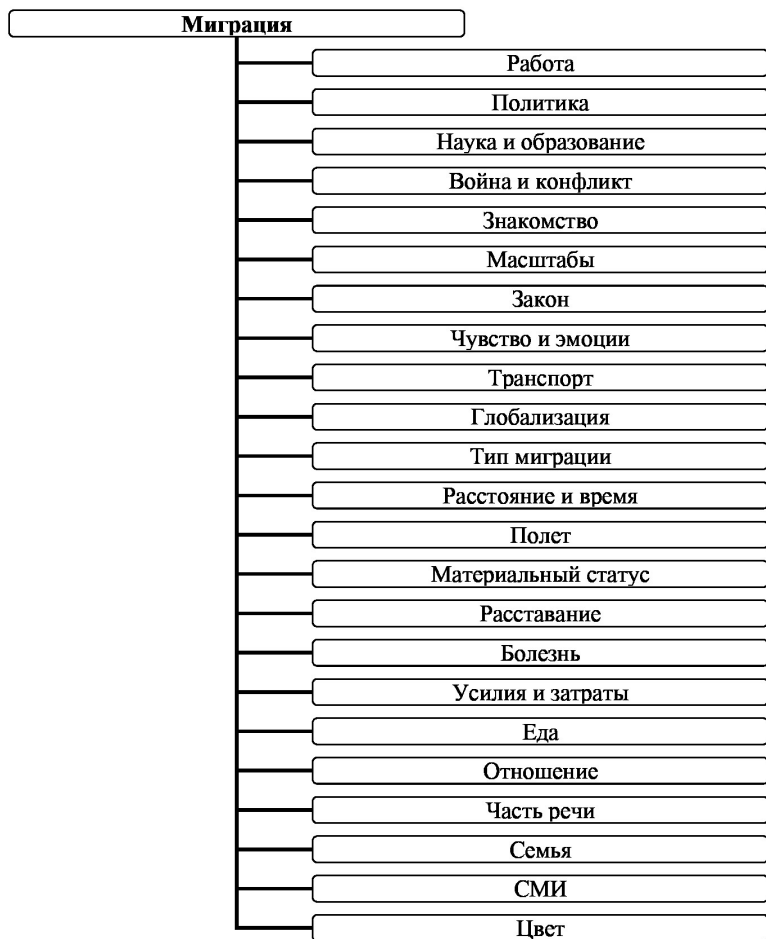

Схема 6. Когнитивно-семантическая модель
концепта МИГРАЦИЯ

Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике, так, например, разработана словарная статья для дополнения в ассоциативный словарь; методика анализа материала, позволяет представить модель поля концепта МИГРАЦИЯ.

Список литературы

1. Абылкаликов С.И. Роль миграции в формировании населения регионов России в конце XIX – начале XXI вв. Дис. ... к. соц. н. М., 2018. 233 с.
2. Ашнин Е.С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследование молодых ученых. 2012. № 10. С. 136–138.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во «Воронежский государственный университет», 1996. 103 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
5. Барсегян В.М. Политическая активность молодежи как канал социальной мобильности в современном российском обществе. Дис.... к. полит. н. М., 2016. 176 с.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
7. Белянин В.П. Психоллингвистика. М.: Флинта, 2004. 234 с.
8. Вартанян А.А. Государственное регулирование международной миграции высококвалифицированных кадров. Дис. ... к. эконом. н. М., 2017. 215 с.
9. Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента). Дис. ... к. филол. н. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2010. 250 с.
10. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Монография. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
11. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Учебное пособие. М.: РУДН, 2006. 336 с.
12. Гамзатов Г.Г. Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения. М.: Букинист, 2005. 100 с.
13. Городецкая Л.А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Ростов-на-Дону: Институт управления бизнеса и права, 2002. Вып. 1. С. 28–37.
14. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. Под ред. М.Н. Володиной. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 116–133.
15. Долинский В.А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. Автореф. ... д. филол. н. М., 2012. 62 с.
16. Долинский В.А. Экспериментальные исследования вербальных ассоциаций в квантитативной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2011. № 620. С. 26–36.
17. Долинский В.А. Номинация «Хлеб» в русской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 699. С. 81–121.
18. Залевская А.А. Введение в психоллингвистику. М.: РГГУ, 2007. 559 с.

19. Ерофеева Е.В., Белоусов К.И. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2015. № 3 (53). С. 80–89.

20. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3. С. 83–91.

21. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. №1. С. 17–34.

22. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 73–79.

23. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

24. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования. Монография. М.: Азбуковник, 2009. 334 с.

25. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей. Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.

26. Кельман Ю.Ф. Особенности выявления этнокультурных анклавов и их типов в городах США // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 15. С. 25–29.

27. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 90 с.

28. Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Учебное пособие. Минск: Минский государственный педагогический институт иностранных языков, 1974. 108 с.

29. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань: Типография императорского университета, 1883. 156 с.

30. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов: Научная книга, 2005. 164 с.

31. Крыга Т.И. Использование ассоциативно-вербального поля в практике преподавания языка в вузе и школе // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета): сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. Ч. 2. Минск: РИВШ, 2009. С. 152–155.

32. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. Сб. науч. тр. под ред. С.А. Ромашко. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 5–13.

33. Кузнецов А.М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 380.

34. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. М.: Статистика, 1976. 89 с.

35. Лапина Л.Г. Языковое сопровождение миграционных процессов в Германии // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 36–41.
36. Лебедько М.Г., Дударёнок, С.М. Миграция как процесс межкультурной коммуникации: развитие взаимопонимания контактирующих культур // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 103–109.
37. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: МГУ, 1977. С. 3–16.
38. Мартинович Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143–146.
39. Мукомель В.И. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. 2005. № 1. С. 48–57.
40. Нестерова Я.А., Бузова Е.А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки // Российский гуманитарный журнал. 2006. Т. 5. № 6. С. 565–570.
41. Овчинникова И.Г. Ментальный лексикон русского ребенка: гендерные различия // Изменяющийся языковой мир. Материалы междунар. науч. конф. Пермь, 12–17 ноября 2001 г. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2001. С. 242–243.
42. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
43. Пименова, М.В. Предисловие. Введение в когнитивную лингвистику. Учебное пособие / Отв. ред. М.В. Пименова. Серия: Концептуальные исследования. Кемерово: Графика, 2004. Вып. 4. 207 с.
44. Пискун О. Основы миграционного права. Киев: Леся, 1998. 356 с.
45. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007а. 314 с.
46. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007б. 251 с.
47. Прохоров Ю.Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей, отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С.74–94.
48. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. под редакцией В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38–45.
49. Сорокин П. Социальная мобильность. Минск: Academia; LVS, 2005. 588 с.
50. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию: сборник трудов. М.: Прогресс, 1977. 689 с.
51. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. М.: РГГУ, 2004. 64 с.
52. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. Ижевск, 2002. Вып. 4. С. 87–94.

53. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: содержание и функционирование // XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. М., 2000. С. 2–3.
54. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. Учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во «Петрозаводский государственный университет», 1995. 189 с.
55. Тойм К. Сравнительный анализ словесных ассоциаций в разных языках. Тарту: Зап. Тарт. ун-та, 1977. Вып. 429. С. 52–71.
56. Тоцкий Н.Н. Введение в миграционное право. Миграционное право как подотрасль конституционного права Российской Федерации. Нормативные акты, регулирующие правоотношения с участием мигрантов. М.: Диалог МГУ, 1999. 153 с.
57. Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск: Крона, 2000. 167 с.
58. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
59. Уфимцева Н.В. Русские: Опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Материалы семинара "Язык, сознание, культура: межетнические аспекты". М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–162.
60. Уфимцева Н.В. Развитие стратегий осознания значения слова в онтогенезе // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. 1983. С. 140–180.
61. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 9 (92). С. 340–347.
62. Хохлова И.В. Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере сообщений о беженцах в период "Арабской весны") // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 1. С. 185–188.
63. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Электронная монография. М., 1997. 352 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/229111/> (дата обращения 15.01.2019)
64. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 24–39.
65. Шустова С.В., Платонова Е.А. Рекламный дискурс и рекламный текст: к вопросу о функциональном потенциале. Монография. Пермь: АНО ВО "Пермский институт экономики и финансов", 2016. 96 с.
66. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
67. Щур Г.С. О соотношении системы и поля в языке // Проблемы языкознания: доклады и сообщения советских ученых на X международном конгрессе лингвистов. М.: Наука, 1967. С. 66–70.
68. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 256 с.

69. Якимов П.А. Структура и признаки семантического поля (на материале семантического поля «бог») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 597–599.

70. Яфарова Я.Г. Новые обстоятельства как фактор становления эвфемизмов в языке политики (на примере современного миграционного дискурса немецкого языка) // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 368–375.

71. Boyle P., Halfacree, K., Robinson, V. Exploring contemporary migration. London: Routledge, 2014. 296 p.

72. Eddington, D. Quantitative and Experimental Linguistics. München: LINCOM-Verlag, 2009. 419 p.

73. Erfurt J., Budach G., Hofmann S. Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcen sozialer Identifikation. Switzerland: Peter Lang, 2003. 259 p.

74. Extra G., Verhoeven L. Bilingualism and Migration. Berlin: Walter de Gruyter, 2011. 401 p.

75. Geraghty B., Conacher J. Intercultural Contact, Language Learning and Migration. London: Bloomsbury Publishing, 2014. 224 p.

76. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft – Literatur- und Sprachwissenschaft, 2018. 658 p.

77. Dijk T.A., Ricard Zapata-Barrero Discourse and migration. · Evren Yalaz Editors // Qualitative Research in European Migration Studies. Switzerland: SpringerOpen, 2018. P. 227–245.

78. Johnson-Laird P.N. Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness. London: Cambridge University Press, 1983. 513 p.

79. Kerswill P. Migration and language / Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) Sociolinguistics // Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society, 2nd edn., Vol 3. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.

80. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. 173 p.

81. Langacker R.W. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology / Ed. by T. Janssen, G. Redeker. N. Y. 1999. P. 13–59.

82. Laponce J. Language and Politics in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Encyclopedia of Government and Politics. London: Routledge, 1992. P. 586–602.

83. Lipset S. Social Mobility in Industrial Society. London: Routledge, 2018. 332 p.

84. Samers M., Collyer, M. Migration. London: Routledge, 2016. 486 p.

85. Singleton D., Regan V. Linguistic and Cultural Acquisition in a Migrant Community. UK: Multilingual Matters, 2013. 199 p.

86. Stehl T. Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Austria: Universitätsverlag Potsdam, 2011. 294 p.

87. Triandafyllidou A. Handbook of migration and globalization. USA: Edward Elgar Publishing, 2018. 487 p.

88. Tretow L. Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. Munchen: GRIN Verlag, 2017. 16 p.

Словари

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 672 с.

2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов 5-е издание. 5-е издание, дополненное. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

3. Караулов Н.В., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский ассоциативный словарь. В 2-х томах. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ, 2002. 784 с.

4. Манликова М.Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / Киргиз. науч.-исслед. ин-т педагогики. Под ред. Л.А. Шеймана. Фрунзе: Мектеп, 1989. 120 с.

5. Михейкина С.Г. Ассоциативный словарь русского языка на материале экспрессивных газетных заголовков отечественных печатных изданий 2002–2007 гг.: от стимула к реакции [160 словарных статей]. М.: Компания Спутник+, 2008. – 91 с.

6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Издание 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 2015. 944 с. URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения 05.01.2019)

7. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

8. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1 – 11 классов: в 2 т./ В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыанов. Саратов: Изд-во «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», 2011. Т. I: От стимула к реакции. 500 с.; Т. II: От реакции к стимулу. Ч. 1: А – Н. 480 с.

9. Словарь ассоциативных норм русского языка / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; сост. А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун [и др.]; под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во «Московский государственный университет», 1977. 192 с.

10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006. 588 с.

11. Шукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 746 с.

Интернет-ресурсы

1. Информационно-статистический ресурс «Мир в цифрах». URL: <https://theworldonly.org/statistika-migratsii/> (дата обращения 25.12.2018)

2. Центральное государственное информационное агентство России ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения 01.12.2018)

3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru> (дата обращения 15.12.2018)

Иценко А.В.

*Соискатель, Отделение русского языка,
Школа базовой инженерной подготовки,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

ФЕНОМЕН РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ

Русский язык зарубежья – одна из актуальных тем современной лингвистики. Интерес лингвистов к изучению русского языка зарубежья обусловлен тем фактом, что возможность проведения такого рода исследований появилась сравнительно недавно. Первые работы по эмигрантскому русскому языку в нашей стране появились в 1960-ые гг., тогда как активный период в изучении русского языка зарубежья в России начинается в 1990-ые гг. Смена государственного устройства в России и социально-экономические изменения в обществе послужили стимулом и хорошей базой для появления ряда исследований по этой теме и постепенному становлению языка русского зарубежья как полноценного объекта лингвистических исследований.

Одним из первых отечественных ученых, указавшим на русский язык зарубежья как на самостоятельный объект изучения лингвистики, стал Ю.Н. Караулов. Язык русского зарубежья в понимании Ю.Н. Караулова – это одна из восьми форм существования (сфер бытования) русского языка, наряду с мертвым языком памятников письменности, диалектным языком, письменным языком литературы, прессы и государственной документации, повседневным разговорным языком и просторечием, профессиональным и научно-техническим языком, русским языком в электронно-вычислительной среде и неисконной русской речью [Караулов, 1991, с. 8].

Актуальность изучения русского языка зарубежья Ю.Н. Караулов видит в необозримости и сложности темы [Караулов, 1992, с. 5]. Сложность темы обусловлена присущими ей особенностями, такими как разнообразие функциональных жанров и стилей, социальная и психологическая неоднородность носителей русского языка, связанная исторически с несколькими «волнами» эмиграции, территориальное варьирование в зависимости от инонационального окружения.

По мнению Е.А. Земской, изучение языка зарубежья имеет важное практическое и теоретическое значение. Исследование особенностей язы-

ка эмиграции напрямую связано с рядом проблем теории языка, социолингвистики, этнолингвистики, психоллингвистики, иными словами, имеет междисциплинарный характер. Кроме того, результаты научных изысканий дают материал для изучения явления интерференции и непосредственно связанных с ней языковых ситуаций двуязычия и многоязычия, позволяют рассмотреть виды кодовых переключений, выявить факторы, способствующие сохранению языка в окружении других языков, изучить слабость и устойчивость отдельных сторон языковой системы в условиях иноязычного окружения [Земская, эл. р.].

На актуальность, перспективность темы, ее междисциплинарность указывают и зарубежные ученые. Американский исследователь Д.Р. Эндрюс, изучая русский язык эмигрантов в США, называет русский язык эмигрантов «объектом исследований, имеющим богатые возможности». Причем эмигрантская среда, по мнению Д.Р. Эндрюса, представляет интерес для целого ряда областей человеческого знания: «эмигрантская среда – это живая лаборатория для лингвистов, социологов и этнографов» [Эндрюс, 1997, с. 29].

В качестве материалов для исследования русского языка зарубежья выступают как устные, так и письменные источники: многоаспектному анализу подвергаются устная речь информантов, эмигрировавших за рубеж, записи телефонных разговоров, личных бесед и т.д., а также данные письменной речи – эмигрантская пресса, художественные произведения, письма, записи из семейных архивов и др.

В большинстве своем исследования русского языка зарубежья направлены на выявление того, какие изменения претерпевает русский литературный язык после отрыва от языка метрополии, находясь в иноязычном окружении, в постоянном контакте с иностранными языками и в зависимости от социолингвистических характеристик своего носителя. Язык метрополии при этом выступает как единица сравнения.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ. ВЕТВИ, ВОЛНЫ И ПОКОЛЕНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

При изучении научных работ по русскому языку зарубежья, вышедших к настоящему моменту, становится очевидным, что данная проблематика рассматривается в нескольких срезax. Вслед за Г.В. Денисовой, изучение феномена языка русского зарубежья можно рассматривать как по вертикальной оси (язык разных «волн» эмиграции

на протяжении XX – начала XXI в.; диахронический аспект), так и по горизонтальной (язык одной «волны» в нескольких поколениях потомков; это синхронический аспект) [Денисова, эл.р.]. Эти оси условно можно обозначить как ось «Y» и ось «X».

Для полноценного освещения феномена языка русского зарубежья нам представляется необходимым ввести обозначение еще одного направления – диагональной оси, оси «Z», показывающей необходимость учета двух ветвей эмиграции, дифференцированных по географическому признаку: западной и восточной.

Ветви эмиграции

Большая часть научных работ посвящена русскому языку западной ветви, находящемуся в окружении и взаимодействии с английским, французским, немецким, итальянским, финским и другими европейскими языками. Это труды Л.М. Грановской, М.Я. Гловинской, Е.А. Земской, Н.И. Голубевой-Монаткиной, Е.В. Красильниковой, Х. Пфандля, А.В. Зеленина, Е.Ю. Протасовой, К. Менг и других авторов. Кратко охарактеризуем основные работы по изучению русского языка западной ветви эмиграции.

Одной из первых отечественных работ по изучению западной ветви эмиграции стала монография Л.М. Грановской «Русский язык в «рассеянии» [Грановская, 1995]. Монография посвящена литературному русскому языку дореволюционной России, на котором писали эмигранты первой волны. Автор рассматривает лексические, семантические, стилистические, фразеологические, композиционно-тематические особенности, проявившиеся в эмигрантской периодике и художественной литературе, и заключает, что эти отличительные особенности «позволяют назвать язык русской эмиграции особой подсистемой русского литературного языка XX века» [там же, с. 3].

М.Я. Гловинская, автор ряда статей и монографий по грамматическим особенностям русского языка зарубежья, также обращается к изучению русского языка западной ветви эмиграции. Автор ставит перед собой задачу выявить наиболее подвижные участки языковой системы русского языка, на которых в эмигрантской речи чаще всего наблюдается нарушение языковой нормы [Гловинская, 2001].

Язык эмиграции автор рассматривает как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии, актуализированных в состоянии «языкового шока», в котором оказались эмигранты. В таких условиях тенденции и процессы, протекающие в языке метрополии, проявляются в языке эмиграции отчетливее и раньше, чем в языке метрополии [там же, с. 341].

Для решения этой задачи автор анализирует в основном письменные источники из Франции, Аргентины, Израиля, Канады и других стран (мемуары, художественная литература, эмигрантская пресса, частная переписка), хотя учитывает и записи устной речи эмигрантов первого поколения всех четырех волн эмиграции, а также анализирует язык носителей русского языка, проживающих в метрополии.

В результате М.Я. Гловинская выявляет общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции, разрабатывает типологию грамматических ошибок в письменной речи эмигрантов и выявляет языковые факторы, способствующие их появлению.

Большой вклад в изучение языка русского зарубежья внесла Е.А. Земская. Она предпринимает попытку комплексного исследования феномена языка русского зарубежья с целью выявления факторов, которые способствуют сохранению русского языка в эмиграции и поиска зависимости между степенью сохранности/разрушения русского языка и индивидуальными, культурными, социальными, историческими особенностями русского зарубежья [Язык русского зарубежья, 2001]. Автор изучает устную и письменную речь эмигрантов разных волн, проживающих в США, Германии, Италии, Франции, Финляндии.

Е.А. Земская осуществляет социолингвистическую характеристику всех четырех волн эмиграции, выявляет типические особенности речи эмигрантов первой волны и их потомков на всех уровнях языковой системы, рассматривает функции заимствованной лексики в речи эмигрантов разных волн, а также создает индивидуальные речевые портреты эмигрантов.

В течение многих лет занимаясь изучением русского языка эмигрантов в разных странах, Е.А. Земская обозначает теоретические вопросы, требующие решения [там же, Земская, 2001]: как именно влияет тот или иной язык страны обитания на язык эмиграции? Какие языки оказывают большее/меньшее воздействие на язык диаспоры? По личным наблюдениям Е.А. Земской, английский, французский и немецкий языки оказывают наибольшее влияние на русский язык в эмиграции вследствие своей внутренней структуры и широкой распространенности в мире, что проявляется в явлении интерференции.

Восточная ветвь русской эмиграции, в отличие от западной, является менее изученной. Говоря о русском языке восточного зарубежья, имеют в виду обычно русский язык эмигрантов из России в страны Тихоокеанского региона, в первую очередь в Китай, в такие города как Харбин, Шанхай, Тяньцзинь.

Исследованию восточной ветви русской эмиграции посвящены работы Г.М. Старыгиной (о языке последних русских харбинцев), Л.М. Шипановской (о языке художественных произведений писателей русского восточного зарубежья), А.Н. Анцыповой (о харбинской эмиграции в Австралии), Н.В. Райан (о языковой ассимиляции русских иммигрантов из Китая в Австралию) и др.

Одной из первых комплексных работ по изучению русского языка восточной ветви эмиграции стала монография Е.А. Оглезневой [Оглезнева, 2009]. По ее мнению, русский язык восточного зарубежья остается некоторым «белым пятном» на карте лингвистических исследований. Е.А. Оглезнева на материале письменной и устной речи русских эмигрантов в городе Харбине (Китай) рассматривает русский язык восточного зарубежья как возможный вариант развития русского языка вне метрополии. Автор приходит к выводу, что русский язык восточной ветви эмиграции обладает рядом специфичных черт на всех уровнях языковой системы, что обусловлено как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Русский язык в зарубежье, как показывает Е.А. Оглезнева, можно рассматривать «как особую форму существования русского языка в XX веке» [там же, с. 311].

Волны эмиграции

Известно, что при изучении западной и восточной ветвей эмиграции исследователями принято выделять «волны» эмиграции как некоторые хронологически очерченные периоды на протяжении XX – начала XXI века, имеющие свои исторические причины и характеризующиеся рядом специфичных языковых и социокультурных черт (Эндрюс Д.Р., Пфандль Х., Грановская Л.М., Земская Е.А., Голубева-Монаткина Н.И., Зеленин А.В., Оглезнева Е.А. и др.). Охарактеризуем волны западной ветви эмиграции.

1. Первая волна эмигрантов приходится на время после 1917 г. и связана с политическими событиями. Эмигрантами становятся лица, бежавшие из России после Великой Октябрьской революции. В большинстве своем первая волна представлена людьми дворянского происхождения, следовательно, образованными, с аристократическим воспитанием, часто со знанием нескольких иностранных языков, хорошим владением родным языком, который характеризуется некоторой архаичностью. Е.А. Земская подчеркивает, что эмигранты первой волны стремились сохранить свой русский язык, потому как надеялись на возвращение на Родину [Язык русского зарубежья, 2001, с. 36–38, с. 68].

Существует иной взгляд на вопрос о периодизации первой волны. Так, Д.Р. Эндрюс, изучая язык русских эмигрантов в США, отмечает, что для многих современных американцев с русскими корнями непонятно, почему первая волна приходится на 1917 г., тогда как известно, что их предки эмигрировали в США из Российской империи раньше, в конце XIX – начале XX вв.

Однако Д.Р. Эндрюс указывает на то, что большую часть эмигрантов начала XX в. составляли евреи, их первым языком был идиш [Эндрюс, 1997, с.18]. Поэтому при характеристике волн эмиграции из России необходимо помнить о том, что речь идет об эмигрантах, для которых русский язык был родным.

2. Вторая волна называется исследователями «военной» и приходится на период Второй мировой войны (1940-ые гг.). Среди эмигрантов второй волны – лица, оказавшиеся за пределами России по разным причинам: солдаты, взятые в плен, гражданское население, угнанное в Германию на трудовые работы, граждане, бежавшие от трудностей военного времени. Это советские граждане, что качественно отличает их язык от языка первой волны эмиграции [там же], с присущими ей языковыми особенностями советского времени.

3. Третья волна определяется учеными как «диссидентская» или «еврейская». Она охватывает период с 1970-ых и до середины 1980-ых гг. К эмигрантам третьей волны относят диссидентов, которых насильственно высылали за их либеральные настроения и борьбу против советского строя, а также русскоговорящих евреев, в отношении которых советским правительством были ослаблены ограничения на выезд и лиц интеллектуальных и творческих профессий, которые были вынуждены уехать или были высланы из страны [Зеленин, 2007, с. 32]. Большая часть эмигрантов третьей волны получила высшее образование в СССР и поэтому хорошо знала русский язык. Они сохраняли и оберегали русский язык, относились к нему как «культурной ценности» [Грановская, 1995, с. 41], чему способствовала профессиональная деятельность на русском языке. Многие эмигранты до отъезда из России так же владели английским языком или языком той страны, в которую они собирались уехать.

4. Четвертая волна приходится на 1990-ые гг. и связана с экономико-политическими преобразованиями в России, вследствие которых стал возможным легальный выезд из страны, а также в связи с введением репатриационных программ в ряде зарубежных стран. Репатрианты, среди которых немцы, евреи, финны, поляки, греки вернулись на свою историческую родину [Зеленин, 2007, с. 32].

Е.А. Земская, ссылаясь на Н.Л. Пушкареву, отмечает, что в большинстве своем эмигранты четвертой волны «не имеют высшего образования, занимаются малоквалифицированным трудом и обычно, приезжая, не знают языка принявшей их страны» [Земская, эл. р.; Грановская, 1995, с. 44]. Последнее замечание справедливо в отношении эмигрантов – русских по происхождению, например, членов семей российских немцев, тогда как представители этнической группы российских немцев, как правило, в той или иной степени владеют немецким языком или его диалектами. Незнание немецкого языка русскими по происхождению требует его немедленного изучения, что необходимо для достижения главной цели приезжих – качественно поднять свой уровень жизни: улучшить жилищные условия, найти хорошую работу, завести семью. В интенсивном приложении сил к изучению языка страны проживания, изучению его «с нуля» Е.А. Земская видит главную причину изменения русского языка эмигрантов четвертой волны, проявляющегося в первую очередь в лексических заимствованиях и в меньшей степени на фонетическом уровне и в интонации [Земская, эл. р.].

Как заметил П. Полян, «четвертая волна – это, по сути, первая более или менее цивилизованная эмиграция в российской истории» [Полян, эл. р.], потому что в ее основе лежат не политические причины, а социально-экономические, поэтому эту волну часто называют «экономической». В этом заключается принципиальное отличие четвертой волны от других волн эмиграции: ими движет сознательное расставание с Россией в поисках более комфортного места проживания.

В то же время Ж.А. Зайончковская отмечает, что если изначально основу четвертой волны составляла эмиграция этнических меньшинств (пик немецкой эмиграции приходится на 1993–1995 гг.), то к 2000 году этнический характер четвертой волны меняется: растет количество русских, эмигрировавших за рубеж, причем возрастная структура эмигрантов, по сравнению с населением России, сдвинута в сторону более молодого возраста и эмиграция из России стала носить «явные черты утечки умов» [Зайончковская, эл.р.].

Е.А. Земская, характеризуя активные процессы в современном русском языке зарубежья на рубеже XX – XXI вв., тоже замечает резкое качественное изменение состава четвертой волны: теперь за рубеж уезжают люди образованные, чтобы учиться или работать. В отличие от эмигрантов начала 1990-х гг., эмигранты 2000-х гг. ориентированы на сохранение связей с Россией. Многие из них сохраняют российский паспорт, тем самым имеют двойное (российское и иностранное) гражд-

данство. Некоторые эмигранты организывают собственный бизнес в двух странах, который предполагает периодические поездки в Россию. В регулярном, хоть и кратковременном пребывании за границей Е.А. Земская видит возможный источник изменений русского языка под влиянием чужого языка [Современный русский язык, 2008, с. 619].

5. Вследствие неоднородности четвертой волны и резкого изменения ее состава А.В. Зеленин в своей классификации волн эмиграции предлагает четвертую волну 2000-х гг. считать пятой, особой волной эмиграции. Ее представители, по А.В. Зеленину, имеют высшее образование, нередко сохраняют российское гражданство и паспорт, регулярно приезжают в Россию. Пятую волну А.В. Зеленин называет «экономической» или «интеллектуальной», датируя этот период с середины 1990-х гг., тогда как четвертая волна эмиграции начала 1990-х гг. получила у А.В. Зеленина название «этнической», что связано с ее выраженным этническим и репатриационным характером [Зеленин, 2007, с. 32–33].

Как указывают исследователи, восточная ветвь русской эмиграции также имеет волнообразный характер. Описание волн восточной ветви эмиграции представлено в работе Е.А. Оглезневой [Оглезнева, 2009, с. 17–21]:

1. Первая волна эмиграции русских на Восток, прежде всего в Китай, началась в конце XIX века и была связана со строительством Китайско-Восточной железной дороги. Русские инженеры, строители, члены их семей добровольно выезжали в Китай на строительство дороги, образуя на этой территории своеобразные поселки, устроенные по русскому типу.

2. Вторая волна эмиграции («послереволюционная») уже носила другой, нетрудовой характер – в Китай бежали от последствий Октябрьской революции. Среди эмигрантов – не только люди дворянского происхождения, что было характерно для эмиграции на Запад, но и обычные крестьяне, рабочие и казаки. Главное отличие от западной волны того же времени заключается в том, что русские эмигранты попадали хоть и «на чужую, но обустроенную соотечественниками территорию, как в российскую провинцию, которой не коснулись бури революции, и находили там русский город с привычным патриархальным укладом жизни, что обуславливало иное положение и мироощущение русской восточной эмиграции».

3. Третья волна приходится на середину 20-х-30-х гг. XX в. и связана с дальнейшей эмиграцией в Маньчжурию. Эмигранты, среди кото-

рых советские граждане, старообрядцы, казаки, бежали от советской власти, недовольные методами большевистского режима.

Е.А. Оглезнева отмечает, что восточная ветвь эмиграции хоть и «находится в общем историко-культурном контексте российской эмиграции», но обладает рядом «специфических черт, определяющих ее своеобразие и феноменальность». Качество языковой ситуации в этом регионе определяется количественным составом русских и их перемещениями внутри Китая [там же, с.16].

Поколения эмиграции

Феномен русского языка зарубежья также изучается и в синхроническом аспекте – в рамках одной волны эмиграции анализу подвергается русский язык разных поколений.

Большинство ученых (Гловинская М.Я., Земская Е.А., Голубева-Монаткина М.Н. и др.) в своих работах проводят изучение русского языка зарубежья с учетом синхронического аспекта. Исследователи описывают степень владения и сохранности русского языка в разных поколениях потомков эмигрантов, дают этому социолингвистическое обоснование, объясняя способность тех или иных социальных факторов детерминировать языковые особенности речи потомков эмигрантов.

Охарактеризуем подходы некоторых ученых.

Е.А. Земская выделяет в рамках первой волны (с 1917 г.) четыре поколения: I – покинувшие Россию самостоятельно или увезенные родителями, II – дети, родившиеся за рубежом, III – внуки, IV – правнуки [Язык русского зарубежья, 2001, с. 71]. Она подчеркивает, что сознательно относит к первому поколению не только родителей, но и детей, если они родились на территории России (СССР) и провели в ней часть жизни, в отличие от детей второго поколения, которые родились за рубежом и совсем не жили в России.

При такой дифференциации поколений в рамках одной волны возможны трудности при номинации граждан второго и следующих поколений, родившихся за рубежом. Как пишет Е.А. Земская, «по отношению к бабушкам и дедушкам они внуки, а по отношению к своим родителям, покинувшим Россию в детстве или в ранней молодости – дети» [там же, с. 72]. Такая двойственность номинаций во втором, третьем и четвертом поколениях может привести к путанице, поэтому автор не часто использует такие «родственные обозначения», отдавая предпочтение классическому варианту (I, II, III, IV поколение). В случае необходимости указания на родственные связи, обязательно подчеркивает, чьи дети, внуки или правнуки имеются в виду.

Рассматривая устную речь четырех поколений эмигрантов первой волны, Е.А. Земская отводит этой волне особую роль. По мнению ученого, именно на примере первой волны вследствие ее исторической и хронологической специфики возможно проследить процессы, протекающие в русском языке зарубежья на протяжении более ста лет. Такой анализ позволяет выявить, с одной стороны, особенности старого, дореволюционного языка, с другой – последствия влияния иноязычного окружения в отрыве от языка метрополии. Данные, полученные в результате анализа, по мнению Е.А. Земской, свидетельствуют о процессах, происходящих в русском языке, а также позволяют установить наиболее устойчивые и наиболее подвижные участки языковой системы.

М.Я. Гловинская, обращаясь к письменным источникам, изучает особенности русского языка первого поколения всех четырех волн эмиграции в сравнении с процессами, протекающими в языке метрополии. М.Я. Гловинская обращает внимание ученых на тот факт, что «при изучении живых общерусских процессов может использоваться лишь первое поколение эмиграции» [Гловинская, 2001, с. 342], поскольку язык первого поколения был усвоен в метрополии, является для поколения ведущим, следовательно, в нем наблюдаются те же общезыковые процессы, что и в языке метрополии. Вместе с тем, русский язык первого поколения, вследствие «языкового шока» – воздействия иноязычной среды, обнаруживает специфичные от языка метрополии процессы.

Язык второго, третьего и последующего поколений в рамках одной волны, по мнению автора, имеет признаки консервации, так как усвоен в условиях иноязычного окружения в отрыве от живого национального языка. К признакам, характеризующим застывание и архаичность русского языка у потомков первого поколения, М.Я. Гловинская относит:

- более медленный темп речи в сравнении с речью первого поколения и речью в метрополии, тогда как в метрополии наблюдается возрастание темпа речи у каждого последующего поколения (автор ссылается на экспериментально-фонетическое исследование темпа речи разных поколений москвичей в Борзенко 1989) [там же, с. 342];

- неполное владение различными типами речи, особенно, русским разговорным языком, что проявляется в параллельном употреблении разговорных конструкций, присущих языку метрополии, и книжных конструкций, нетипичных для разговорной речи метрополии [там же, с. 343].

М.Я. Гловинская резюмирует, что в отношении русского языка первого поколения корректно говорить об изменении родного языка под воздействием иноязычного окружения, тогда как в отношении языка второго и последующих поколений (потомков первого поколения) речь должна идти только об усвоении русского языка в иноязычных условиях [там же, с. 345].

К. Менг и Е.Ю. Протасова [Менг, Протасова, 2002] обращаются к изучению темы языковой интеграции российских немцев в Германии, которые переселялись туда в 1990-ые гг. целыми кланами. Исследователи выделяют и описывают следующие поколения в среде российских немцев еще до их переселения в Германию:

1 поколение – поколение прабабушек и прадедушек, для которых немецкий язык был языком повседневного общения и школьного обучения. С русским языком имели место лишь спорадические контакты.

2 поколение – поколение родителей, для которых немецкий язык был языком внутрисемейного общения. Русский выступал в качестве языка школьного обучения.

3 поколение – поколение детей, характеризующееся смешанным русско-немецким двуязычием с последующим доминированием русского языка.

4 поколение – поколение детей (внуков) – доминирование русского языка во всех сферах жизни.

К. Менг и Е.А. Протасова, исследуя языковую ситуацию в разных поколениях семей российских немцев через несколько месяцев и лет после переезда в Германию, описывают языковые компетенции и языковые способности членов семей, выявляют сферы функционирования русского и немецкого языков, описывают отношение российских немцев к обоим языкам, дают характеристику социолингвистическим параметрам двуязычия [там же].

Обращение к синхроническому аспекту изучения русского языка зарубежья – в рамках нескольких поколений одной волны эмиграции позволяет ученым дать наиболее полную характеристику состояния русской языковой системы этой волны.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ

Лингвистика при изучении феномена русского языка зарубежья опирается на традиционные общенаучные и собственно лингвистические методы исследования. Среди общенаучных используемых в лингвистике методов исследования необходимо назвать: дедуктивный и

индуктивный подходы, анализ и синтез, моделирование, классифицирование, сравнение, аналогия и др., методы теоретического (структурно-функциональный, исторический, диахронический, синхронический и др.) и эмпирического исследования (наблюдение, эксперимент, измерение, описание) и др.

Сегодня ученые активно заимствуют методы из смежных с языкознанием дисциплин, приспособлявая их к изучению русского языка зарубежья. Ю.Н. Караулов в своей статье 1992 г. «О русском языке зарубежья» обозначил возможные направления исследований языка зарубежья в соответствии со структурой языковой способности носителя: на грамматико-семантическом, когнитивном и мировоззренческо-прагматическом уровнях языковой личности [Караулов, 1992, с. 5].

Кроме собственно лингвистического подхода к изучению языка (грамматико-семантический уровень), Ю.Н. Караулов обращает внимание исследователей и на другие не менее интересные аспекты, которые могут быть предметом специального изучения и требуют применения междисциплинарных методик анализа, например, мотивы и настроения в художественных произведениях зарубежных русских авторов, семиотика заглавий их произведений, анализ прецедентных текстов. Развитие идей Н.Ю. Караулова мы можем наблюдать в работах, появившихся после выхода его статьи, то есть во время начала активного периода в изучении феномена русского языка зарубежья.

Помимо собственно лингвистического анализа русского языка зарубежья, в настоящее время исследователями активно применяются социолингвистический, лингвокультурологический, лингвоперсонологический, дискурсивный метод к изучению данной проблематики. Рассмотрим применение каждого из этих методов на примере основных работ по изучению русского языка зарубежья.

Социолингвистический метод

Под социолингвистическим методом понимается «междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, которые используются для изучения широкого круга проблем воздействия общества на язык и языка на общество, с целью исследования природы языка как социального явления, его места и роли в общественном развитии» [Комарова, 2012, с. 501].

Общая схема применения метода предполагает сбор данных, их обработку и анализ, для чего применяются качественные и количественные методики, и верификацию полученных данных.

Сбор социолингвистических данных может осуществляться с помощью кабинетных (анализ текстов) и полевых исследований (наблю-

дение, в том числе включенное, с помощью опроса через анкетирование и интервьюирование, с помощью организации экспериментов).

На этапе обработки и анализа данных применяются методы математической статистики, метод корреляционного анализа, метод моделирования (например, для анализа социально обусловленной вариативности языка) [там же, с. 504].

Верификация полученных результатов на точность, достоверность, валидность проводится самим исследователем или экспертами обычно с использованием вероятностно-статистического анализа.

Исследователи языка русского зарубежья в своих работах активно применяют социолингвистический метод. Так, соединение социологического и собственно лингвистического подходов к изучению русского языка зарубежья предпринято в работах Н.И. Голубевой-Монаткиной, в которых изучается устная речь нескольких поколений эмигрантов первой волны во Франции и Канаде [Голубева-Монаткина, 2010].

Автор обращает внимание на неоднородность эмигрантской русской речи, в связи с чем при анализе устной речи эмигрантов на основе социальных характеристик информантов (возраст, уровень и характер образования, профессия, степень участия информантов в русских детских и молодежных организациях, характер брака родителей, наличие или отсутствие русскоязычной среды информанта и нек. др.) выделяет несколько ее типов. Н.И. Голубева-Монаткина не только подробно описывает лексические и грамматические характеристики речи эмигрантов, но и дает социологическую характеристику изучаемых групп.

Е.А. Земская в своих работах по изучению естественной неподготовленной русской речи западной ветви эмиграции прибегает к двум социолингвистическим процедурам: беседе и анкетированию.

Е.А. Земская подчеркивает, что «разговоры с информантами никогда не имели характера интервью», что позволило ученому строить беседу в непринужденной, дружеской атмосфере [Язык русского зарубежья, 2001, с. 30]. В то же время Е.А. Земская допускает возможность того, что в разговоре с близкими информанты говорили бы по-другому, чем с ученым. В учебной литературе по социолингвистике это явление получило название «парадокс наблюдателя» – непреднамеренное воздействие интервьюера на речь испытуемого, оказывающее значительное влияние на спонтанность речи испытуемого и его выбор языковых средств [Вахтин, Головкин, 2004, с. 57].

Кроме того, Е.А. Земская разработала анкету, которая была призвана получить сведения о «языковой истории» информантов, языковых компетенциях, отношении к русскому языку, России и русской куль-

туре, а также сведения о социальных характеристиках – возрасте, месте рождения, уровне образования и профессии. Данная анкета не использовалась для своего прямого назначения, т.е. не была представлена информантам. Автор использовала анкету для систематизации социолингвистических данных своих информантов.

С.Е. Никитина изучала устную русскую речь конфессиональных групп молокан и старообрядцев, эмигрировавших в США в формате интервью, основным инструментом для которого выступил специально разработанный вопросник. Исследователь разработала несколько видов вопросника: общий – для любого члена общины, но дифференцированный в зависимости от принадлежности информанта к общине молокан или к общине старообрядцев, и специальный, в зависимости от социальной функции информанта в общине (вопросник для сказателя, для певца, для беседника и др.) [Никитина, 2010, с. 79].

С.Е. Никитина уточняет, что данные вопросники не показывались информантам (так же как и в исследованиях Е.А. Земской), а служили ориентиром для исследователя во время проведения интервью.

Использование вопросника позволило С.Е. Никитиной собрать информацию о социальных параметрах информантов (пол, возраст, место и год рождения, образование и профессия и др.), о языковых компетенциях и способностях эмигрантов, об отношении к русскому языку, а также мнения о судьбе русского языка. Полученные данные легли в основу описания языковой ситуации русскоговорящих старообрядцев и молокан США.

Лингвокультурологический метод

Лингвокультурологический метод, согласно З.И. Комаровой, – «это интеграция методик, приемов и процедур исследования, направленных на изучение взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка с целью установления и объяснения того, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры» [Комарова, 2012, с. 538].

Задача лингвокультурологического метода состоит в том, чтобы понять и объяснить, как культура участвует в образовании языковых концептов, составляющих основу языковой картины мира того или иного языкового коллектива. Под языковой картиной мира мы понимаем субъективный образ объективного мира, исторически сложившийся в сознании данного языкового общества и выраженный в языке посредством языковых единиц разных уровней. Языковая картина мира характеризуется субъективностью, историчностью, культурной обусловленностью.

Язык играет непосредственную роль в конструировании языковой картины мира, и, следовательно, является средством выражения системы взглядов, представлений индивида об окружающей действительности, культурных традиций и установок.

Лингвокультурологический подход находит свое отражение в исследовании С.Е. Никитиной [Никитина, 2010, с. 69–117].

С.Е. Никитина характеризует конфессиональную культуру молокан как замкнутую, что позволяет этой культуре «выжить, оставаясь самой собой» [там же, с. 74]. Автор показывает всестороннюю, многоаспектную зависимость языкового сознания молокан от общих конфессиональных установок группы. Характеристика языковых компетенций и языкового самосознания старообрядцев используется в качестве сопоставительного материала.

Анализируя устную и письменную речь конфессиональных групп, С.Е. Никитина описывает изменения русского языка эмигрантов, проявившиеся под воздействием английского языка на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях языковой системы, а также в графике.

Из зарубежных исследователей эмигрантского русского языка выделим работы Х. Пфандля [Пфандль, 1994, 1997] вследствие их направленности не только на языковые, но и на социально-культурные установки эмигрантов. Автор, проводя наблюдения над русской речью и поведением эмигрантов в Австрии, выделяет три типа культурно-языкового поведения эмигрантов (поведение ассимилянта, антиассимилянта и сознательное поведение). Каждый тип поведения характеризуется особенностями внутреннего отношения человека к своему родному языку и культуре, а также к осваиваемому языку и культуре, от которого, по мнению автора, и зависят дальнейшие процессы развития русского языка в эмиграции [Пфандль, 1994, с. 71]. Позже Х. Пфандль признает сложность и маловероятность проверки своей гипотезы эмпирическим путем, т.к. «такое исследование предполагает опрос будущих эмигрантов на своей родине, а через несколько (4–5) лет их повторный опрос в новой стране проживания» [Пфандль, 1997, с. 31]. Очевидно, что такое исследование требует больших методических и временных усилий, не говоря уже об объективной сложности отбора информантов. Несмотря на это автор предпринимает попытку изучить культурно-языковые установки эмигрантов, проживающих в Австрии, рассматривая приверженность к приметам и бытовым обычаям как индикатор поведения, характерный для эмигранта третьей и четвертой волны [Пфандль, 1997].

Лингвоперсонологический метод

Лингвоперсонологический метод принадлежит формирующейся на рубеже XX–XXI вв. новой области науки о языке – лингвоперсонологии, исследующей феномен языковой личности.

Наряду с общенаучными методами в лингвоперсонологии активно применяются междисциплинарные методы, а также формируются специфические методы. К специфическим методам относят метод реконструкции языковой личности (воссоздание недоступных непосредственному наблюдению компонентов языковой личности на основе письменных текстов, в т.ч. дискурса персонажей художественных текстов) и метод речевого портретирования (монографическое описание речи отдельных лиц) [Иванцова, 2010, с. 121–133].

Языковое портретирование активно применяется исследователями языка русского зарубежья. Так, в монографии Е.А. Земской «Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты» на основе анализа устной речи эмигрантов созданы и описаны 25 речевых портретов эмигрантов, в основном первой волны западной ветви эмиграции [Язык русского зарубежья, 2001]. Е.А. Земская описывает фонетические, морфологические, лексические, синтаксические особенности русского языка языковых личностей – эмигрантов первой волны, принадлежащих к разным поколениям.

По мнению Е.А. Земской, методика речевых портретов является одним из возможных направлений исследования феномена языка русского зарубежья, при котором изучается «конкретная реализация разных признаков в речи одного лица, возможности их сосуществования, взаимовлияния». Такое монографическое описание речи характеризуется «пристальным вниманием к особенностям речи эмигранта на всех уровнях языка, к специфике речевого поведения», учитывает различные особенности языковой личности: условия освоения русского языка, личные и профессиональные свойства, биографию и т.п. [там же, с. 28].

Е.В. Иванцова, описывая методику речевых портретов в лингвоперсонологии, замечает, что «большинство речевых портретов имеют социолингвистическую направленность» [Иванцова, 2010, с. 125]. Другими словами, описанию подвергаются не только особенности языковой системы информанта и особенности его речевого поведения, но и социолингвистические параметры, которые дают основание причислить информанта к той или иной социальной группе, а, следовательно, и рассматривать выявленные особенности как типичные для той или иной группы.

Е.А. Оглезнева при изучении русского языка восточного зарубежья так же обратилась к методу речевого портретирования с социолингвистической направленностью. Автор называет этот вид портретирования «социально-речевым», которое подразумевает «выявление специфических черт говорящего на фоне социолингвистических переменных» [Оглезнева, 2009, с. 176].

В своей монографии исследовательница представляет «портретную галерею» эмигрантов – первый опыт целостного типологического осмысления их речи». В качестве информантов выступили люди преклонного возраста – эмигранты разных волн и разных поколений, последние представители русской диаспоры в Харбине (Китай). Автор описывает языковые особенности и социальные характеристики информантов в условиях особой языковой ситуации, которая характеризуется минимум шестью типами языкового существования, связанными с русско-китайским и китайско-русским языковым взаимодействием.

Таким образом, полученный в результате речевой портрет позволяет выявить как общие черты человека, присущие ему как представителю эмиграции, так и индивидуальные черты личности [Язык русского зарубежья, с. 28].

Дискурсивный метод

Обращение к дискурсивному методу для изучения русского языка восточного зарубежья предпринято в монографии Е.А. Оглезневой [Оглезнева, 2009].

Под дискурсом исследователь понимает, вслед за Н.Д. Арутюновой, «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами», как «речь, погруженную в жизнь».

Совокупность текстов, составляющих тот или иной тип дискурса, является способом репрезентации видения мира, его интерпретации, другими словами – языковой картины мира. «Русский язык зарубежья как вариант национального языка», согласно Е.А. Оглезневой, «отражает одну из разновидностей этноязыковой картины мира, специфика которой обусловлена и экстралингвистически (существование вне метрополии и др.), и собственно лингвистически (существование в иноязычном окружении и др.)» [Оглезнева, 2009, с. 84].

Этноязыковая картина мира как способ интерпретации действительности наиболее полно представлена в текстах, которые продуцируются этнической общностью. В качестве таких текстов могут выступать материалы периодических изданий.

Анализ дискурса в монографии представляет собой изучение русского языка восточного зарубежья на материале русских периодических газет Харбина (Китай). Автор рассматривает реализацию общественно-политического, религиозного и рекламного дискурса в харбинской периодике, а также описывает языковое своеобразие русской периодики Харбина (на лексическом уровне: процесс архаизации лексики и процесс появления новой лексики, заимствования из китайского и западно-европейских языков, новообразования и др.; на грамматическом уровне – процесс архаизации грамматики).

Изучение дискурса на материале русскоязычных периодических газет осуществляется с помощью лингвокультурного и социолингвистического подхода. С одной стороны, автор выявляет ряд «культурных доминант» эмигрантов, которые позволяют автору реконструировать языковую картину мира, репрезентированную в текстах этого сообщества. На основании такой реконструкции, замечает Е.А. Оглезнева, «возможно моделирование облика эпохи».

С другой стороны, при анализе учитываются социолингвистические параметры участников коммуникации, которые рассматриваются как представители той или иной социальной группы, а обстоятельства их общения исследуются в широком социокультурном контексте.

В то же время Е.А. Оглезнева придерживается мнения Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки о том, что дискурсивный анализ не может однозначно претендовать на «точность», «объективность» и «масштабность», т.к. не является количественным методом исследования и поэтому допускает более свободный подход к изучению объекта исследования: «Дискурсивный анализ открывает возможность более свободного взгляда на объект исследования, более гибкого использования различных инструментов анализа, отказа от обязательных обобщений, принципиального недопущения «неточных» выводов» [Вахтин, Головки, 2004, с. 275].

Еще один пример обращения к дискурсивному методу при изучении языка русского зарубежья можно наблюдать в монографии А.В. Зеленина [Зеленин, 2007]. Ученый одним из первых предпринял попытку проведения комплексного исследования русского языка зарубежья на материале эмигрантской прессы. По наблюдениям автора, эмигрантская пресса и раньше выступала источником материалов по изучению языка эмигрантов, но все больше как дополнительный источник в виде «спорадических ссылок на эмигрантские газеты» [там же, с. 17, с. 23].

Такой подход к выбору эмигрантской прессы в качестве объекта для изучения русского языка зарубежья А.В. Зеленин связывает с лингвистическими причинами: трудоёмкостью сбора исследовательского материала и сосредоточением архива эмигрантских газет за рубежом, а также закрытостью темы для советских ученых [там же, с. 23].

В своей монографии автор фокусируется на изучении языка публицистики определенного исторического периода (1919–1939 гг.), т.е. языка первой волны западной ветви эмиграции. В качестве основного материала исследования выступают цитаты (выписки) из эмигрантской прессы разной политической направленности.

Несмотря на то, что А.В. Зеленин не называет свой метод исследования дискурсивным, в монографии четко прослеживается дискурсивная траектория анализа печатных текстов. С одной стороны, материалы эмигрантских газет подвергаются описанию с точки зрения лексических, словообразовательных, графико-орфографических особенностей, специфики использования гендерных номинаций, прецедентных тестов, с другой стороны – автор обращает внимание на политическую направленность изданий, т.е. на экстралингвистические факторы, сопровождающие материал исследования. Об этом свидетельствует выбор автором источников для изучения – периодических изданий, имеющих полярную политическую позицию, благодаря чему А.В. Зеленин [там же, с. 24] предпринимает попытку «выявить наиболее характерные (типические) черты, свойственные той или иной газете, тому или иному дискурсу».

Выводы

В настоящий момент язык русского зарубежья представляет собой актуальное направление лингвистических исследований. Ученые называют это направление «феноменом», «особой формой существования русского национального языка», тем самым подчеркивают его выдающийся, исключительный характер, который проявляется в сложности и многогранности явления, в разнообразии аспектов и методов его изучения.

В представленном обзоре на основе исследовательских работ по изучению феномена языка русского зарубежья, опубликованных в России с 1990-ых годов (Грановская Л.М., Земская Е.А., Гловинская М.Я., Голубева-Монаткина Н.И., Никитина С.Е., Зеленин А.В., Прота-

сова Е.Ю., Менг К., Оглезнева Е.А. и др.) рассмотрены аспекты и методы изучения феномена.

Современная лингвистическая наука рассматривает феномен языка русского зарубежья в нескольких аспектах: в диахроническом – изучается язык разных «волн» эмиграции на протяжении XX – начала XXI вв., в синхроническом – язык одной «волны» предстает в нескольких поколениях потомков, а также в аспекте ветвей эмиграции.

Ветви эмиграции – условное деление направлений изучения эмигрантского языка. Традиционно лингвистами выделяются две ветви эмиграции на протяжении XX – начала XXI вв., дифференцированные по географическому признаку, – западная и восточная. Соответственно, изучается русский язык эмиграции на Западе и на Востоке.

При изучении русского языка западной и восточной ветвей эмиграции в диахроническом аспекте исследователями принято выделять «волны» эмиграции как некоторые хронологически очерченные периоды на протяжении XX – начала XXI вв. Лингвистами выделяется разное количество волн эмиграции в западном и восточном зарубежье, что обусловлено разным историко-социальным и культурным контекстом эмиграции. Характеристика каждой волны базируется на описании исторических причин, которые привели к ее появлению, на выявлении специфических социальных и языковых черт ее носителя. При описании языка восточного зарубежья разных волн так же учитывается факт существования и взаимодействия эмигрантского русского языка в отличном от западной эмиграции иноязычном окружении (китайский язык и его многочисленные диалекты, а также другие неродственные языки).

Синхронический аспект изучения феномена заключается в рассмотрении языка русского зарубежья, взятого в конкретный промежуток времени в совокупности его форм – в рамках одной волны эмиграции анализу подвергается русский язык разных поколений. Исследователи описывают степень владения и сохранности русского языка у разных поколений потомков, дают их социолингвистическую характеристику, объясняют способность тех или иных факторов детерминировать языковые особенности этих групп.

Большинство ученых придерживаются деления волн на четыре поколения: бабушек/дедушек, родителей, детей и внуков. Обращение к синхроническому аспекту изучения русского языка зарубежья, в рамках нескольких поколений одной волны эмиграции, позволяет ученым дать наиболее полную характеристику языковой ситуации изучаемой группы. Исследование языковых особенностей разных поколений по-

томков помогает выявить общие и специфичные процессы, протекающие в языке эмиграции и метрополии, а также социальную и функциональную дифференциацию языков в условиях двуязычия.

В силу сложности и многогранности феномена языка русского зарубежья его изучение все больше принимает междисциплинарный характер. В настоящий момент помимо традиционных общенаучных и собственно лингвистических методов исследования учеными активно применяется социолингвистический, лингвокультурологический, лингвоперсоналогический, дискурсивный метод к изучению данной проблематики.

Применение совокупности данных методик можно наблюдать в большинстве трудов вышеназванных ученых. Тем самым можно сделать вывод не только о междисциплинарном характере подходов к изучению языка русского зарубежья, но и об его комплексности: в совокупности применяемых методов отражается стремление ученых изучить все грани данного явления, выявить социальные, культурные, индивидуальные, исторические особенности, которые оказывают влияние на язык русского зарубежья.

Определение исследователями феномена русского языка зарубежья как «особой формы существования (сферы бытования) русского языка» [Караулов, 1992, с. 5; Оглезнева, 2009, с. 16], «особой подсистемы русского литературного языка XX века» [Грановская, 1995, с. 3], обладающего вследствие языковых контактов и влияния иноязычного окружения рядом особенностей на разных уровнях языковой системы, дают основания считать этот феномен актуальным и перспективным направлением лингвистических исследований, требующим комплексного изучения – в многообразии аспектов и методов лингвистических исследований.

Список литературы

1. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
2. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995. 176 с.
3. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. С. 341–492.
4. Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2010. С. 8–68.

5. Денисова Г.В. Креативный потенциал языка русских эмигрантов «первой волны» // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 7. № 7. С. 411–429. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26498712> (дата обращения: 19.01.2019)
6. Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly № 27–28: [сайт]. [30 июля – 12 августа 2001 года]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/027/tema01.php> (дата обращения: 19.01.2019).
7. Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939). СПб.: Златоуст, 2007. 380 с.
8. Земская Е.А. Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: [сайт]. [09.04.2005]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520 (дата обращения: 19.01.2019).
9. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении, 2001. № 1. С. 114–131. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm> (дата обращения: 19.01.2019).
10. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности / Учебное пособие. Томск: Изд-во «Томский университет», 2010. 158 с.
11. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности // Академия наук СССР, Институт русского языка АН СССР. М., 1991. 65 с.
12. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–18.
13. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Ур-ФУ, 2012. 818 с.
14. Менг К., Протасова Е.Ю. Языковая интеграция российских немцев в Германии // Известия АН. Серия литературы и языка, 2002, том 61, № 6. С. 29–40.
15. Никитина С.Е. Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2010. С. 69–117.
16. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Изд-во «Амурский государственный университет», 2009. 352 с.
17. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005 с. 493–519. URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php#_FN_17 (дата обращения: 19.01.2019).
18. Пфандль Х. Отношение к приметам и бытовым обычаям как индикатор культурного поведения русскоязычного эмигранта «третьей» и «четвертой волны» // Славяноведение. № 2, 1997. С. 31–45.
19. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции // Русская речь. № 3, 1994. С. 70–74.

20. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с. (Studia Philologica).

21. Эндрюс Д.Р. Пять подходов к лингвистическому анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение, 1997. № 2. С. 18–29.

22. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. 496 с.

Костева В.М.

Кандидат филологических наук, доцент,

Московский государственный лингвистический университет

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ НОВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ ЛИНГВИСТИКИ

Языкознание, как и практически все области гуманитарного знания, находится в постоянном изменении, фокусируя свое внимание на том или ином объекте исследования, что находит свое отражение в наименовании того или иного его раздела.

В последнее время традиционные наименования науки о языке – языкознание, языковедение – практически уступили место термину «лингвистика». Наиболее подходящее объяснение этой тенденции дал, на наш взгляд, М.А. Кронгауз, который писал: «Слово *лингвистика* появилось в русском языке как название науки о языке, синоним *языкознания* и *языковедения*. Как всегда бывает в языке, с одной стороны, синонимы конкурировали между собой, с другой – слегка расходились их значения. Слово *языковедение* тихо уходило из языка, название *языкознание* закреплялось за уже давно существующими и давно известными научными областями, а лингвистика – за научными направлениями более новыми и современными. Поэтому, скажем, со словом *традиционный* лучше сочетается *языкознание*, а *традиционная лингвистика* как-то менее привычно. Наоборот, *структурной лингвистикой* называют одно из главных направлений этой науки в двадцатом веке, а *структурное языкознание* совсем не звучит. Просто, так не говорят» [Кронгауз, 2008, с. 62–63].

Наименование новых направлений языкознания происходит исключительно в сочетании со словом лингвистика, например, структурная, компаративная, психолингвистика и т.д. Очевидно, что в связи с распространенностью термина лингвистика в зарубежной и российской филологической науке, новые парадигмы научного знания будут включать в свое наименование компонент «лингвистика».

В последнее время все более заметна тенденция к изучению разновидностей институционального дискурса, в который входит ряд дискурсов, в том числе политический, религиозный, дипломатический и др.

Для успешного анализа и описания разновидностей институционального дискурса необходимо оперировать особой терминологией. К определяющим понятиям относится центральный термин, которым именуется объект исследования и его производные, характеризующие участников того или иного дискурса.

Вопрос о терминологизации в лингвистике представляется довольно сложным, так как требует учета семантических, логических и коммуникативных особенностей слова или словосочетания.

Согласно лингвистической традиции, слово является термином при наличии следующих параметров:

- если оно обозначает «специальное понятие из определенной области знания или профессиональной деятельности»;
- имеет функцию «логического точного определения»;
- «создается преднамеренно или сознательно с учетом системных взаимоотношений в определенной сфере знания» [Матвеева, 2001, с. 487–488].

Таким образом, правомерность новых терминов определяется следующими параметрами: наличие специфики объекта, логика образования, преднамеренность создания и связь с другими элементами системы.

Считаем наиболее важным из них определение специфики объекта лингвистического исследования. Здесь мы видим несколько проблем, связанных с семантикой и парадигматикой лексем – потенциальных терминов.

В нашем исследовании так называемой «тоталитарной» лингвистики [Костева, 2013] для обоснования правомерности выдвигаемого термина мы обратились к вопросу о содержании, происхождении и использовании термина «тоталитарный» в общей тоталитарной парадигме, включающей, например, такие элементы, как тоталитарное государство, тоталитарный язык, тоталитарная культура и ряд других. Сопоставление эволюции термина, а также его использования в диахроническом аспекте в семи государствах XX в., относящихся в современной политологии к государствам с тоталитарным устройством общества, анализ с точки зрения участников тоталитарного дискурса, позволило сделать несколько выводов, в том числе о наличии идеологической полисемии, под которой понимается «использование одних и тех же слов представителями разных идеологий для обозначения разных понятий» [Bachem, 1979, S. 56]. Кроме того, было установлено изменение коннотации термина, от положительной до нейтральной и далее до резко отрицательной. Отметим, что подвижность коннотатив-

ной оценки в диахроническом аспекте представляет собой прямое следствие изменения политического и социального дискурса. Так, например, считаем, что нейтральная коннотация современного термина «глобализация» может быть изменена на отрицательную в случае изменения оценки ценностей, создаваемых глобализацией. Подтверждение этому мы находим в том факте, что сама идея глобализации сегодня переживает не самые благоприятные времена. Эйфория уступает место некому разочарованию, ширится движение противников глобализации, что нашло свое воплощение в появлении такого термина, как антиглобализм.

В этой связи дискуссионным представляется вопрос о важности коннотативной оценки для создания того или иного лингвистического термина, в том числе в миграционном дискурсе.

Полагаем, что в конечном итоге для лингвистов коннотация термина не играет существенной роли для проведения исследований, но она, безусловно, имеет значение для восприятия термина со стороны других участников институционального дискурса. Так, термин «тоталитарная» лингвистика вызывает отторжение и негативную реакцию в виду его высокой степени пейоративности, что связано с пейоративным характером тоталитарного в любых его терминологических проявлениях. Тем не менее, полагаем, что его использование закрывает определенную лакуну в наименовании лингвистики тоталитарных государств, с одной стороны, и наименовании лингвистики, в большей степени обусловленную преобладающим влиянием политико-социальных условий развития, чем внутренними закономерностями науки, с другой.

Отдельным вопросом является выбор лексемы из ряда существующих синонимов. Так, в русском языке наряду со словом «тоталитарный» существует термин «тоталитаристский», что кодифицировано в ряде словарей русского языка,¹ а также в отдельных научных работах, например, в качестве определения к слову дискурс [Демьянков, 2002, с. 32–43].

¹ Данный термин зафиксирован, например, в Русском орфографическом словаре [Лопатин, 1999, с. 1085] и в Большом толковом словаре русского языка [Кузнецов, 1998, с. 1335]. Словарная статья последнего лексикографического источника соотносит это прилагательное со словами «тоталитаризм» и «тоталитарист», а в качестве примеров сочетаемости использует понятия тоталитаристский строй и тоталитаристская политика. Слово «тоталитаристский» используется в переводе политико-философских текстов К. Поппера (ср., напр. название раздела «тоталитаристская справедливость» [Поппер, 1992, с. 123]).

Полагаем, что данная ситуация складывается при означивании понятий в других областях лингвистики. Считаем, что, например, в лингвистических исследованиях миграции возможно использование двух терминов в отношении лингвистики и дискурса: миграционный и мигрантский. Полагаем, что разница может состоять как в иерархии отношений внутри одного дискурса, так и в соотношении терминов с другими видами дискурсов.

Не менее важным является вопрос о критериях «логического точного определения». Думается, что речь идет, прежде всего, о непротиворечивости и полноте термина. Анализируя современную лингвистическую терминологию, отметим ее важную составляющую: наличие нескольких аспектов значения. Так, при определении «тоталитарной» лингвистики были учтены три сферы ее функционирования в составе тоталитарной парадигмы:

а) совокупность дискурсивных практик, характерных для лингвистики тоталитарных обществ, оказывающих влияние на формирование тематики, направления и методы теоретической и прикладной лингвистики;

б) совокупность лингвистических концепций тоталитарного общества, воплощающих господствующую идеологию;

в) система доминант языковой политики и лингвистики тоталитарного государства.

Думается, что терминологическое определение миграционной лингвистики может быть также представлено как совокупность нескольких значений, учитывающих различные параметры функционирования данного феномена в лингвистическом и общественном дискурсах.

Что касается вопроса о непротиворечивости того или иного термина, то проблемным нам представляется тот случай, когда определение уже имеет распространение в зарубежной или российской лингвистике, но включает в себя иное семантическое содержание, часто отличное от смыслового контента, вкладываемого другими группами исследователей того или иного явления. Хрестоматийным примером такого противоречия может послужить использование Н.Я. Марром термина «класс». В ряде исследований о марризме мы находим утверждение о том, что под классами Н.Я. Марр понимал не столько класс в марксистском понимании термина, сколько некую социальную группу. На это, в частности, указывает Н.С. Чемоданов в дискуссионной статье «Пути развития советского языкознания» [Чемоданов, 1950, с. 3]. О. Лещак, Ю. Ситько [Лещак, Ситько, 2008] в качестве доказательства приводят следующее высказывание Н.Я. Марра: «...Вы имеете в виду

марксистское понимание класса. Но, конечно, я не имею в виду такого как сейчас определения класса, когда говорю «класс»... Я ищу термин и никто не может мне его указать. Когда есть организация коллективная, основанная не на крови, то здесь я употреблял термин «класс»... вот в чем дело... Я брал этот термин «класс» и употреблял в ином значении, отчего его не употреблять? Таково действительное положение, а не желание противопоставить мои «классы» классам в их марксистки установленном понимании» [Марр, 1928, с. 39].

Здесь, очевидно, прочитывается социологическая направленность определения класса, когда класс уподобляется коллективу или определенной группе людей, связанных какой-либо общей деятельностью. С этой точки зрения можно по-иному взглянуть и на другие высказывания Марра: «...нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым» [Марр, 1934, с. 91], или «...Яфетидология отвергает существование неклассовых языков; все языки, в их числе и национальные языки Европы и Кавказа, — еще раз повторяем, классовые, притом классовые не в последнюю очередь, а — прежде всего». «Но главное, яфетидология иной подход к изучению языка, как к речи классовой, считает неприемлемым» [Марр, 1932, с. 19].

Иными словами, «классовость» языка можно рассматривать как совокупность социолектов, а изучение классовости позволяет отождествлять ее с социальной дифференциацией языка.

Для подтверждения этой мысли сравним приведенные выше высказывания Марра с ленинским определением: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [Ленин, 1970, с. 15].

Как видно, данное определение классов в марксистском понимании практически не имеет ничего общего с трактовкой класса у Марра, кроме указания на «большие группы людей».

Приведем пример из нашего опыта исследования. Лингвистикой тоталитаризма мы начали заниматься в 2008 г., при этом нами был использован упомянутый выше термин «тоталитарная» лингвистика.

Через несколько лет на русском языке была опубликована статья П. Серио «От любви к языку до смерти языка», впервые опубликованная на французском языке в 1986 г., в которой автор, говоря о советском дискурсе о языке, использует словосочетание «тоталитарная лингвистика», утверждая при этом, что таковой не существует: «Nous ne prétendons pas qu'il existe quelque chose comme une linguistique totalitaire» [Seriot, 1986, p. 1]. К большому сожалению, ни в этой, ни в других статьях ученый не раскрыл понятие «тоталитарная лингвистика», не встречается оно более ни в одном из научных трудов как иноязычной, так и русскоязычной литературы. Вероятно, под этим словосочетанием П. Серио имел в виду лингвистику, существующую в СССР в тоталитарный период.

В этой связи отметим, что термин «миграционная лингвистика» имеет большое распространение в зарубежной лингвистике. В качестве примера мы можем привести сборник статей «Языки в мобилизованных культурах: аспекты миграционной лингвистики» («Sprachen in den mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik»), изданный под редакцией Т. Штеля (T. Stehl), в 2011 г. в Германии или книгу Т. Крефельда (T. Krefeld) (2004) «Введение в миграционную лингвистику» («Einführung in die Migrationslinguistik»). Интересным представляется проект Института немецкого языка в г. Маннгейме «Миграционная лингвистика» (Projekt "Migrationslinguistik") (www1.ids-mannheim.de/prag/migration.html), реализуемый под руководством Н. Беренд (N. Berend), цель которого заключается в многоаспектном рассмотрении языка мигрантов.

Отметим, что в российской научной литературе также встречается термин «лингвистика миграции»¹.

Изучение представленных концепций, а также различная трактовка термина *миграционная лингвистика* свидетельствует о периоде становления и самоопределения данной исследовательской парадигмы. Подтверждение этой мысли можно найти в статье О.Р. Гулиной «Семантика миграционных терминов» [Гулина, 2016, с. 331–346], где автор утверждает, что «в настоящее время лингвистическое оформление миграционной терминологии – это развивающееся направление миграционных исследований на Западе и в меньшей степени в России». В статье в частности указывается на то, что «российский миграционный словарь характеризуется терминологической путаницей, которая начи-

¹ Название первой международной Летней школы по политической лингвистике "Язык и власть: лингвистика миграции", прошедшей в 2014 г. на базе факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ-Нижний Новгород.

нается тогда, когда законодатель в одних документах использует термин «иностранные граждане», а в других «мигрант» [там же].

На наш взгляд, такого рода неоднородность в существующей терминологии нарушает связь с другими элементами системы, что является основным требованием к созданию термина.

Выходом из подобных ситуаций могут стать обобщающие исследования в конкретной области лингвистики с учетом уже полученных результатов изучения конкретной проблематики зарубежных и отечественных ученых, работающих в области лингвистики и ее смежных областях. Одним из таких исследований и является представленная монография.

Таким образом, правомерность использования новых терминов в современной лингвофилософской парадигме с учетом требований, предъявляемых к терминологическому наименованию, определяется доказательной базой, созданной путем анализа больших текстовых массивов, лингвистических экспериментов, сопоставления контента уже имеющихся определений-терминов и устранения неопределенности, тавтологий в означивании того или иного явления в общей лингвистической парадигме.

Список литературы

1. Гулина О.Р. Семантика миграционных терминов // Журнал исследований социальной политики. 2016. Том 14. № 3. С. 331–346. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0719/analit02.php>. (дата обращения: 31.01.2019).
2. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.
3. Костева В.М. «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике. Монография. М.: Изд-во «Московский городской педагогический университет», 2013. 128 с.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
5. Лещак О.В., Ситько Ю.Л. Н.Я. Марр и функциональный прагматизм: опыт сопоставительного методологического анализа // Respectus Philologus. 2008. № 13 (8). С. 92–103.
6. Ленин В.И. Великий почин. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 39. С. 15.
7. Марр Н.Я. «Яфетическая теория». Баку: АзГИЗ, 1928. 156 с.
8. Марр Н.Я. К бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме. Баку: АзГНИИ, 1932. 34 с.

9. Марр Н.Я. Избранные работы в 5 т. Л.: ГСЭИ, 1934. Т. 3: Язык и общество. 442 с.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Открытое общество «Феникс», 1992. Т. 1: Чары Платона. 446 с.
11. Чемоданов Н.С. Пути развития советского языкознания. Дискуссия по вопросам языкознания // Правда. 1950. № 143. С. 3.
12. Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München: Oldenbourg, 1979. 186 S.
13. Seriot P. De l'amour de la langue à la mort de la langue [Электронный ресурс] // Essais sur le discours soviétique, Univ. de Grenoble. III, 1986. №6. P.°1–19. URL: http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/IC01Ag06.html (дата обращения: 08.02. 2013).

Список словарей

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН. Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 1998. 1535 с.
2. Лопатин В.В. Орфографический словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 1280 с.
3. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 526 с.

Мощанская Е.Ю.

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПЕРЕВОДА В МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

На современном этапе глобальных изменений в мировом сообществе, обусловленных политическими и экономическими причинами (передел и завоевание новых рынков, стремление к политическому господству и доминированию, развитие информационных технологий), возникают новые отрасли лингвистики, одной из которых является *миграционная лингвистика*. Названная лингвистика занимается исследованием взаимодействия языковых, культурных кодов принимающей мигрантов страны и представителей мигрирующей культуры.

С.В. Шустова предлагает следующее понимание методологической базы исследования миграционной лингвистики. Автор определяет объект названной лингвистики как «создание модели динамических языковых процессов», обусловленных перемещением этнических масс, а именно «модели миграционного дискурса», в качестве предмета выступают основополагающие компоненты модели миграционного дискурса, базовые категории миграционной лингвистики, формирование и развитие теоретико-методологической базы, разработка системы методов миграционной лингвистики [Шустова, 2018, с. 117].

Миграция является одной из причин такого явления как вариативность языка / речи, а именно «способности языка создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внешних причин» [Шустова, 2018, с. 115]. Вариативность является одним из важнейших факторов развития языка.

Обратимся к языку науки. Очевидно, что научный язык так же развивается, обогащается за счет появления новых или развития уже существующих в разных странах теорий. Эти теории объединяются в единые научные парадигмы вследствие общности объекта исследования, терминологической базы, научного подхода. Мы полагаем, что данные научные парадигмы могут стать объектом внимания миграци-

онной лингвистики, ибо они возникают в результате когнитивного взаимодействия, научного диалога, синергетического эффекта «со-мыслия» ученых разных стран и фактически перемещаются (мигрируют) из страны в страну.

В фокусе нашего внимания находится функциональная парадигма перевода. Термин «парадигма» мы рассматриваем вслед за В.Б. Кашкиным как «систему близких взглядов ученых, совпадающих по своим основополагающим принципам» [Кашкин, 2007, с. 83]. Парадигма, в концепции Т. Куна, это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун, 2001, с. 17]. Выбор функциональной парадигмы не случаен, ибо это, во-первых, интегративная теория, имеющая междисциплинарный характер (включает теории коммуникации и перевода, лингвистику текста, психолингвистику, теорию речевых актов и т.д.); во-вторых, достаточно продуктивная теория, ибо ее влияние прослеживается в научных исследованиях разных стран; в-третьих, теория, позволяющая разработать дидактические модели обучения.

Основу возникновения функциональной теории перевода заложили работы немецкого психолога и лингвиста Карла Бюлера и структуралиста Романа Jakobson. В книге «Теория языка. Репрезентативная функция языка» (*Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache.*) Карл Бюлер предлагает «модель языка как инструмента (органа)», согласно которой язык связан с отправителем, получателем и предметами (референтами). В связи с этим языковой знак обладает тремя семантическими функциями. Как символ он соотносится с предметами и ситуациями (*Darstellungsfunktion*: референтивная, или репрезентативная функция); как симптом он связан с отправителем (*Ausdrucksfunktion*: экспрессивная функция); и, являясь сигналом, он обращен к слушателю (*Appellfunktion*: апеллятивная функция) [Bühler, 1934, 1965, S. 24–33].

Роман Jakobson через 25 лет после К. Бюлера создает функциональную модель коммуникации, в которой автор называет уже шесть функций языка: эмотивную, конативную, референтивную, поэтическую, фатическую, метаязыковую [Jakobson, 1960]. При этом референтивная функция (*referenzial f.*) выражает фактуальные данные об объекте говорения; эмотивная или экспрессивная (*emotive f.*) функция отражает отношение отправителя к теме или предмету говорения; ориентация на адресата находит свое выражение в конативной функции (*conative f.*). Когда разговор заходит о причине выбора того или иного

языкового кода, на первый план выходит так называемая метаязыковая функция (metalingual f.). Сообщение, направленное на установление, поддержание или прерывание коммуникации, выполняет согласно автору фатическую функцию (phatic f.). И, наконец, фокусировка на общении как таковом, отражена в поэтической функции [Jakobson, 1960, p. 62–71]. Автор, таким образом, выделяет большее количество функций языкового знака, нежели К. Бюлер, и именует уже названные К. Бюлером функции по-другому: экспрессивная функция получает название эмотивной, а апеллятивная – конативной. Похожее название получает лишь референтивная & референциальная функция [Jakobson, 1960, p. 68]. Теория функций языка К. Бюлера и функциональная модель коммуникации Р. Якобсона и легли в основу функциональной парадигмы перевода.

Обратимся к функциональным теориям перевода ученых Германии. К ним относятся основоположники функциональной теории Х. Фермеер, К. Райс и К. Норд. В работе «Основы общей теории перевода» (Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie, 1984) К. Райс и Х. Фермеер ставят перед собой задачу создания деятельностно-ориентированной общей теории перевода, учитывая культурологические и лингвистические аспекты данного вопроса, а также лингвистику текста. В первой части работы Х. Фермеер излагает принципы так называемой Скопос-теории, во второй части К. Райс представляет типологию текстов, интегрируя ее в Скопос-теорию. Автор на основании той или иной доминирующей функции языка различает четыре типа текстов: тексты, ориентированные на содержание либо форму, апеллятивные и аудио-медиаальные тексты. При этом автор декларирует инвариантность функций исходного и переводного текстов [Reiss, 1971]. В более поздней работе К. Райс меняет название типов текста, выделяя *информативные* (informative T.) тексты (деловая корреспонденция, потребительские инструкции и руководства, компьютерные адаптационные тексты, учебники, научные журнальные статьи, доклады на конференции, патентные тексты и т.д), *апеллятивные* (operative T.) тексты (реклама, нарративный видеотекст), *экспрессивные* (expressive T.) тексты (художественные и поэтические тексты, сценические, кино- и телетексты и др.). В рамках коммуникативного подхода к переводу К. Райс отмечает, что любое языковое высказывание может содержать все три функции, но одна из функций будет ведущей. Преобладающая референциальная функция указывает на информативный характер текста, экспрессивная функция доминирует в художественных и поэтических произведениях с креативным содержанием, ведущая апеллятив-

ная функция маркирует намеренное воздействие на собеседника. Однако автор отмечает, что в ходе предпереводческого анализа необходимо сначала определить коммуникативную функцию текста, которая может отличаться от доминирующей в данном тексте языковой функции. Например, текст инструкции (ведущая функция – аппеллятивная) с императивными конструкциями не призывает к использованию, а делает возможным использование того или иного прибора посредством предоставления информации [Reiss, 1983, S. 23]. Рассуждая о методах перевода разных типов текста, автор отсылает к трем методам, названным И.В. Гёте и предлагает переводить информативные тексты при помощи предметно-прозаического метода (*sachlich-prosaische Übersetzungsmethode*), основная цель перевода – сохранение инвариантности содержания; для перевода текстов с ведущей экспрессивной функцией предлагается идентифицирующий метод перевода (*identifizierende Übersetzungsmethode*), в рамках которого переводчик призван идентифицировать себя с автором исходного текста (ИТ) и использовать аналогичные языковые и художественные приемы; при переводе текстов с доминирующей аппеллятивной функцией необходимо сохранять семантическую инвариантность и стилистическую аналогию, принимая во внимание социокультурные особенности и менталитет культуры языка. Цель перевода – сохранение интенции автора, направленной на вызов определенной поведенческой реакции. Данный метод перевода К. Райс называет вслед за И.В. фон Гёте пародирующий перевод (*parodistische Übersetzungsmethode*); при переводе аудиомедиаальных текстов переводчик призван принимать во внимание специфику технических средств и взаимодействие языковых и неязыковых элементов, поэтому этот метод перевода получает название «дополнительного» (*suppletorische Übersetzungsmethode*) [Reiss, 1983, S. 20–23]. К. Райс, таким образом, принимая во внимание интенции отправителя, получателя, предмет речи, ведущую функцию текста, предлагает коммуникативно-функциональную типологию текстов и типологию методов перевода, ориентированную на тип текста.

Функциональная теория К. Норд основана на трудах К. Бюлера, Р. Якобсона, К. Райс. Автор предлагает дидактическую четырехфункциональную модель транслатологического анализа текста, включающую фатическую (*phatische F.*), референциальную (*Darstellungs- oder referentielle Funktion*), экспрессивную (*Ausdrucks- oder expressive Funktion*) и аппеллятивную (*Appellfunktion*) функции. При этом К. Норд отмечает вслед за К. Райс, что большинство текстов являются многофункциональными, однако, как правило, одна из функций, является

ведущей (Hauptfunktion) [Nord, 2007, S. 22]. Идентификация и классификация заданных коммуникативных функций – важная составляющая переводческого анализа текста, так как на их основе принимаются решения о стратегиях и способах перевода. [Nord, 2007]. При этом выбор метода перевода зависит от того, какую функцию будет выполнять текст перевода в целевой культуре [ibid, S. 31].

Названным основным функциям подчиняется ряд подфункций. Так, референциальная функция служит для сообщения о предметах и фактах объективного мира и имеет, согласно К. Норд, семь подфункций: *инструктивная* функция, понимаемая как руководство по использованию получателем какого-либо предмета / вещи; *повествовательная* функция, а именно, сообщение фактуальной информации о событии, *описательная* функция направлена на характеристику предметов или лиц; *декларативная* функция служит для выражения долженствования или маркировки статуса взаимодействующих лиц (например, в ситуации переговоров); *поясняющая* функция направлена на объяснение взаимосвязей между предметами и явлениями, упоминаемых в сообщении; функция *классифицирования* иллюстрирует отнесение предметов или лиц к тому или иному классу; *метаязыковая* ф. служит для пояснения языковых феноменов (например, терминов, различных языковых явлений) [ibid, S. 26–27].

Фатическая функция имеет четыре подфункции: функции *маркировки вступления*, *поддержания и окончания контакта* и функция *дефиниции и маркировки ролевых взаимоотношений* посредством выбора определенных форм обращения, формального или доверительно-го тона и т.д. [ibid, S. 25–26].

К экспрессивной функции К. Норд относит шесть подфункций, связанных с выражением отправителем сообщения своих чувств, установок, ценностей, желаний и т.д. Это – *эмотивная* функция (выражение чувств и эмоций), *оценочная* или *эвалюативная* функция, *нарративная* функция (функция рассказа), *оптативная* функция (выражение желания), функция *дистанцирования*, при помощи которой получатель дистанцируется от сообщения другого лица (например, посредством цитирования или реферирования мнения другого человека), функция *выражения сомнения* [ibid, S. 27–28].

Апеллятивная функция включает семь подфункций: *персуасивную* подфункцию, направленную на убеждение реципиента совершить некоторые действия; *иллюстративную* подфункцию, а именно, иллюстрация тезиса или высказывания примерами, *ассоциативную* функцию, относящую получателя к тому или иному произошедшему в прошлом

событию; *интертекстуальную* функцию, отсылающую получателя к другому тексту, *петитивную* функцию (выражение просьбы), *педагогическую* функцию (выражение рекомендации или совета получателю вести себя определенным образом) и *директивную* функцию (выражения запрета или приказа, нем. Gebot). Как показывает анализ, многие из названных К. Бюлером, Р. Якобсоном функций автор включает в категорию подфункций.

Должен ли переводчик сохранять функцию текста при переводе? Автор придерживается мнения Х. Хёних и П. Куссмауль, которые поставили под сомнение необходимость сохранения функций ИТ при переводе, предположив, что в тексте перевода ведущей может стать совсем другая функция [Hönig, Kussmaul, 1982, S. 40]. В связи с этим автор выделяет два вида перевода: *документальный* перевод (“документирование” или точное воспроизведение текста или любого из его свойств) и *инструментальный* перевод (перевод, предназначенный для выполнения других функций). К документальному переводу К. Норд относит следующие подвиды: подстрочный, буквальный, филологический и экзотирующий / «экзотический» перевод. Инструментальный перевод автор подразделяет на функционально-константный, функционально-вариативный и корреспондирующий переводы. К. Норд определяет «адекватный» перевод как перевод, соответствующий функциям, указанным в переводческом заказе или скопосе, при соблюдении принципа лояльности по отношению к автору исходного текста, получателю текста перевода, заказчику и самому переводчику [Nord, 1989].

К. Норд посвящает ряд статей специфике перевода тестов различных жанров. Так, в статье «Столь верно, сколь можно? Лингвистические маркеры коммуникативных функций и их значение в переводе литературных текстов» автор рассуждает и показывает на примерах многофункциональность художественных текстов и их переводов. Последняя состоит в том, что в художественных текстах, по мнению автора, отношение между авторской интенцией и той функцией текста, которая определяется читателем, является гораздо более неоднозначным, чем это имеет место в других типах текста. К. Норд описывает роль основных выделенных ею функций в художественном тексте: фатическая функция направлена на установление контакта с читателем и реализуется посредством названия, метакоммуникативных высказываний; референциальная функция служит для создания вымышленного «мира» и установления связи с реальным миром читателя; экспрессивная функция выражает отношение или чувства автора к рассказываем-

мой им истории; апеллятивная функция оказывает влияние на интерпретацию художественного текста [Nord, 1997].

Важнейшим достижением К. Норд является адаптация функциональной теории перевода для дидактических целей: автор создает циркуляционную дидактическую схему процесса перевода, предлагает аналитический вопросник для описания внешних и внутренних параметров коммуникативной ситуации перевода и типа текста, выделяет критерии оценки переводов студентов, да и сама четырехфункциональная модель транслатологического анализа текста представляет собой упрощенный вариант называемых разными авторами текстовых функций, применимый для использования в процессе обучения.

Дидактическая схема анализа текста К. Норд на этапе подготовки к переводу иллюстрирует зависимость факторов «внутреннего содержания текста» (text-internen Faktoren) от внешних факторов (text-externe Faktoren). При создании этой схемы К. Норд опиралась на схему анализа коммуникативного акта Г. Лассвела. К. Норд предлагает в ходе анализа ответить на 14 вопросов, при этом восемь из них описывают коммуникативную ситуацию: 1. Кто посылает сообщение (адресант речи)? 2. С какой целью? 3. Кому (адресат речи)? 4. По какому каналу? 5. Где происходит действие (место)? 6. Когда (время)? 7. По какой причине передается сообщение? 8. С какой функцией? Восемь последующих вопросов характеризуют содержание и форму текста: 9. О чем? 10. Что сказано? 11. Что не сказано? 12. В какой последовательности? 13. Какие невербальные элементы использованы? 14. Какими словами? 15. Какие синтаксические структуры имеются в наличии? 16. Каким тоном? 17. Какое влияние оказывает текст [Nord, 2002, S. 49]. Автор постулирует универсальный характер схемы, возможность ее применения и для анализа ситуации как письменного, так и устного перевода. Однако необходимо отметить, что за границами анализа остается социальный и интерактивный аспект коммуникативной ситуации устного перевода, ее опосредованный характер [Мошанская, 2016, с. 123].

В циркуляционной дидактической схеме процесса перевода представлена, с одной стороны, последовательность переводческих действий, с другой, – необходимые условия для осуществления качественного письменного перевода. В схеме отражена система необходимых знаний, а именно практические знания, знания предметной области перевода, языковых и культурных конвенций, теории и методов перевода; четыре стадии процесса перевода: анализ переводческого заказа,

анализ исходного текста, выбор стратегии перевода, создание текста перевода; четыре способности, необходимые переводчику: способность принимать переводческое решение, сопоставлять результаты анализа переводческого заказа и исходного текста, способность воплощать выбранную стратегию в процессе перевода и, наконец, оценивать качество своего перевода [Nord, 2007, S. 75–79].

Автор описывает процесс перевода следующим образом: на первом этапе переводчик анализирует переводческий заказ и извлекает информацию о внешних условиях (целевой язык/культура, временные рамки проекта, технические средства, гонорар) и коммуникативной ситуации перевода (круг реципиентов, способ передачи информации, ведущая функция, время и место восприятия текста перевода). Далее переводчик интерпретирует эти данные при помощи практических знаний, а именно знаний об общих или специфических конвенциональных нормах в практике профессионального перевода (например, о типичных заказах на перевод определенных типов текстов). Результаты интерпретации переводческого заказа оказывают влияние на анализ исходного текста, для этого активируются предметные знания, включая знание соответствующей терминологии, культурного и языкового своеобразия ИТ. Последний анализируется в контексте культурно-специфической ситуации, одним из важнейших факторов которой выступает коммуникативная функция. Знание языка и культуры предполагают не только владение типичными языковыми и невербальными образцами поведения, но и метазнаниями об их функционировании. На основе анализа ИТ и переводческого заказа с применением знаний в сфере теории и методов перевода разрабатывается глобальная стратегия перевода всего текста. На этом этапе необходимы как знания языка оригинала и исходной культуры, так и знания языка перевода и целевой культуры в сравнении, а также умения их сопоставления. Владение этими знаниями позволяет установить отношения эквивалентности, аналогии и семантической соотносимости на различных уровнях текста, а также определить их значимость для реализации стратегии перевода. От выбранной стратегии перевода зависит процесс создания текста перевода. На последнем этапе контроля правильности перевода, происходит сопоставление текста перевода с исходным текстом и переводческим заказом [Nord, 1996].

Таким образом, анализ произведений К. Норд показал, что автор творчески перерабатывает функциональную теорию перевода К. Райс и Х. Фермеера, развивает идею о наличии ведущей функции текста и ее языковых функциональных маркерах, подчеркивает роль фатиче-

да, а именно умению планировать, предвидеть результаты деятельности и определять алгоритм оптимальных действий, то есть то, из чего в конечном счете складывается стратегия перевода. Выделяя три этапа переводческой деятельности: подготовительный или предпереводческий анализ, основной или собственно перевод и завершающий этап или контроль перевода, – И.С. Алексеева отмечает, что необходимо научить стратегии перевода на всех трех этапах. На первом этапе переводчику необходимо совершить восемь действий: определить тип текста, цель перевода и реципиентов перевода, источник текста-оригинала, конвенции текста оригинала и текста перевода, виды информации в тексте оригинала, коммуникативное задание, внешние сведения о тексте (время создания, связь данного текста со своим контекстом, наличие глобального контекста, гипертекст, сведения об авторе и т.д.), важным условием являются понимание содержания текста и знание его предметной области. На втором этапе переводчик в процессе перевода определяет единицы перевода и ищет функционально эквивалентные соответствия. Соотношение единиц перевода, по мнению И.С. Алексеевой, зависит от типа текста и его особенностей. На завершающем этапе необходимо осуществить контроль правильности выбора стратегии перевода, что заключается в сверке полноты передачи ИТ, коррекции орфографии, текстонормативной и стилистической коррекции [Алексеева, 2006, с. 6–13].

Основываясь на четырех функциях языка К. Бюлера, автор выделяет три вида информации: *референциальную* (когнитивную), *предписывающую* (апеллятивную, оперативную), *эмоциональную* (экспрессивную). Подвидом эмоциональной информации является *эстетическая*, которая доминирует в художественных или литературных текстах. Автор утверждает, что большинство текстов обладает сложной информационной структурой и допускает возможность перераспределения информации при их переводе, вместе с тем, для обучения переводу И.С. Алексеева выбирает тексты, в которых при переносе в другую культуру посредством перевода совпадает аудитория текста перевода и оригинала, не изменяется коммуникативное задание. На основании видов информации И.С. Алексеева делит тексты на четыре группы: 1) *информационно-терминологические тексты*, построенные по строгим правилам с соблюдением литературной нормы языка, лишенные эмоциональности (научные, технические, аннотационные, патентные и т.д.); 2) *предписывающие тексты*, обладающие теми же признаками, имеющие, однако, другое коммуникативное задание: не сообщение объективных сведений, а предписание (тексты инструкций различных

типов, законодательные тексты); 3) *информационно-экспрессивные тексты*, с добавлением эмоциональных и эмоционально-оценочных компонентов, построенные, как правило, с соблюдением нормы языка. Тексты написаны от имени группы людей, представителем которой является их автор, они рассчитаны на массовую аудиторию (рекламные, газетные, журнальные статьи, тексты устных официальных выступлений и т.д.); 4) *художественные тексты*, выражающие интенцию и чувства, порождающего их автора и нацеленные на передачу сообщения от одного индивидуума – другому. В таких текстах доминирует эстетическая информация, для их перевода необходим «кропотливый многоплановый переводческий анализ» [Алексеева, 2006, с. 12–15].

Автор классифицирует источники текста оригинала по критерию индивидуальности (индивидуально-авторский источник) /групповой (принадлежность автора к группе людей) либо коллективной принадлежности автора (принадлежность к коллективу). В зависимости от принадлежности автора, он может быть указан или не указан при публикации текста [Алексеева, 2008, с. 33]

В другой работе И.С. Алексеева, опираясь на типологию текстов К.Райс, предлагает классификацию вторичных текстов перевода, основанную на комбинации таких параметров как коммуникативное задание и вид передаваемой текстом информации, характер источника и реципиента, объективная мера переводимости вторичного текста. При этом параметр вида информации является доминирующим. Выделяемые автором типы текста соотносимы по содержанию с первой типологией, имеют, однако, несколько иное название: 1) тексты первой группы автор называет *примарно-когнитивными*, для них характерен групповой, реже коллективный источник и групповой реципиент, коммуникативное задание этих текстов – сообщение новых сведений в данной области знаний; эти тексты автор относит к первой или второй группе переводимости; 2) тексты второй группы получили название *примарно-оперативные*, источник этих текстов – коллективный или групповой, а реципиент представлен коллективным адресатом, коммуникативное задание таких текстов – сообщить реципиенту объективную достоверную информацию и/или предписать совершение неких действий; тексты этой группы принадлежат к 1 или 2 группе переводимости; 3) тексты третьей группы автор называет *примарно-эмоциональными*, их источник является преимущественно коллективным, хотя иногда наблюдаются отдельные признаки индивидуального, реципиент представлен коллективным адресатом; коммуникативное

задание текстов – оказать эмоциональное воздействие и, в некоторых случаях, вызвать определенную реакцию; 1, 2 или 3 (реклама) группа переводимости; 4) тексты четвертой группы – *примарно-эстетические*, как источник, так и реципиент являются индивидуумами, коммуникативное задание примарно-эстетических текстов – вызвать определенную эстетическую реакцию. Автор относит эти тексты к третьей группе переводимости [Алексеева, 2008].

Таким образом, И.С. Алексеева, основываясь на функциональной теории перевода К. Райс, рассматривает текст перевода как вторичный, предлагает типологию исходных и вторичных текстов, вводит термин «коммуникативное задание». Автор так же, как и К.Норд, вносит вклад в развитие дидактики функционального перевода, используя положения функционального подхода в учебнике письменного перевода и учебных пособиях по устному переводу.

В.В. Сдобников, основываясь на трудах западных (Найда Ю., Каде О., Нойберт А., Егер Г., Райс К., Фермеер Х., Норд К.) и отечественных переводоведов (Львовская З.Д., Латышев Л.К.), предлагает обоснование коммуниктивно-функционального подхода к переводу. Основные положения этого подхода сформулированы в монографии «Перевод и коммуникативная ситуация»:

1) Перевод всегда осуществляется в коммуникативной ситуации, представляющей пересечение предметных деятельности разноязычных коммуникантов.

2) Перевод есть деятельность, осуществляемая с определенной целью, те текст на ПЯ выступает в качестве инструмента для достижения поставленной цели.

3) Цель перевода определяется инициатором перевода, в качестве которого могут выступать как частное лицо, так и отдельный институт, которые преследуют свои цели, иницируя тот или иной перевод.

4) Личность инициатора перевода, как правило, не совпадает с личностью получателя перевода.

5) Инициатор перевода является частью коммуникативной ситуации перевода.

6) Функция текста перевода в принимающей культуре может не совпадать с функцией текста оригинала в исходной культуре и всегда зависит от цели перевода, последняя определяется потребностями и ожиданиями инициатора и получателей перевода.

7) Коммуникативный эффект, производимый текстом перевода может не совпадать с коммуникативным эффектом, производимым текстом оригинала

8) Выбор стратегии перевода определяется целью перевода [Сдобников, 2015, с. 41, 42].

Научный вклад В.В. Сдобникова в развитие функциональной теории перевода заключается в том, что автор, опираясь на основные положения коммуникативно-функционального подхода к переводу, предложил типологию коммуникативных ситуаций и типологию стратегий и тактик перевода. В качестве оснований для типологии коммуникативных ситуаций перевода (далее КСП) автор предлагает следующие параметры: наличие *инициатора* перевода (в качестве такового может выступать заказчик перевода, автор произведения и т.д.), *цели* перевода (при этом цели варьируются: от передачи информации, содержащейся в ИТ либо репликах/ремарках участников мероприятия, до цели, предполагающей расширение круга получателей текста), *учет характера отношений* между субъектами коммуникации (официальный/неофициальный), *условий осуществления деятельности* (коммуникативное событие). Ко вторичным параметрам автор относит *наличие и форму контакта* коммуникантов (устный/письменный) и их *расположение* (контактное/дистантное). Своеобразие данной типологии заключается в том, что классификации подвергаются ситуации всех видов перевода: синхронного, последовательного, письменного, двустороннего и одностороннего. Все КСП делятся на два типа: КСП, в которых осуществление перевода планировалось изначально и КСП, в которых осуществление перевода было незапланировано.

КСП первого типа включает КСП непосредственного общения носителей иностранного языка (далее ИЯ) и языка перевода (далее ПЯ) и делятся соответственно на два подвида: КСП-1 на официальных мероприятиях и КСП-2 в рамках неофициальных мероприятий. К первому подвиду автор относит официальные встречи, лекции и презентации, интервью, круглые столы, шеф-монтаж (мастер-класс), экскурсионное обслуживание, переводческое сопровождение, перевод документации, ко второму – общение за пределами производственной ситуации, например, застолье [Сдобников, 2015, с. 75–84].

К КСП-2 В.В. Сдобников относит те ситуации, в которых в качестве инициатора перевода выступает либо автор ИТ (автоперевод), либо получатель ПТ (перевод инструкции, технической документации, научной статьи), либо его заказчик (перевод художественного произведения по заказу издательства, перевод фильма по заказу организации, занимающейся кинопрокатом) [Сдобников, 2015, с. 84–93].

Следует принять во внимание тот факт, что в исследованиях моно- и межкультурной коммуникации выделяется, как правило, три вида

ситуации: официальная, полуофициальная и неформальная. Так, Л.М. Макаров различает по критерию степень официальности четыре вида общения: непринужденное/фамильярное; нейтральное неформальное; полуофициальное и официальное общение [Макаров, 1998]. К ситуациям полуофициального повседневного общения можно отнести полуофициальные диалоги из сферы производства, услуг, прием-фуршет, интервью, разговоры с людьми, облеченными определенным статусом, где, нормы этикета носят нестрогий характер [Поликарпов, Мошанская, 2017, с. 112].

На основе анализа трудов И.С. Алексеевой, Н.К. Гарбовского, А.Г. Витренко, Т.А. Волковой, В.Н. Комиссарова и др. В.В. Сдобников дает определение стратегии и тактики перевода, понимая стратегию как «общую программу осуществления переводческой деятельности в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемую специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющую характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации». Тактика трактуется автором как «системно организованную совокупность переводческих операций, используемых для решения определенной задачи с учетом избранной стратегии перевода» [Сдобников, 2015, с. 135, 144].

Автор предлагает три типа стратегии перевода:

- стратегия коммуниктивно-равноценного перевода;
- стратегия терциарного перевода;
- стратегия переадресации.

При этом стратегия коммуниктивно-равноценного перевода понимается как «программа осуществления переводческой деятельности, предусматривающая реализацию коммуникативной интенции автора оригинала в форме создания текста на ИЯ, потенциально способного обеспечивать коммуникативное воздействие на получателя перевода в соответствии с ожиданиями автора оригинала и соответственно взаимодействие разноязычных коммуникантов в условиях совместной предметной деятельности». Данная стратегия реализуется в КСП-1 и КСП-2 [Сдобников, 2015, с. 150], для нее характерен следующий набор тактик: тактика выделения и передачи основной когнитивной информации, тактика прагматической адаптации текста, тактика воспроизведения стилистических характеристик и тональности текста, тактика воспроизведения индивидуального стиля автора. На выбор тактики влияет тип ситуации. Так, для КСП-1_{официальная} – перевод лекций и пре-

зентаций релевантны, по мнению автора, все четыре названных тактики [там же, с. 209–219].

Большой интерес вызывает описание своеобразия реализации стратегии и тактик коммуникативно-равноценного перевода в разных видах перевода: социальном, специальном (перевод информативных, публицистических, научно-технических материалов), а также в ситуации перевода рекламного и художественного текстов. Так, характеризуя стратегию коммуниктивно-равноценного перевода в социальном переводе, автор добавляет к вышеназванным тактикам тактику осуществления контроля за ходом коммуникации.

Автор понимает стратегию терциального перевода как «общую программу переводческой деятельности, направленную на создание ПТ, удовлетворяющего потребности носителя ПЯ, при этом текст перевода играет иную коммуникативную роль и преследует цель, отличную от цели автора оригинала» [там же, с. 162]. Данная стратегия реализуется, по мнению автора, в ситуациях второго типа, а именно там, где инициатором перевода выступает заказчик (КСП -2 ^{заказчик перевода}), реципиент (КСП-2 ^{реципиент}) или сам переводчик (КСП-2 ^{переводчик}). Для данной стратегии характерны тактики воспроизведения жанрово-стилевых и жанрово-стилистических характеристик текста [там же, с. 391–413].

Стратегия переадресации, трактуемая автором как «общая программа переводческой деятельности, направленная на создание ПТ, предназначенного для получателя, который отличается от реципиента ИТ не только своей национально-культурной принадлежностью, но и социальными характеристиками» [там же, с. 170], реализуется в ситуациях второго типа, где инициатором перевода выступает заказчик (КСП -2 ^{заказчик перевода}). Эта стратегия находит воплощение в следующих тактиках: тактики модификации композиционной, семантической либо синтаксической структуры текста, а также стиля и типа повествования. Для данного вида КСП характерна также тактика выделения и передачи основной когнитивной информации.

Заслуга В.В. Сдобникова видится в том, что автор подчеркивает особую роль цели перевода при выборе доминирующей стратегии, показывает зависимость вида КСП от типа инициатора перевода (автор оригинала, потенциальный получатель перевода, заказчик, или переводчик), уточняет понятие стратегии и тактики перевода, создает авторскую типологию КСП, включающую не только ситуации письменного, но и устного, синхронного и последовательного, перевода, а также предлагает описание набора стратегий и тактик разных КСП. По-

ложения коммуникативно-функционального подхода В.В.Сдобникова могут послужить основой написания теоретических работ в сфере переводоведения и быть использованы при обучении устных и письменных переводчиков.

Изучение функциональной парадигмы перевода на примере отдельных авторов Германии и России показало, что исследователи опираются при создании своих теорий на коммуникативный и текстоцентрический подходы. Об этом свидетельствует использование таких понятий как отправитель и получатель перевода, инициатор или заказчик перевода, коммуникативная ситуация, коммуникативная функция (задание, интенция). В функциональных теориях перевода отражен специфичный характер деятельности перевода: включенность в предметную деятельность; вторичность как специфика дискурса и текста перевода, этапно-циклический характер, учет культурных конвенций и своеобразия взаимодействующих культур, наличие собственной стратегии переводчика и реализующих ее тактик. Авторы классифицируют тексты-оригиналы и переводы по доминирующей / ведущей функции и типу преобладающей информации.

Функциональная теория перевода (далее ФТП), как показывают работы К. Норд, И.С. Алексеевой, оптимально подходит для использования в дидактике перевода, ибо основное внимание уделяется не тренировке отдельных речевых средств [Пассов 1989], а выявлению их функциональной роли в тексте, устном дискурсе, коммуникативной и предметной ситуации взаимодействия. Основная и бесспорная заслуга теории ФТП состоит в том, что были разработаны и прошли практическую апробацию теоретические основы функционального предпереводческого анализа текстов разных жанров, описан алгоритм действий, стратегии и тактики переводчика в разных ситуациях перевода, предложены объективные критерии оценки.

В ходе теоретического осмысления наследия представителей функциональной теории подтвердилась гипотеза о мигрирующем характере ФТП. В целом можно сделать вывод о том, что:

- 1) мигрирующие теории обладают как сходной, так и различающейся терминологической базой;
- 2) каждая из вновь созданных научных систем опирается на имеющиеся и вводит новые элементы;
- 3) в результате взаимодействия теорий возникает синергетический эффект, порождается новое знание.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студентов филологического и лингвистического факультетов высших учебных заведений. СПб.: Издательский центр «Академия», 2004, 352 с.
2. Алексеева И.С. Письменный перевод. Немецкий язык: Учебник. СПб.: Изд-во «Союз», 2006. 368 с.
3. Алексеева И.С. Транслатологические типы текста. Опыт классификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Серия 9. Вып 3. Ч. 1. 2008. С. 32–41.
4. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 256 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО Издательство АСТ. 2001. 301 с.
6. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во «Тверской государственный университет», 1998. 200 с.
7. Мощанская Е.Ю. Анализ ситуации устного последовательного перевода как первый этап ее моделирования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 3. 2016. С. 117–129.
8. Мощанская Е.Ю., Поликарпов А.М. Устнопорождаемая речь в ситуации устного перевода: дидактический аспект // Педагогическое образование в России. 2017. № 5. С. 109–155.
9. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.
10. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация. Монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 464 с.
11. Шустова С.В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. № 4. С. 114–125.
12. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. 2. unveränderte Auflage, Jena: Fischer, 1965. S.434. URL: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2305592_5/component/file_2309580/content (дата обращения: 14 октября 2018).
13. Jakobson R. Linguistik und Poetik // Jens Ihwe Literaturwissenschaft und Linguistik, Frankfurt / M. 1760. S. 142–178. URL: <https://docslide.net/documents/jakobson-roman-1960-1987-linguistics-and-poetics.html> (дата обращения: 14 ноября 2018).
14. Hönig H., Kussmaul P. Strategie der Übersetzung. Ein Lehr- und Arbeitsbuch, Tübingen: Narr. 1982. 167 S.
15. Nord C. Loyalität statt Treue. Vorschläge für eine funktionale Übersetzungstypologie // Lebende Sprachen. 1989. № 34 (3). S. 100–105.
16. Nord C. Wer nimmt denn mal den ersten Satz Überlegungen zu Arbeitsformen im Übersetzungsunterricht / Übersetzungswissenschaft im Umbruch, Festschrift für Wolfram Wilss, Tübingen: Narr, 1996. S. 313–327
17. Nord C. Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren. Editorial Club Universitario Alicante 2002. 182 S.

18. Nord C. „What’s the Purpose? Identifying communicative functions in pre-translational text analysis“ // Bertuccelli Papi M. / Cappelli G. / Masi S. (eds.) *Lexical Complexity: Theoretical Assessment and Translational Perspectives*, Pisa: Pisa University Press, 2007. P. 53–64.

19. Nord C. So treu wie möglich? Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte// *Linguistik und Literaturübersetzen*. Tübingen: Narr, 1997. S. 35–59.

20. Nord C. *Funktionsgerechtigkeit und Loyalität*, Bd. 2. Die Übersetzung literarischer und religiöser Texte aus funktionaler Sicht. Berlin: Frank & Timme. 2011.

21. Reiss K. Vermeer H. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer, 1984. 245 S.

22. Reiss K. *Methodische Fragen der übersetzungsrelevanten Textanalyse* // *Lebende Sprachen*. 1984. № 1 S. 7–10.

23. Reiss K. *Texttyp und Übersetzungsmethode*. Heidelberg, 1983. 142 S.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Шустова С.В., Исаева Е.В. МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ	5
Зубарева Е.О. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>МИГРАЦИЯ</i>	65
Иценко А.В. ФЕНОМЕН РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ.....	113
Костева В.М. К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ НОВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ ЛИНГВИСТИКИ	136
Мощанская Е.Ю. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПЕРЕВОДА В МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	144

Научное издание

Научный редактор доктор филологических наук,
профессор Тамара Ивановна Ерофеева

**МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ**

Монография

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка: *Л. Н. Голубцова*

Подписано в печать 06.03.2019. Формат 60 x 84/16
Усл. печ. л. 9,47. Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342)239-66-36

Отпечатано в ООО «Типограф»
Пермский край, г. Соликамск,
Соликамское шоссе, 17

